

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ЖАН-КРИСТОФ ГРАНЖЕ

КОНГО РЕКВИЕМ

Великолепный триллер... захватывающая история,
овеянная дыханием приключенческого романа.

FIGARO MAGAZINE

18+

Впервые на русском!

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Annotation

Жан-Кристоф Гранже, недавно поразивший своих поклонников первосортным триллером «Лонтано», в новом романе «Конго Реквием» погружает читателя в атмосферу ледящего кровь расследования цепочки загадочных ритуальных убийств, как две капли воды похожих на те, что некогда совершал в Конго знаменитый серийный убийца по прозвищу Человек-гвоздь. Эрван Морван, сын и наследник Морвана-старшего, в поисках ариадниной нити, которая выведет полицию на подозреваемого, бросается в конголезские джунгли. Как всегда у Гранже, «Конго Реквием» – это роман действия и одновременно роман сильных страстей, где застарелая ненависть, неутоленная жажда мести являются обратной стороной любви. Родителей не выбирают, но зато дьявол явно выбрал семью Морван, и гибель главы клана лишь подстегнула смертельную гонку.

Впервые на русском!

Жан-Кристоф Гранже
Конго Реквием

* * *

Аэропорт в Лубумбаши, Конго-Киншаса. Посадка в самолет больше напоминала базарные разборки. Самолет был покрашен наспех. Воздух провонял топливом. У подножия трапа клубилась чернокожая толпа с вкраплением белых недоумков. Крики. Отчаянная жестикуляция. Бубу^[1]. Картонки. Следовало ли считать эту борьбу всех со всеми просто местной традицией? Или же поразительным примером социального регресса?

Уже давно Грегуар Морван даже не задумывался над этим. Он знал, что в конце посадочной полосы торгуют кусками человеческого мяса – для вкусной семейной трапезы. Что перед взлетом кабину пилота обязательно посетит местный колдун со своими фетишами. Что большинство запчастей перепродано на черном рынке и приспособлено к латаным-перелатаным моторам. Что до пассажиров...

Морван этим рейсом не полетит. Он пришел последний раз все перепроверить ввиду собственного завтрашнего отъезда – на борту зафрахтованного по такому случаю «антонова», полностью проплаченного из его кармана. Он дал на лапу таможенникам, чиновникам из службы иммиграции, военным, не забыв и о «службах»: бесчисленных паразитах, кишачих в аэропорту и питающихся исключительно бакшишем. Он представил все необходимые документы: план полета, регистрационные данные, страховые договоры, аттестаты, разрешения... Все было липой. И это никого не смущало: в Конго не существовало оригиналов, только копии.

Двумя днями раньше он вместе со своим сыном Эрваном приземлился в Лубумбаши после короткого перелета из Киншасы. Девять часов в воздухе, чтобы оказаться в столице Демократической Республики Конго, потом еще четыре, чтобы добраться до Катанги, самой богатой провинции ДРК, вечно готовой взорваться новым военным конфликтом. Ничего нового.

Летели они вместе, но с разными намерениями. Эрван собирался разворошить пепел прошлого. Возобновить, не упуская ни малейшей детали, расследование, которое Морван лично провел сорок лет назад, когда охотился за серийным убийцей, нападавшим на белых девушек в Лонтано, шахтерском городе в Северной Катанге. По мнению сына, Грегуар допустил ошибку: седьмая жертва, приписываемая Человеку-гвоздю, Катрин Фонтана, была убита кем-то другим. *Да что ты об этом можешь знать, мать твою?*

Грегуар сделал все, чтобы помешать сыну пуститься в этот бессмысленный крестовый поход, но, когда увидел, что тот взял отпуск за свой счет в бригаде Угро и купил билет на самолет, понял, что Эрвана не остановить. Тогда он решил поехать с ним: в конце концов, ему было чем заняться в Катанге...

– Едем, патрон?

Он обернулся. Мишель стоял у края бетонной площадки с огромной связкой ключей в кулаке, как будто весь аэропорт был его личной собственностью. Этого тщедушного чернокожего парня с жирафьей шеей за необъятную курчавую шевелюру прозвали Сноп. Он носил тергалевые штаны и рубашку кричащей расцветки. Мишель был доверенным человеком Морвана, что в Лубумбаши оставалось понятием относительным.

Грегуар последовал за африканцем под безжалостным солнцем. Здесь, под гнетом удушающего сияния, белизны столь давящей, что она парализовала любую мысль и надежду, притуплялись все чувства.

Оборудование находилось в ангаре, запертом на все замки, под охраной солдат. Сноп отпер дверь и откатил ее по рельсу.

– Прошу!

Лучи солнца высветили два самосвала «рено» и три внедорожника «тойота», из которых были вытащены пассажирские кресла, – все это было куплено в прошлом месяце у других горнопромышленных групп. Морван заставил принять бюджет на голосовании генеральной ассамблеи «Колтано», горнодобывающей компании, которую сам и основал в 1990-х годах под предлогом необходимости привести в порядок предприятия вокруг Колвези. На самом деле он задумал втихую эксплуатировать новые рудные залежи, открытые его специалистами-геологами. Прямо-таки подарок судьбы.

Он подошел ближе и проверил: колеса, рули и моторы – все было на месте.

– Горючее?

– Вон там.

Проверить количество бочек он не стал: было кое-что поважнее.

– Остальное?

Мишель напустил на себя заговорщицкий вид и указал на ряд армейских ящиков, выстроившихся в тени. Он скрупулезно выбрал ключ на связке и открыл один из них. Морван увидел штук сорок штурмовых винтовок, магазины и ручное оружие. Чернокожие из джунглей такими машинками пользоваться не умеют, но Кросс их научит.

– Где ты это нашел?

– В MONUSCO.

Миссия ООН по стабилизации в Демократической Республике Конго. Тысячи «голубых касок», которые возились в этом бардаке уже лет пятнадцать. Отборные войска ради бросового результата. В общей неразберихе оружие и боеприпасы время от времени исчезали, чтобы обнаружиться в такого рода ящиках в глубине подобных ангаров...

Грегуар взял «ФАМАС»^[2] и резко передернул затвор. Это простое движение всколыхнуло волну горьких воспоминаний. Годы битв, побед, жестокости в самой глубине Африки – дорогой сердцу и ненавидимой.

Он выбрал девятимиллиметровый «глок», засунул его сзади за ремень и напихал магазины в карманы брюк – подарок Эрвану. Он хотел не дать ему продвинуться, а не оставить его беззащитным. *Только не это.*

– Есть еще запас М43-х калибра 7,62.

Патроны, используемые в «калашникове». Не стоит изменять традициям и пренебрегать старым добрым «калашом» современного африканца.

– Отлично. Скольких ребят берем?

– Восьмерых.

– Ты уверен в них?

– Как в самом себе.

– Ты начинаешь меня беспокоить.

Мишель хохотнул, но Грегуар не шутил. Если секунду назад он видел себя двадцатипятилетним бойцом, покорителем нового мира, то теперь ощутил близость кладбища. Во всяком случае, его заранее утомляла сама мысль продираться сквозь джунгли

во главе банды никчемных головорезов на поиски запрятанных месторождений.

– Патрон, я набрал парней из бывших солдат конголезской армии и...

Морван уже не слушал. Если все прошло, как было задумано – что в Африке просто невозможно, – шахты в тысяче километров к северу уже выкопаны, а к взлетной полосе километрах в двадцати от месторождений ведет расчищенная дорога. Тогда самосвалы смогут доставить первые тонны колтана прямо к самолету, что и даст толчок молниеносной эксплуатации. Несколько месяцев он будет подпольно торговать с Руандой, а потом, набив карманы, предупредит наконец своих партнеров: катангские власти, конголезских акционеров, европейских участников... И только тогда поделит оставшийся кусок жирного пирога.

Но это в теории. Последние новости – короткие успокоительные мейлы, заверявшие, что все идет хорошо, – не внушали оптимизма.

– Хорошая работа, Мишель.

Он оглядел оборудование, и настроение снова переменилось. Сказал себе, что, даже несмотря на свои шестьдесят семь лет, он еще может поиграть в африканского Фицкарральдо^[3]. В конечном счете хилые попытки сына выступить в роли вершителя правосудия как раз подтолкнули его. Есть надежда, что удастся убить одним выстрелом двух зайцев... И заработать, и удержать мальчишку на привязи.

– Устрой так, чтобы мы могли вылететь завтра до полудня.

– Без проблем, патрон.

Морван снова вышел под палящее солнце. На нем была простая голубая льняная рубашка, свободно спадающая на бежевые полотняные брюки, – уступка климату, ведь он при всех обстоятельствах не вылезал из черных, безупречно отутюженных костюмов.

Вдали лопасти самолетных винтов пришли в движение, хотя на отъезжающем трапе еще висели гроздьи людей. Всеобщая свалка. Он почесал свою курчавую шевелюру белого негра и взмахом отогнал заметивших его мальчишек-попрошайек.

Эта поездка станет его последней ложью.

2

Эрван уже устроился на террасе отеля, когда отец присоединился к нему, чтобы поужинать вместе. Было без чего-то семь, но темнота уже обрушилась, как камень.

– Вылетаем завтра утром! – объявил Старик победным тоном.

– Мы уже сто раз об этом говорили, – ответил Эрван, не поднимая глаз от меню. – Я с тобой не еду.

Морван тяжело опустился в пластиковое кресло. Как подметил Эрван, Падре вполне соответствовал конголезским стандартам: сто кило веса на метр девяносто роста.

– Нам ведь по пути: воспользуйся моим самолетом.

– Нет. Мне важнее моя независимость.

Грегуар расхохотался:

– Ты же не собираешься обвинять меня в чиновничьей коррупции, надеюсь!

Эрван оглядел своего собеседника, чей квадратный силуэт выделялся на фоне подсвеченного бассейна. Над водой витало облачко мошкеры, создавая у поверхности нечто вроде вибрирующего ореола.

– Просто не хочу, чтобы ты у меня под ногами путался, – парировал он. – Нужную информацию я должен собрать сам. Оставаясь независимым. Объективным.

– Ты говоришь как журналист.

– Эксгумировать дело сорокалетней давности – это скорее работа для историка.

Эрван отправился в Катангу, не зная, что его там ожидает. Иногда он подозревал отца в том, что тот покрывает настоящего убийцу Катрин Фонтана. В иные моменты думал, что Старик действовал вполне искренне – просто поверил, как и все остальные, в виновность Тьерри Фарабо. На самом деле он с трудом мог представить себе, во что обернется это расследование – без команды и технической поддержки, без улик и свидетелей.

Подошел официант. В полутьме (терраса освещалась подсветкой бассейна и ультрафиолетовыми противомоскитными лампами) видна была только его белая рубашка, галстук-бабочка и V-образный вырез жилета. Особая манера покачиваться придавала ему вид безголовой сомнамбулы.

– Две рыбы-капитана, две! – безапелляционно возгласил Морван.

– А еще?

– Ничего стоящего у вас больше нет. Зато лучшая речная рыба. А с рисом заправишься до послезавтра. Лишний день не посрешь!

Тот же номер он проделал вчера и позавчера. Такими темпами Эрван заработает запор до конца месяца.

– Я хочу докопаться до правды, – высокопарно заявил он. – Законное желание, верно?

– Разумеется. Но каков на самом деле предмет твоего расследования? Преступление, которому больше сорока лет? Исчезнувшая девушка, о которой ты ничего не знаешь? В городе, который больше не существует? И как ты можешь быть уверен, что ее убил не Человек-гвоздь?

– В момент убийства он был в восьмидесяти километрах от Лонтано.

– Откуда ты можешь знать? – продолжал настаивать Морван, упершись локтями в стол. – Ты думаешь, что в Африке можно доверять датам? Или расстояниям? Или свидетельским показаниям? А по мне, ты много на себя берешь, если хочешь заново перепроверить мой отчет, да еще о событиях, которые произошли до твоего рождения.

Эрван твердо решил не нагнетать: энный раунд столкновения отца и сына все равно ничего бы не дал. Лучше проявить миролюбие.

– Именно, – уступил он. – У тебя все было перед носом. Тебя закрутило. Может, сегодня, на расстоянии...

Морван открыл было рот, чтобы заорать, но сдержался. Откинулся на стуле с улыбкой на губах:

– Ты коп. И не хуже меня знаешь, что факты не всегда совпадают с логикой и хронологией. Несмотря на эти нестыковки, разве не кажется наиболее вероятным, что малышка стала жертвой того же убийцы, который убил уже шесть раз таким же образом?

Эрван взял горсть орешков: как и каждый вечер, рыбу-капитана приходилось ждать так долго, что казалось, будто ей пришлось рулить против течения от самого устья, прежде чем причалить в их тарелках.

– В таком случае я обнаружу соответствующие улики, и моя проверка займет всего несколько дней.

– Но откуда ты их возьмешь, эти улики?

– В полных архивах процесса Фарабо.

– Их не существует.

– Отнюдь. Я их нашел.

Отец закаменел:

– Где?

– В двух шагах отсюда. В колледже Сен-Франсуа-де-Саль.

– Ты их видел?

– Пойду туда завтра. Меня заверили, что они хранятся именно там.

– Тебя просто накололи.

Эрван развел руками в знак покорности судьбе. Его флегматичность выводила отца из себя, он чувствовал это и только поддавал жару.

– Посмотрим, – ответил он ровным голосом.

Морван ударил по столу. Приборы подскочили, их звяканье было смягчено бумажной скатертью.

– Мы в Конго, твою мать! Следы исчезают за два часа, отчеты за два дня, архивы месяцем позже. Только три вещи здесь неизменны во все времена: дождь, грязь и джунгли. Про остальное можешь забыть.

Эрван не мог не согласиться. Накануне он перерыл весь город в поисках старых газет. Ничего. Он попробовал найти юридические службы, административные структуры. Дважды по полям. Сегодня он побывал в мэрии, в архиепископстве Лубумбаши, в кабинетах горнопромышленных компаний. Без толку. Оставался только Сен-Франсуа-де-Саль.

– Предполагаю, ты не собираешься разыскивать свидетелей из тех времен? – не отступал отец.

– Я попробую.

– Тебе известно, какая в Африке продолжительность жизни?

Эрван не ответил. В итоге, устав от битвы, гигант с курчавыми волосами поднял свой стакан – коктейль из экзотических фруктов: он никогда не прикасался к алкоголю.

– В любом случае желаю тебе удачи!

Они чокнулись, словно закапывая топор войны.

– Шутки в сторону, – продолжил Старик вполне благожелательно, – как ты собираешься добраться до Лонтано?

– Есть регулярный рейс в Анкоро, к западу от озера Танганьика.

– Он не летает уже несколько месяцев. Даже взлетной полосы больше нет.

– А парни в аэропорту говорили совсем другое.

– За бакшиш тебе пообещают, что ты доедешь туда на спине гиппопотама!

Эрван пожал плечами. Еще одна пригоршня орешков.

– Предположим, ты туда доберешься, – великодушно допустил Морван. – Лонтано еще в ста километрах к северу.

– Сяду на баржу на реке. Я выяснил: так идет снабжение деревень. Даже китайские торговцы используют такой транспорт.

– Ты, вообще-то, осознаешь, что окажешься в Северной Катанге?

– Ну и что?

– А то, мой птенчик, что в этом регионе идет война.

Он ждал этого с момента приезда: подробную лекцию о конфликте в Конго. *А почему бы и нет?* Еще до отъезда он прочитал все, что смог раздобыть на эту тему, но понял не многое.

– Позволь объяснить тебе сложившуюся ситуацию, – продолжил Морван профессорским

тоном.

Он уже пытался просветить сына два месяца назад, когда они приезжали на похороны Филиппа Сезе Нсеко, «горячо оплакиваемого» директора «Колтано». Эрван тогда едва его слушал: ему и в голову не могло прийти, что придется еще раз сюда возвращаться.

– У конголезского бардака нет ни начала, ни конца, но начать с чего-то надо, так что обратимся к геноциду в Руанде в 1994 году. Миллион представителей народности тутси был убит представителями другой народности, хуту, всего за несколько дней. Приступ паршивого африканского безумия.

Но это было только начало бойни. Когда тутси снова пришли к власти в Кигали, хуту в массовом порядке бежали к Великим озерам, на восток Конго. В течение нескольких дней миллионы беженцев оказались в районе озера Киву. Население городов удвоилось, утроилось, учетверилось за одну ночь. На скорую руку построили лагеря.

Непонятно было, куда девать этих хуту, к тому же следовало опасаться, что вслед за ними явятся тутси, горящие жаждой мести.

Поль Кагаме, новый президент-тутси Руанды, не замедлил послать в погоню войска и даже воспользовался случаем, чтобы сместить старого Мобуту. После геноцида его народности он вполне мог снести голову маршалу, и Запад ему бы еще и аплодировал. Однако ради придания законности своему вторжению он организовал конголезское восстание – насквозь дутое, – объединив нескольких бывших мятежников в подобие коалиции.

Среди них был и Лоран-Дезире Кабила, старый махинатор шестидесятых годов, давным-давно ушедший на покой.

– Так началась первая конголезская война, – встрял Эрван.

Грегуар вздохнул. Он полагал себя единственным, кто вправе рассуждать об африканских делах, и, кстати, именно по данной причине воздерживался от этого занятия. С его точки зрения, тут не существовало ни проблемы, ни решения. Один только запутанный клубок противоречий, с которыми следовало разбираться по мере поступления.

– Первая война продлилась всего несколько месяцев. Это было в 1997 году. Утвердившись во власти, Кабила выразил благодарность на свой манер: он повернулся против Кагаме и выгнал из страны тутси, этих «гнусных захватчиков».

По-прежнему никакой рыбы на тарелках. Накануне они прождали больше часа. Когда их заказ прибыл, рыба-капитан была холодная, а у них пропал аппетит.

Эрван прислушивался не только к голосу отца, но и к звукам джунглей вокруг. Эта кишачая в темноте жизнь действовала почти успокаивающе. Время от времени лягушки-быки заводили свое соло.

Он решил еще раз проявить осведомленность:

– Про все это я читал. В отместку Кагаме перевооружил свои войска и снова захватил район Великих озер. Вторая конголезская война.

– Именно, – сдержанно одобрил Морван. – Но расклад переменился: у Кабилы хватило времени, чтобы сформировать собственные войска, пресловутых кадогас, детей-солдат. Он также вооружил хуту – тех самых, убийство которых спровоцировал на востоке страны. Не считая его новых союзников, Анголы и Зимбабве. Со своей стороны, Кагаме вступил в союз с Угандой и Бурунди.

В центре Африки разразилась своеобразная континентальная война и повлекла за собой цепную реакцию: в бой вступили разные милиции. Мау-мау^[4], баньямуленге^[5], другие

повстанцы... Даже внутри регулярной конголезской армии проявилось соперничество между ветеранами заирских вооруженных сил и кадогас, детьми-солдатами... список можно продолжать до бесконечности.

– Судя по тому, что я читал, сейчас там все успокоилось, верно?

– Скажешь тоже! Была тьма-тьмущая переговоров, соглашений о прекращении огня, союзов и альянсов. Но каждый раз все начиналось по новой. Откровенно говоря, никто не знает, как там что обернется.

– Кроме тебя.

– У меня нет таких амбиций, но могу тебе сказать две вещи, и ничего сенсационного в них нет. Первое: эта война давно бы закончилась, если бы не шла на земле, которая скрывает самые богатые в мире недра. И второе: расплачиваются всегда гражданские. На сегодняшний день конфликт унес пять миллионов жизней. Больше, чем войны в Югославии, Афганистане и Ираке, вместе взятые. И в первую очередь, разумеется, речь идет о женщинах и детях. Эпидемии, истощение, жестокое обращение, отсутствие медицинских услуг их просто истребляют.

Рыба-капитан подросла как раз вовремя. На этот раз, несмотря на ожидание и мрачную тему разговора, оба накинулись на еду. Пауза возникла сама собой. Продолжая жевать – и не чувствуя никакого вкуса, – Эрван размышлял. Отец подтверждал то, о чем он уже читал, но факты, изложенные его звучным голосом, становились более *реальными*. По прошествии нескольких минут он вернулся к разговору:

– Ты мне так и не ответил: на сегодняшний день там спокойней, да или нет?

– «Голубые каски» немного их потрепали, это верно. Руководителей в конце концов задержали, соглашения вот-вот подпишут, но оружие по-прежнему в обращении, шахты работают полным ходом и финансируют каждую «группу самообороны». Центральное правительство не имеет никакой власти в той зоне...

– А по моим источникам, на севере наведен порядок. Война идет в районе Киву и...

– Ты вообще слушаешь, что тебе говорят? Повторяю: никогда не известно, чего там ждать, особенно в районе Танганьики. В любой момент там могут объявиться группировки тутси и вступить в бой с регулярной армией.

– И все же ты туда отправляешься...

– Это мой бизнес.

Эрван знал, что отец собирается тайно эксплуатировать новые месторождения, в обход «Колтано». Следует признать, что в свои неполные семьдесят Падре сохранил железобетонные яйца.

– В любом случае, – заключил тот, – мы с тобой направляемся в одну сторону. Так воспользуйся моим транспортом. Я высажу тебя в Анкоро, а через одну-две недели вернусь за тобой в то же место. Тебе хватит времени для своих заморочек.

На этой стадии невозможно определить, какую именно ловушку скрывает его предложение, но у отца нет причин помогать ему. *Скорее наоборот*. Эрван быстро прикинул в уме. В конце концов, перелет позволит выиграть драгоценное время, а Грегуару будет чем заняться, кроме как следить за ним.

– Я не буду готов раньше двух часов дня, – возразил он, не желая сдаваться так быстро, – я еще должен зайти в Сен-Франсуа-де-Саль.

– Я тебя подожду, – пообещал Морван, протягивая ему руку.

Эрван принял ее с ощущением, что стягивает веревку у себя на шее.

Эрван шагал по освещенным солнцем пустынным улицам. Белый город с широкими проспектами, размеченными пальмами и зданиями с крышами-террасами. Он знал, что видит сон, но сон этот перевешивал реальность: он образовал замкнутый мир, из которого невозможно было выбраться.

Эрван продвигался с трудом, чувствуя, как ноги его погружаются в почву. Однако асфальт оставался твердым: это его тело размякало, как грязь. В нем не осталось ни костей, ни мускулов. Свет еще больше ускорял распад. Он таял в жаре...

Под портиками он заметил бурые пятна, похожие на силуэты людей. Подошел ближе и увидел почерневшие, маслянистые кожи, прибитые к дверям и распяленные на ширину около метра.

Человеческие шкуры...

Он вспомнил, что этим и славился город: его дубильщики работали только с человеческой кожей.

Раздался крик, потом второй, и еще один. Эрван попытался ускорить шаг, но ноги при каждом касании все глубже уходили в битум. Он не бежал, а увязал... в самом себе.

Вопли становились невыносимыми, раскалывая череп, как скорлупу. Он открыл глаза. Сквозь противомоскитную сетку увидел, как мерцают стены. Голоса доносились снаружи, вполне реальные. Запах горелого пропитал воздух. Он сел и понял: где-то пожар. Запутавшись в тюлевых занавесках, он умудрился выбраться из кровати, весь в поту. Поковылял к переливчатым отсветам, падающим из окна.

Улицы за деревьями видно не было, но издали доносились крики. Постояльцы и персонал гостиницы суетились в саду. Тени вытягивались, переплетаясь на лужайках. Эрван глянул на часы: четыре утра.

Он натянул брюки, рубашку, схватил ключ от номера и вышел. Нет смысла будить отца: тот, без сомнения, уже на месте. Старик никогда не спал – по крайней мере, так, как спят нормальные люди: чтобы отдохнуть и дать волю мыслям.

Ему показалось, что он нырнул нагишом в кипящий котел. Двор. Улица. От запаха гари свербело в носу и перехватывало дыхание. Небо было алым и хрустким, как гигантская печь. Люди бежали, кричали, толкались. Он догадался, что толпа вокруг не спасалась, а, наоборот, устремлялась к месту катастрофы.

Влившись в общее движение, он ощутил странное возбуждение – нечто подобное охватывало его во время грозы, когда он был маленьким. И все, казалось, испытывали то же двойственное чувство: то ли страх, то ли потрясение, то ли веселье. Дети в полном неистовстве тоже мчались вместе со всеми.

Они свернули на боковую улицу – Эрван отметил про себя, с какой легкостью эти люди покинули свои дома глубокой ночью. Лубумбаши: город со стенами из ветра. У него из головы не шел город из его сна: проспекты, светлые фасады, маслянистая кожа... Ничего общего с этими темными улочками без городского освещения с их волнением и суматохой. Его тошнило.

Они добрались до глинобитной площади, над которой нависал купол дыма. Медные прожилки и алые волокна пронизывали этот потолок, как вулканические трещины. Здесь царил полная паника. Мужчины и женщины металась во все стороны, сталкивались,

перекликались, тащили мешки и всякое барахло. Жители покидали квартал, пока огонь не смел все вокруг.

Сейчас горело единственное здание. Трехэтажный куб, из окон которого вылетали оранжевые сполохи и клубы черной сажи. Пожар словно упивался собственной мощью, в исступлении распространяясь в сушильные ночи.

Эрвана охватило дурное предчувствие. Он ухватил за рукав пробежавшую мимо женщину, тащившую под мышкой ребенка, а другой рукой прижимавшую к себе кучу тазов.

– Что это за здание?

Беглянка вскинула на него глаза, в которых плясали блуждающие огоньки. Она не понимала вопроса – вернее, его абсурдности.

– Что это там горит? – повторил он.

– Сен-Франсуа-де-Саль! Колледж!

Он выпустил свою добычу и устался на дом, который был хранилищем всех его надежд. Оставался только пламенеющий каркас, с которого осыпались стены, как тающий сахар. Он подумал об учениках, но внутри, совершенно очевидно, никого не было.

Оглядевшись вокруг, он осознал, какими ничтожными возможностями располагали местные пожарные – простые парни в шортах и майках, передающие ведра, пакеты с водой и лопаты с землей под взглядами солдат из ооновской миссии MONUSCO, которые стояли, свесив руки, и словно ожидали приказа от невидимого командира.

Эрван окаменел. Конечно, гореть в колледже было особо нечему – не считая архивов, на которые он так рассчитывал. Имена свидетелей, подробное описание обстоятельств, связанных с преступлениями Человека-гвоздя, слушания и речи адвокатов – все обращалось в дым на его глазах.

Его расследование, не успев начаться, закончилось.

В этот момент он поискал глазами отца. Оказалось, ему достаточно было обернуться: Старик устроился прямо позади него; сидел облокотившись о стену. Его покрытое пеплом лицо напоминало погребальную маску. Казалось, его не интересовал ни пожар, ни суэта вокруг: он что-то рисовал веточкой на земле.

Почувствовав, что за ним наблюдают, он поднял глаза и заметил сына. Сделал рукой соболезнующий жест, и Эрван понял, кто поджег колледж Сен-Франсуа-де-Саль.

– Теперь ты можешь лететь со мной в полдень.

– Да пошел ты!

Семь часов утра. Эрван уселся напротив отца, точно за тем же столом, что и вчера, – в любой точке мира достаточно двух дней, чтобы обзавестись привычками. Он так и не смог заснуть, снова и снова пытаясь побороть ярость и чувство бессилия. Отказаться от расследования? И речи быть не может. Просто придется сразу перейти к следующему этапу, но вслепую. Найти последних свидетелей по делу, не имея ни имен, ни информации. Восстановить факты, даты, обстоятельства – и все без единого ориентира.

– Если ты думаешь, что я хоть каким-то боком к этому причастен, ты...

– Я ничего не думаю, я знаю.

Морван налил ему кофе. За стеклами темных очков он казался еще более

непроницаемым, чем всегда. На нем была розовая льняная рубашка и безупречные кремовые брюки. Рядом с ним Эрван всегда себя чувствовал одетым как бомж.

– Безапелляционность молодости... – пробормотал Грегуар.

Тон был ироничным: Эрвану перевалило за сорок. Тот в свою очередь нацепил дымчатые очки – лучше сражаться на равных – и выпил кофе, безвкусный и чуть теплый. Зато круассан оказался намного лучше.

– Вот что сделаем, – продолжил Эрван, – мы друг к другу больше никакого касательства не имеем. Езжай на свои рудники, я разберусь сам.

– По-прежнему собираешься отправиться вверх по реке? «Апокалипсис сегодня»^[6] в Конго? Лучше обратись к первоисточнику, роману Конрада, который...

Он уже не слушал, думая о том фантастическом зрелище, которое подарили ему рассветные дожди. Через открытое окно он любовался мириадами искорок с металлическим отливом, заливающих землю, пока в воздухе еще висел запах гари. Конечно, этот выплеск смывает следы пожара, но здесь никто и не подумал убрать под навес качели и столы со стульями: все оставалось на откуп самой обильной росе в мире.

Еще один круассан. Чем больше Старик говорил, тем быстрее к Эрвану возвращался боевой задор. Ненависть к отцу всегда была его самой мощной движущей силой.

– Ты все же позволишь дать тебе пару советов?

– Может, хватит разыгрывать из себя короля Конго?

– Мое царство не простирается дальше Лубумбаши, в этом все и дело: там тебе придется вести себя тише воды ниже травы. На севере мое имя ничем тебе не поможет.

– А я и не думал им пользоваться.

– А о разрешениях ты думал?

Эрван проглотил ругательство. Полностью поглощенный мыслями о расследовании, он совершенно не подготовился к самой поездке.

– О каких разрешениях? – осторожно осведомился он.

– От главы провинции, от Министерства туризма, от MOBUSCO, от служб восстановительных работ, от рудничного комитета... Кандидатов на рэкет много.

– Я еще ничего не сделал, – признал он.

– Начни с самых верхов, чтобы заткнуть пасть остальным. А главное, не говори точно, куда направляешься.

– А когда окажусь на месте?

– Заплатишь, только дороже, и все дела. – Морван положил ладони на стол, словно разворачивая карту Катанги. – Предположим, ты добудешь бумаги и найдешь птичку, чтобы переправить тебя в Анкоро... Потом загрузишься на пресловутую баржу. Так?

– Так.

– Ты эти баржи уже видел?

– Нет.

– Обычно они плавают спаренными. В них несколько сотен метров в длину, и на них грузят все, что можно: целые семьи, скот, провизию, стройматериалы, топливо, солдат, священников, проституток... Весьма любопытное зрелище. Этаким местный колорит.

– И сколько времени добираться до Лонтано?

– Не один день. Правил здесь не существует. Сейчас, учитывая угрозу войны, остановки всякий раз очень короткие. Выгружают людей, припасы, медикаменты от всяких неправительственных организаций, иногда оружие, и тут же отплывают, пока их не засекала

какая-нибудь милиция...

– А на обратной дороге, когда баржи возвращаются?

– Они не возвращаются. По крайней мере, оттуда.

– Но ведь есть какие-нибудь суда, которые возвращаются в Анкоро, верно?

– Возможно, но, если ты останешься в Лонтано, твои шансы выжить равны нулю. Тебе придется провести свое расследование за несколько часов стоянки. После чего поднимешься обратно на борт и возблаговаришь Бога за то, что еще цел.

– Ты предложил подбросить меня туда на одну-две недели.

– С моими людьми в качестве сопровождения. Один ты там и дня не продержишься.

– Абсурд какой-то...

– Заметь, я тебя за язык не тянул. Вся эта экспедиция – ради одного-двух часов на месте...

В голове у него мелькнул вопрос явного новичка.

– А река – это уже Конго?

– Верхнее течение – это Луалаба. Ты захватил с собой хинин?

– Я взял лариам.

– И ошибся: мефлохин может дать чудовищные побочные эффекты. Я видел, как парни реально сходили с ума, слепли или валялись от сердечных приступов – и все из-за этого дерьма.

Эрван промолчал с видом «мне давно не десять лет».

– Ты уже бывал в тяжелых странах? – продолжал настаивать папаша.

– Я ездил в Индию за Лоиком.

– Ничего общего.

– Еще я был на задании в Гвиане и...

– Это Франция.

– Что ты пытаешься мне сказать?

Морван склонился к нему на манер старого пирата в таверне:

– Что Конго-Киншаса живет в каменном веке. Старайся не пораниться: сдохнешь от заражения крови за сорок восемь часов. Никогда не пей неочищенную воду. Мажься репеллентами: главный переносчик заразы в джунглях – насекомые.

– Я привез с собой аптечку.

– Тогда держись за нее, как за свой обратный билет. И уж конечно, не прикасайся к черной женщине.

Морван поднял с пола рюкзак «Eastrak» и положил его себе на колени. Достал оттуда завернутый в тряпку предмет и положил его на стол между кофе и круассаном.

– И не говори, что я о тебе не забочусь.

Эрван приподнял край ткани и обнаружил пистолетную рукоятку из черного полимера с логотипом «Glock», в котором G служило рамкой для остальных букв.

– Обоймы в рюкзаке, – уточнил Грегуар, убирая туда же и оружие. – Надежная штука, прямо со складов военных из MONUSCO.

Эрван постарался не показать, что шокирован.

– Я тебе благодарен, но не думаю, что он мне понадобится.

– Ты вообще мало думаешь, а поэтому слушай меня. – Морван снова запустил руку в рюкзак и на этот раз достал мобильный телефон большего размера, чем обычный, снабженный внушительной антенной. – Это «Иридиум». С ним ты сможешь позвонить мне

откуда угодно, даже из самой забытой богом задницы в лесу, для того он и сделан.

– Ты хочешь сказать – если возникнут проблемы?

Он подпустил в голос иронии, вызывающей и бессмысленной.

– Я буду километрах в пятидесяти выше по реке и смогу получить в свое распоряжение самолет в течение двадцати четырех часов. Мой номер уже введен в память.

Эрван поклялся себе ни за что не связываться с отцом. Он осознавал, до какой степени двусмысленно его расследование: он искал убийцу Катрин Фонтана, втайне надеясь, что им окажется его собственный родитель, а именно родитель его сегодня и защищал.

Старик протянул ему рюкзак, предварительно застегнув молнию. Эрван расщедрился на кивок в качестве спасибо.

Еще по чашечке кофе. Перед последним залпом советов – на дорожку.

– Ты должен понять, что бойцы, с которыми тебе предстоит столкнуться, не имеют ничего общего с убийцами, которыми занимается бригада Угро. Большая часть из них – каннибалы с самыми дикими суевериями в голове. Мау-мау думают, что пули, прикасаясь к ним, превращаются в капли воды. Тутси таскают повсюду мешки с мужскими членами. Хуту насилюют женщин на внутренностях мужей, которых они только что убили.

– Я работаю в Уголовной полиции, не забывай.

– Именно об этом я тебе и толкую. Речь не идет ни о мужике, который прибил свою женушку, ни даже о психопате, у которого в активе несколько жертв. Я говорю о чокнутых, имеющих на счету сотни трупов, способных заставить женщину сожрать собственных детей, разделанных и сваренных у нее на глазах. Когда ты столкнешься с этими парнями, у тебя не будет времени разыгрывать из себя опытного сыщика.

Эрван сделал вид, что усвоил урок. На самом деле он в это не верил. Такие страсти были скорее байками джунглей, искаженными, раздутыми от сотни пересказов.

В любом случае он постарается избежать встреч с этими богами войны. Он здесь не для того, чтобы спасти мир, – он просто должен найти свидетелей, освежить их память и выяснить, что в действительности произошло в 1971 году в Лонтано, – *и basta*.

– Пойду соберу сумки, – заключил Морван, поднимаясь. – Не жалеешь?

– Хватит, папа: не настаивай.

Грегуар дружески хлопнул его по плечу:

– Я вернусь раньше, чем ты тронешься с места.

Морван проходил через холл, когда его окликнул портье: кто-то ждал его с задней стороны отеля, в патио, которое почему-то называлось «атриум».

– Кто именно?

Негр сделал извиняющийся жест: он не знал или не мог сказать. Грегуар тихо выругался и обошел стойку, направляясь в коридор, предназначенный исключительно для персонала гостиницы. Утро начиналось скверно.

По заднему двору вышагивал колосс в темном костюме и очках «Рэй-Бан», сдвинутых на лоб, – он был так велик, что казалось, занимал все пространство. Бригадный генерал Трезор Мумбанза собственной персоной в сопровождении подручного такого же роста, но тонкокостного и в спортивном костюме.

- Привет тебе! – воскликнул гигант, распахивая объятия.
- Я собирался тебе позвонить, – солгал Морван.
- Очень надеюсь! Никто мне не сообщил о твоём приезде!
- Какая-то канцелярская крыса напортичила.

Несмотря на дурные предчувствия и плохое настроение, обстановка ему нравилась. Один из тех укромных уголков, которые создают у вас ощущение, что вы проникли в закулисье Африки. Пол веранды покрыт красными опилками и листьями, нападавшими за ночь. За верандой в заброшенном саду, обнесенном решетчатой оградой, несколько деревьев с гигантскими корнями. Похоже на теплицу под открытым небом, на образчик тропического леса.

Телохранитель взял один из пластиковых стульев и протянул его Морвану: скорее приказ, чем жест вежливости. Тот сел, оба его собеседника остались стоять.

- Я пришел отдать тебе разрешения. Для твоей поездки на Танганьiku.

Мумбанза протянул ему картонную папку, уже покоробившуюся от влажности. Около килограмма бумаг – подписанных, заверенных, проштампованных и утвержденных сонмом послушных чиновников.

- Кто тебе сказал, что я отправляюсь на север?
- Ц-ц-ц... Ты же знаешь, что я все знаю, братец.

Сноп раздобыл машины в хорошем состоянии, горючее, оружие, людей. Нельзя же от него требовать вдобавок еще и умения держать язык за зубами.

- Я отправляюсь на разведку, – туманно заметил Морван.
- А мне кажется, что ты берешь с собой то, что нужно для транспортировки руды.

Прозванный в Лубумбаши Боссом, Мумбанза был хозяином Катанги. Руководитель вооруженных сил провинции, человек, не давший войне добраться до самой благополучной зоны Конго. Когда был убит Филипп Сесе Нсеко, местный директор «Колтано», генерал естественным образом занял его место во главе компании. Он ничего не понимал в рудничном деле, но мог обеспечить порядок вокруг месторождений – а это было главным. Новые обязанности не мешали ему стремиться к другим горизонтам: все знали, что он метит на пост губернатора Катанги.

- Ты ведешь изыскания для «Колтано»?
- Нет. Для Кабилы.

Чернокожий нахмурился:

- С каких пор ты работаешь на нашу страну?
- С тех пор, как Кабонго меня об этом попросил, – сымпровизировал Грегуар.

Имя серого кардинала в области полезных ископаемых Конго возымело действие. Даже в полутора тысячах километров от Киншасы категорически не рекомендовалось задевать центральную власть. Многие лишились званий – а то и просто исчезли – за куда меньшие прегрешения.

- Решил поработать сверхурочно?
- На Танганьике все успокаивается: поеду посмотрю, что там пригодно к эксплуатации.
- И где именно ты собираешься проводить свои изыскания?

Морван молча улыбнулся: мало-помалу он снова вступал в игру. Тот не мог действительно купиться на его вранье, но как проверить?

- Надеюсь, ты не прокручиваешь темные делишки за спиной у собственной компании?
- Зачем мне это?

– Затем, что в прошлом месяце ты продал все свои акции.

Его всегда изумлял уровень информированности конголезцев. После смерти Нсеко в «Колтано» все пошло наперекосяк: курс акций внезапно подскочил вверх из-за загадочной скупки ценных бумаг. А Морван категорически не хотел ни чтобы кто-то проявлял интерес к его компании, ни чтобы обнаружилось существование новых месторождений. А еще он боялся, как бы африканские партнеры не заподозрили, что он сам стоит за этими закупками. В итоге ему удалось загасить пожар, продав за бесценок собственный пакет акций.

– Это совсем другая история... И надеюсь, она уже в прошлом.

Африканец хлопнул в ладоши и вновь обрел прежнюю жизнерадостность:

– Позволь представить тебе полковника Лорана Бизинжи, нового командующего операционным отделом Северной Катанги. Теперь он занимается войсками, раз уж я заделался штатским!

Мужчина сделал шаг вперед и слегка поклонился. Ростом он был больше метра девяноста и казался легче опавших листьев у него под ногами. Морван узнал его. В 1994 году сотни невинных тутси были чудовищным образом убиты представителями хуту, но другие тутси, получившие подготовку и оружие в Уганде, ни в чем не уступали тем, кто сотворил геноцид. Бизинжи был из них. Он создал милицию в Киву и заработал устрашающую репутацию, используя пытки собственного изобретения, – в частности, был известен тем, что плавил пластмассу в половых органах девочек и младенцев. Все это не мешало ему истово верить в Бога: если бы он не стал военным, то пошел бы в священники. В Царствии Небесном не было места для хуту.

Вид он имел вполне соответствующий. По бокам типичного для его народности, узкого, как лезвие ножа, лица виднелись шрамы. Не рубцы от ран, нанесенных мачете, а ритуальные воинские насечки. В Африке грань между стигматами мучений и знаками отваги очень тонка.

– Если возникнут какие-то проблемы на местности, можешь в любой момент обратиться к нему, – добавил Мумбанза.

Проблемы у Морвана точно будут, а именно – с соратниками Бизинжи. В этом случае он должен обратиться к полковнику. Смысл послания ясен: в верховьях белый легко может превратиться в жаркое. Он поднялся и пожал куриную лапку офицера:

– Очень приятно.

Ни слова, ни улыбки от палача. Грегуар снова сел и погрузился в мрачный фатализм – а что еще оставалось? Ради эксплуатации новых месторождений ему пришлось заключить договор с Кабонго за спиной у официальных властей. При малейшем осложнении он должен будет пойти на сделку *еще и* с Мумбанзой, за спиной Кабонго...

В таком темпе его пожива растает, как снег на солнце.

Генерал разразился речью на тему современного положения, предупреждая о возможном столкновении между руандийской и конголезской армиями по ту и другую сторону реки. Поговаривали даже о поставках оружия...

Морван в это не верил. Кстати, в данный момент плевать он на это хотел, позволив окружающей атмосфере убаюкать себя. Гигантские деревья, увитые лианами, пылинки в лучах солнца, насекомые, выписывающие загадочные арабески в утренней дымке... В воздухе смешивались грибные запахи и ароматы коры, вызывавшие воспоминания о месте далеком, но хорошо знакомом. Нечто вроде подземелья, куда проникает божественный свет.

– Ты меня слушаешь или нет?

– Прости, – сосредоточился Морван. – Так что ты говорил?

– Я спросил, что тут забыл твой сын.

Эрван – это его ахиллесова пята, особенно если останется в Лубумбаши. Слишком легко нацелиться на мальчишку, когда придет время делить пирог.

– Не имеет ко мне никакого отношения. Хочет собрать факты для своего расследования в Париже.

– Катанга оччень далеко от вашего Паррррижа, дядюшка.

– В сентябре этого года во Франции было совершено несколько убийств в духе Человека-гвоздя.

Произнести это имя в Конго – все равно что заговорить о Джеке-потрошителе в Англии или о Ландрю^[7] во Франции. Серийный убийца, которого все знают. Почти национальная гордость. Мумбанза медленно кивнул: до него дошли слухи об этом деле.

– Эрван задержал виновного... – продолжил Морван.

– Ты хочешь сказать, он его убил.

Грегуар сделал вид, что не услышал.

– Он приехал ознакомиться с архивными материалами о процессе Фарабо, чтобы закончить отчет и закрыть дело.

Колосс медленно вышагивал по патио, время от времени занюхивая щепотку порошка с листка бумаги.

– Вот и мне показалось, что с этим святым колледжем обошлись не по-божески...

Он засмеялся собственной шутке и уставил тяжелый взгляд на своего собеседника.

– Мне сказали, это был несчастный случай.

– Вся Африка – несчастный случай.

– А ты что думаешь?

– Что кто-то подчистил хвосты. Старые дела хранились в Сен-Франсуа-де-Саль. Никому неохота, чтобы ворошили грязь из прошлого.

Морван мысленно возблагодарил Небеса за то, что этот подонок родился уже после всех событий, – он мог только подозревать, какая бездна таилась за общеизвестными фактами.

– Значит, он скоро уедет? – продолжил чернокожий, засунув руки в карманы.

– Он надеется нарыть кое-какие ниточки, прежде чем вернется во Францию.

– Здесь?

– В Лонтано.

– Он не получит разрешений.

Генерал начал его раздражать своей чванливостью.

– Если только я сам этим не займусь.

Мумбанза воздвигся перед ним. В сиянии солнца, среди деревьев, которые, казалось, родились вместе с этим миром, он приобретал мифические размеры: один из тех гигантов космологии Нижнего Конго, которые и вдохновляли Человека-гвоздя.

– Ты действительно этого хочешь? А может, большому белому папе нежелательно, чтобы сынишка рылся в его прошлом?

– Ты меня достал, – проворчал Морван, вставая. – Мне еще нужно собраться в дорогу.

Трезор поклонился в знак извинений. Все было сыграно весьма театрално, с ужимками и пантомимой. Комедия дель арте под африканским соусом пили-пили^[8].

– Понтуазо в жизни не даст твоему сыну куда-нибудь поехать.

– Кто?

– Новый глава MONUSCO. Прравда крррутышка.

Морван вспомнил, что столкнулся с ним в аэропорту: канадец с винтовкой «ФАМАС», бьющей его по заднице. Эрвану и впрямь будет непросто выбраться из Лубумбаши.

Он решил закончить на теме, которая не вызывала разногласий:

– А что о Нсеко? Как движется следствие?

– Какое следствие? – спросил генерал, снова разражаясь хохотом.

Африканца из племени бемба нашли у него на вилле с распоротой грудью, сердце исчезло. Убийца или убийцы воспользовались циркулярной пилой. Никто и не пытался дознаться, кем был нанесен удар. Восприняли только символ: Нсеко ошибся и был наказан. Послание почти банальное в стране, где уже почти двадцать лет шла война.

– Желаю приятного путешествия, брат! – бросил генерал. – Пришли весточку.

Морван задумчиво глядел ему вслед. Кто убил Нсеко? Конкуренты-тутси с рынка колтана? Компаньоны по левому бизнесу? Сам Мумбанза? Возможно, пришло время *действительно* задаться этим вопросом.

Нсеко был одним из немногих конголезцев, кто был в курсе открытия новых рудных жил, – заговорил ли он перед смертью? Если так, то Морвана спокойно и терпеливо поджидают на его же холмах с электрической пилой в кулаке.

Словно подтверждая его подозрения, Мумбанза обернулся, прежде чем исчезнуть, и приобнял за плечи своего зловещего цербера.

– Главное, – возгласил он, – коли что не так, не забудь связаться с прррисутствующим здесь полковником Бизинжи!

6

– Давно я вас не видел.

– Это же вы мне позвонили.

– Я беспокоился.

– Я знаю, что вы мне скажете.

– Ну скажите за меня.

– Терапия должна быть регулярной. Перестав приходить, я все испортила. Никакого шанса на выздоровление.

– В этой области нельзя говорить о... выздоровлении.

Гаэль вздохнула:

– Я здесь всего пять минут, а вы меня уже достали своим надутым видом. Не начинайте умничать.

– Садитесь.

– Предпочитаю диван.

– Как пожелаете.

Она легла и со странным чувством чего-то давно знакомого ощутила прикосновение к подушке с непальской вышивкой. С подросткового возраста и приступов анорексии она перепробовала множество психиатров и психоаналитиков – Эрик Кац был последним в очереди. В прошлом мае она решила бросить его – даже не предупредив.

Он произвел на нее более сильное впечатление, чем остальные, но жестокость сентябрьских событий поставила точку на всем сразу. И вот он сам позвонил, чтобы узнать,

как у нее дела. Договорился о встрече без всяких обязательств – и эта перспектива согрела ей сердце. Кто ни разу не влюблялся в своего психоаналитика?

Она дала тишине заполнить комнату. Вспомнила о сеансах, во время которых так и не сказала ни единого слова. *Целая эпоха...* Она узнавала каждую деталь. Трещинки на потолке. Томики Фрейда и Лакана, которые могла увидеть, если приподнимала голову. Кедровый аромат, витающий в воздухе. У нее возникло ощущение, будто она погружается в теплую ванну, которая медленно разъедает все ее защитные барьеры.

Первым сдался Кац:

– Кое-какие ваши новости я узнал.

– Откуда?

– Из больницы Сент-Анн.

– Ваш корпоративный цех – настоящее Штази^[9].

– Бросьте, у вас же есть медицинская карта, вот и все. Я ваш психиатр и...

– Они с вами связались?

– Да, на следующее утро.

– И рассказали вам?

– В общих чертах, но мне хотелось бы обсудить детали с вами.

Очарование встречи испарилось. За несколько секунд диван превратился в жаровню. Она продолжала молчать. Психиатр не производил ни малейшего шума. Можно было подумать, что он вышел через потайную дверь.

– У меня был план... – решила наконец Гаэль. – Уничтожить моего отца.

– Мы часто об этом говорили.

– Нет. На этот раз у меня была *конкретная* возможность его уничтожить.

– И как вы собирались за это взяться?

– Случайно я получила доступ к конфиденциальной информации о залежах колтана в Конго.

– Что такое колтан?

– Редкий минерал, который добывают в Центральной Африке. Его используют при производстве электронных схем, особенно в мобильных и игровых приставках. Отец сделал состояние на этой штуке.

– Я думал, он префект.

– Одно другому не мешает. Параллельно с карьерой полицейского у него всегда был свой бизнес в Конго.

Она сделала паузу. Он не сразу продолжил. Возможно, делал записи...

– Какого рода информация?

– В том году геологоразведочная экспедиция обнаружила богатые залежи в районе, подконтрольном компании отца, которые, несмотря на войну, можно эксплуатировать. Кроме него, никто не был в курсе.

– И вы продали эту информацию?

– Нет. Я ее просто слила, бесплатно, знакомым банкирам.

– Как вы с ними познакомились?

– Вы прекрасно знаете.

Новое молчание, никакого осуждения.

– И каков же был план?

– В точности не знаю, я же ничего не понимаю в финансах, но я инстинктивно

почувствовала, что эти сведения могли все порушить. И я получила, что хотела. Банкиры начали скупать акции «Колтано» в огромном количестве. Эти закупки вызвали непредвиденный рост курса, и отец оказался в полном дерьме. Его конголезские партнеры подумали, что это он сам скупает, чтобы захватить всю компанию.

– А это так важно?

– Видно, вы их не знаете. Я, кстати, тоже. Но по словам отца, они шутить не любят.

– Но ведь это был не он...

– Черные тоже задались вопросом, с чего вдруг кто-то скупает «Колтано», хотя рудники работали себе как обычно. Отец испугался, что они обнаружат существование новых месторождений.

– А он им не рассказывал?

– Вы что, совсем ничего не понимаете? Он же рассчитывал эксплуатировать их тайком, в свой карман, за спиной партнеров. Все это я узнала позже...

– Значит, они раскрыли правду?

– Нет. Отец выкрутился, как всегда. Чтобы понизить курс, он продал собственные акции себе в убыток. Мои банкиры в конце концов тоже продали свои, думая, что полученные от меня сведения оказались фуфлом. Конголезцы плюнули на это дело. «Колтано» вернулся к своей роли темной лошадки.

– Вы разорили отца?

Она хихикнула, но ее смех прозвучал как последний вздох утопленника.

– Куда там... Он заграбастал кучу бабок и в конце концов все выкупит, я уверена. А пока что он будет, как и собирался, эксплуатировать свои паршивые залежи. Кстати, пока я с вами разговариваю, он уже там и наверняка подстегивает парней, которые вкалывают в туннелях, где нечем дышать.

– Вы за это его ненавидите?

– Разумеется, нет.

Новая пауза. На этот раз она была уверена, что он записывает.

– Но ведь произошло и нечто куда более серьезное, верно? – снова заговорил он в конце концов.

Она сглотнула – горло словно наждак.

– Когда он узнал, что я сделала... – забормотала она, – он кинулся в дом моего брата Лоика. Я была там, сидела с его детьми. Увидела, как он появился, и... я запаниковала... Хотя ведь знала, что это случится... Я даже надеялась, что мы вот так столкнемся... Хотела посмотреть на его мерзкую перекошенную рожу... Я...

Она остановилась. *Только не плакать.*

– Что произошло?

– Я выбросилась из окна. Лоик живет на четвертом этаже.

Она позволила себе минуту помолчать. Нечто вроде безмолвной эпитафии. Даже покончить с собой у нее не получилось.

– Но я выкарабкалась, – отрывисто проговорила она, – благодаря деревьям, крыше автомобиля, остального не помню. Но главное – я выкарабкалась, чтобы осознать, что не выкарабкаюсь никогда.

– Говорите яснее.

– Я могу ненавидеть отца, пытаться его уничтожить, но это все увертки. Единственное чувство, которое он во мне вызывает, – страх. Примитивный, неконтролируемый страх.

– Почему?

Она приподнялась на локтях, как пациент, который в последний момент отказывается от ампутации.

– Обязательно все это выкладывать?

– Именно ваши слова и лечат вас. Не важно, сколько раз вы повторите одну и ту же историю, всегда прорывается что-то новое и приносит облегчение.

У Каца был металлический, бесполой голос. Этот тембр еще больше подчеркивал нейтральность его присутствия. Ни мужчина, ни женщина – только ухо...

– Всю жизнь этот мерзавец бил мою мать, – заговорила она, снова ложась. – Я выросла в этом ужасе. Я ни разу его не поцеловала. Я ни разу не позволила ему приблизиться ко мне. Если я когда-нибудь к нему прикоснусь, то только чтобы убить.

Вот что она сказала себе, вставая на ноги между двух машин, после падения. Но это решение стоило не дороже прочих. Старик уже летел ей на помощь. *Забудем все и начнем сначала.*

Она нашла в сумочке бумажный платок, высморкалась, потом вытерла глаза, не поднимаясь с дивана. Нужно было снова становиться Гаэль – вызывающей и циничной. Пусть ее слова будут ядом, лишь бы не слезами.

– А Сент-Анн?

Она залилась смехом, как делают маленькие девочки, чтобы не заплакать.

– Вы хотите меня добить, да?

– Нужно очистить рану.

– После моего падения меня привезли в Американский госпиталь для клинического обследования, а потом поместили в Сент-Анн на ГПТ^[10].

– Потому что вы были еще очень уязвимы.

– Уязвима? – повторила она, повышая голос. – Я только что совершила большой прыжок. По-вашему, мне было полезно оказаться вместе с депрессивными психами, еще более чокнутыми, чем я сама?

Психиатр не дал себе труда ответить. У Гаэль появилось ощущение, что она тонет в подушке, как в стоялой луже меж двух черных камней.

– На следующую ночь, – наконец продолжила она, – на меня напали в госпитале. Мужчина в латексном комбинезоне попытался меня убить. Он зарезал санитаря и полицейского, которому было поручено меня охранять. Мне удалось убежать. Для вчерашней самоубийцы это было довольно оригинально. Очевидно, мой час действительно еще не пробил.

– По крайней мере, вы кое-чему научились.

– Избавьте меня от этого снисходительного тона.

– А личность нападавшего установили?

Она выругалась и заорала:

– Вы вообще газеты читаете или что?!

– Перестаньте увиливать, Гаэль. Не важно, что я читаю и что знаю, цель нашего сеанса – чтобы вы, именно вы рассказали, что же произошло.

Она вытолкнула скопившийся воздух со свистом скороварки.

– Мужчина, приходивший той ночью, был Человек-гвоздь. Вернее, убийца, который подражал Человеку-гвоздю, серийному душегубу, которого мой отец арестовал в семидесятых годах в Катанге. Предупреждаю: я не стану рассказывать ни ту ни другую

историю.

Она услышала легкий вздох, который, возможно, был улыбкой, потом:

– Чем закончилось это дело?

– Расследование было поручено моему брату Эрвану. В конце концов он разоблачил убийцу.

– Он убил его, да?

– Это я его убила.

На этот раз она ощутила, что он шокирован ее признанием. Официально считалось, что Эрван Морван, начальник бригады уголовного розыска, устранил преступника, проникшего в его дом. Никто не знал, что на самом деле это сделала Гаэль, которая ночевала в его квартире, – именно она взялась за нож.

Возможно, она пришла сюда, чтобы освободиться от этого бремени. Или же ради простого удовольствия спровоцировать доктора Каца. Она так и представляла себе его расширенные зрачки, приоткрытый рот. Она ненавидела его внешность: женоподобное лицо, неестественную худобу, слишком жеманный вид.

Теперь она окончательно приняла вертикальное положение и уселась на диване с горящими глазами, машинально сжимая сумочку обеими руками.

– Больше я вам ничего не скажу, – выдохнула она. – Хватит на сегодня.

– Так или иначе, наше время истекло.

Всегда за ним последнее слово. Она повернулась к психиатру спиной, но догадывалась, что и он свое получил. Испытала соблазн прикончить его парой дополнительных деталей – вроде девятимиллиметрового «глока», выданного ей отцом, который постоянно лежал в ее сумочке, или пары телохранителей, которые поджидали ее внизу, на улице Николо.

Она могла бы добавить, что дело Человека-гвоздя на самом деле еще не закончено, что остались сомнения и относительно его личности, и относительно движущих мотивов, что ее брат поехал в Африку, чтобы докопаться до подспудных тайн, связанных с расследованием. *Прибереги боеприпасы для следующей встречи.* Про себя она уже решила возобновить визиты.

Гаэль свесила обе ноги с одной стороны, как сделал бы паралитик, и поднялась. Она нашаривала деньги, когда голос приказал ей:

– А теперь сядьте сюда!

Она пристроилась на стуле лицом к письменному столу и несколько секунд разглядывала Каца. Просто завораживает. Очаровывает, как все мужчины, наделенные женской красотой. И он не стремился подправить это впечатление одеждой. Наоборот. Он носил рубашки с высоким воротом, как у чопорной дамы.

Из ее легких словно вышел весь воздух: Кац выписывал рецепт. Это уязвило ее тем больше, что она по-прежнему принимала транквилизаторы, назначенные в госпитале. Он наваливал на нее еще один слой, как глушат морфином онкобольных.

– Я уже принимаю эти штуки, – возразила она.

– Я просто даю вам координаты одного моего коллеги.

Еще того хуже: ее психиатр больше не желал иметь с ней дело.

Кац завинтил колпачок перьевой ручки, сложил листок вдвое и подтолкнул к ней по крышке стола.

– Я не могу в одно и то же время выслушивать вас как пациентку и стать вашим другом, – сказал он, устремляя на нее невозмутимый взгляд.

Что-то защемилось в области затылка – вроде ломоты в черепе. Она не могла ни думать, ни даже уловить смысл его слов.

– Что... что вы хотите сказать?

– Что я приглашаю вас на ужин.

В 15:00 всё и все были на месте. Неплохо для отъезда, намеченного на полдень. Морван был готов к тому, что счет опозданию придется вести на дни.

На площадке перед ангаром он ощутил прилив гордости: его «антонов», Ан-32, стоял в полной готовности. Огромный корпус подрагивал в завихрениях пыли, как космический корабль на мысе Канаверал. Он умудрился зафрахтовать аппарат всего за три дня – истинное чудо для Лубумбаши.

Все столпились у самолета. Он согласился взять на борт пассажиров – тех, кто, несмотря на риск, хотел двинуться на север, чтобы воссоединиться с семьей. Он действовал не из человеколюбия: местные «службы» получали мзду за каждое место, а в обмен закрывали глаза на этот полет, который официально как бы вообще не существовал.

К моменту, когда собирались закрыть грузовой отсек, появился Мишель и с ним несколько его людей, бодрой рысцой толкающих перед собой тележки из супермаркета, заполненные коробками. С возвращением, африканский гротеск. И сразу «антонов» предстал перед Морваном тем, чем он и был: допотопной грузовой колымагой, помятой, как гигантская консервная банка. А чернокожие, скучившиеся у трапа, – голытьбой, которую ждет неминуемая смерть.

Он подошел к Мишелю и открыл одну из коробок: там лежала несвежая и плохо сшитая военная форма.

– Это еще что?

– Для них, шеф.

Сноп указал на здоровяков в шортах и майках, которые, весело скалясь, окружали его.

– Они же наши солдаты, папаша. Мы должны их приодеть.

Кабонго пообещал ему военную поддержку, но это была поддержка по-африкански. «Господин Рудник» просто дал ему разрешение вырядить любого субъекта официальным солдатом.

Морван кивнул: их было всего с десятков, но он мог нанять еще в хвосте самолета, когда они приземлятся. Эта мысль повлекла за собой другую: по-прежнему никаких новостей от Жако – его партнера, работавшего на месте. Последний мейл от него пришел дней десять назад. Закончена ли работа? Или все смылишь на землеройных машинах?

Он взобрался в самолет, и от открывшегося ему ошеломляющего зрелища у него вырвалось смачное «мать твою!». Салон простирался метров на двадцать: ни кресел, ни ремней безопасности, ничего, что напоминало бы туристические полеты. Вся толпа ютилась там, среди коз, свиней, всевозможных тюков, корзин, набитых фруктами и растениями, чемоданов и ящичков, а в глубине, отделенные хилой решеткой, были закреплены как бог на душу положит его собственные самосвалы и внедорожники.

Иллюминаторы играли роль театральных прожекторов, бросая яростный свет, не упускавший ни единого оттенка в пышных расцветках бубу, платков и тканей. Черные лица,

хрупкие затылки, обнаженные плечи женщин – все было высечено из темного блестящего камня. Искрящийся минерал, чьи отсветы повествовали о процессе возникновения человека.

Он пошел поприветствовать командира – русского по имени Чепик, который работал по старинке: три-четыре года аварийных посадок, войн и болезней – и он вернется домой с набитыми карманами. С затуманенным взглядом, уже выдыхая водочные пары, пилот вроде бы не совсем уловил последние указания. Морван не стал настаивать и вернулся в салон.

Для него был забронирован трон – садовый стул, возвышающийся над пассажирами, сидящими на полу. Трон он проигнорировал и устроился среди семей и скотины. Прислонил сумку к перегородке и облокотился на нее. На него напал кашель: воздух был насыщен пылью и испарениями маниоки. Все еще на ногах, Мишель суетился, помахивая блокнотом: он не умел ни читать, ни писать, но данный аксессуар был крайне важен для его роли администратора.

Грегуар не питал никаких иллюзий. После прибытия выяснится, что не хватает половины оборудования – забыто, украдено, продано. Не важно: лучший способ управляться с проблемами в Африке – их игнорировать. Неуверенность была полноценной составляющей любого проекта. Только приняв данный постулат, можно оценить истинную поэтичность этой страны, иррациональной и безысходной.

Пока винты набирали обороты, Морван уже погрузился в сон, опьяненный манящими перспективами этого путешествия. Оставалось только перенестись в свое королевство более чем в тысяче километров отсюда. Он снова ощутил дрожь первооткрывателя. Он им и был в самом прямом смысле слова: во времена царящего хаоса эти земли вновь стали девственными, и более ни один белый не осмеливался на них ступить.

Самолет заглох, снова завелся, опять заглох, вызвав в кабине крики ужаса и взрывы смеха. Наконец он поднапрягся, заурчал ровно и начал разбег. Одних пассажиров уже укачало. Другие спали. Воцарился безропотный фатализм. Авария была лишь одним из способов умереть среди многих прочих.

Дети играли, не соблюдая ни малейших правил безопасности. Однако голос по радио на французском и на суахили излагал почерпнутые из инструкций официальной компании указания, рассказывая о не существующих здесь ремнях, кислородных масках и спасательных жилетах.

Морвана всегда завораживало, какими магическими свойствами наделяют на Черном континенте французский язык и всякие административные процедуры: бумаги, ручки, печати уже были шагом к идеализированной реальности. Когда у тебя ничего нет, пустоту заполняет пустословие.

Он подумал об Эрване, который наверняка сейчас маринуется в какой-нибудь приемной в Лубумбаши. В своих планах Морван опирался на мощного союзника – африканскую бюрократию. Пусть он уже принял свои меры предосторожности, все равно он знал, что перед лицом окружающей бездеятельности у сына нет никаких шансов.

Он прикрыл глаза и отдался на волю снов.

– Шуткуете?

У Эрвана уже не осталось сил отвечать. Все утро он провел в поисках самолета на

Ангоро. Он перетряс частные транспортные агентства, неправительственные организации, горнодобывающие компании: ни одного рейса не предвиделось. И в любом случае ему требовались официальные разрешения. В конце концов до него дошло, что без этих бумаг поиски самолета бессмысленны. Тогда он посетил министерства, региональную палату, дирекции водных и лесных ресурсов, рудников и недр. Нигде он не нашел никого из минимально «уполномоченных». Следовало записаться на прием, и даже для этого нужно было прийти еще раз.

В результате осталась единственная властная структура, способная доставить его на север страны: миссия ООН в Демократической Республике Конго. Вот почему он и находился сейчас в бунгало с жестяной крышей, штабе MONUSCO, авеню Мама-Йемо, в центре города.

– Шуткуете?

Майор Дани Понтуазо, новый глава ооновского представительства, в голубом берете, надвинутом на один глаз, подбоченился. Светловолосый здоровяк, розовый и свежий, – таких в Лубумбаши не часто встретишь.

Выходец из Квебека, он говорил на французском, лишь отдаленно напомиравшем язык Вольтера. После славянского или китайского акцента, которого Эрван вдоволь наслушался от инженеров, маринующихся с ним вместе в различных приемных, и ломаной языковой смеси, на которой изъяснялись конголезские чиновники, тарабарщина руководителя «голубых касок» стала последней каплей.

– Кто нам всурипил такое дело? Ты чё удумал?

– Я должен провести расследование и...

– Чё за расследование?

Эрван принялся было объяснять, но Понтуазо тут же оборвал его:

– У тебя письменный приказ есть от твоих? Чё-нить официальное?

– Нет. Я веду собственное расследование.

Канадец расхаживал перед его носом. Его кабинет с выкрашенными бетонными стенами так и сиял. Кондиционер, великолепная мебелировка, кофемашина... ООН умела устроиться.

– И думать забудь, друган. В той зоне неспокойно.

Ему было не больше сорока, и он наверняка следовал приказам старших офицеров, находящихся там, где было действительно жарко, например в районе Киву. Но где бы в Конго они ни находились, силы ООН подвергались нападкам и критике. Не далее как этим утром на «Радио Окапи» один конголезский депутат обвинял MONUSCO в том, что они просто туристы...

Понтуазо в очередной раз пустился в описание ситуации в Катанге, конфликтов, которые, по его словам, постоянно тлеют в северной зоне, вооруженных группировок, которые уже не поддавались подсчету, и беженцев, которых некуда девать...

Эрван понимал едва ли одно слово из пяти, но не осмеливался попросить офицера перейти на английский – тот был родом из страны, где говорили «быстрый ресторан» вместо «фастфуд» и «отдыхательная машина» вместо «дачный прицеп».

Он довольствовался тем, что пытался уследить за выражением лица своего собеседника. У Понтуазо был ребяческий вид, приплюснутый нос и светлые глаза, похожие на два матовых стеклянных шарика. Его блондинистые кудри выбивались из-под берета, словно накладные.

– Усекай это! – воскликнул он, указывая на карту на стене.

Потом схватил линейку и, стоя навтыжку в своей форменной куртке, начал обстоятельно описывать различные зоны конфликта, развернувшегося вокруг Ангоро. По

ходу дела он прошелся и по соседним странам, которые извлекали выгоду из контрабанды руды: Руанда, Уганда, Бурунди... Затем настал черед международных группировок, торговцев оружием, сомнительных бизнесменов – всех тех, кто кормился колтаном, танталом, касситеритом, золотом и алмазами – и, конечно же, войной.

– Пять миллионов убитых, чё-нить соображаешь?

Без всякого перехода он обрушил свой гнев на неправительственные организации, которые играли на руку всем этим махинаторам, косвенно помогая милиции, потом потоптал правительства, которые послали в это дерьмовое болото их, бедных парней из MONUSCO, да еще запретив во что бы то ни было вмешиваться.

– Могу сказать, чё дальше будет: война закончится, только когда все сдохнут! Блин! И точка.

Эрван поднялся, не пытаясь вступить в спор. Уже около пяти часов, скоро стемнеет, а он не продвинулся ни на пядь. Поблагодарил майора и двинулся к двери, но тот заступил ему дорогу:

– Ты сын Грегуара Морвана, точняк?

– Да.

– А чё с ним сегодня не уехал?

Значит, отцу удалось улететь – нужно было принять его предложение.

– Нам было не по пути.

– А куда именно он направился?

– Не знаю, но мне нужно в Лонтано.

Понтуазо приподнял берет указательным пальцем, по-ковбойски.

– Ты в курсах, чё города ваще больше нет?

– Я найду свидетелей в деревнях поблизости.

Амбал сделал шаг вперед, и Эрвану пришлось отступить. Как если бы угроза была недостаточной, канадец заложил обе руки за пояс, на манер ярмарочного борца.

– Ты ваще ничего не найдешь, потому как останешься в Лубумбаши.

Эрван начал терять терпение:

– Вы намекаете, что будете препятствовать моим передвижениям?

– Ни на чё я не намекаю. Или у тебя есть разрешение от твоей страны, от ООН или любой власти и я тебе организую улёт с эскортом, или ты с носом и сидишь здесь. Эта территория под моей ответственностью, сечешь?

Эрван сделал вид, что согласен, перейдя в этот самый момент ту грань, что загоняла его в подполье. Ему придется уехать тайком. Но к кому обратиться? Ему уже не хватало Старика.

Понтуазо положил ему руку на плечо, сменив тон на дружеский.

– Ну, извиняй, – сказал он уже тише, – я сегодня на взводе. От этих членоногих, которые считаются моими солдатами, одни проблемы. И когда я говорю «членоногие», то знаю, чё говорю, потому как из-за этих жопошников у меня на руках больше десятка заявлений об изнасилованиях! И как если б мне дерьма не хватало, еще и куча обгоревших в госпитале после вчерашнего пожара. – Он распахнул дверь, но протянул руку, перекрывая проход. – Твой предок, он те говорил о Нсеко?

– Не особо.

– Чё ты знаешь о том деле?

– Он был убит, верно?

– Ему вырвали сердце. Поверь, с этой страной не соскучишься. Нсеко был начальником

«Колтано», компании твоего предка. Ты в курсе?

– Я к той истории касательства не имею. Мне очень жаль. Ведь было расследование?

Понтуазо издал мрачный смешок:

– Этим занимается НКП. Национальная конголезская полиция. То есть никто. А с генералом Мумбанзой не встречался?

Казалось, само упоминание об этом мирке заставляло майора искренне страдать.

– Я никого не знаю в Лубумбаши.

– Одни ублюдки... – прошипел тот сквозь зубы. – А знаешь, чё отец уволок в своем «антонове»?

– Думаю, оборудование. Для геологоразведки.

– А про оружие он те не говорил?

У Эрвана на плече по-прежнему висела сумка, выданная Морваном сегодня утром. Ему вдруг показалось, что девятимиллиметровый «глок» стал весить целую тонну.

– Отец не интересуется такого рода бизнесом, – сухо ответил он.

– У нас украли оружие, пистолеты, – продолжил Понтуазо, будто не слыша.

Убраться из офиса. Воспользоваться темнотой, чтобы обдумать оставшиеся варианты. Но майор оставался на пороге, не двигаясь с места.

– Если тебе предложат ствол или чё еще, скажешь мне. Договорились?

– Обязательно.

Военный наконец отступил и заговорил еще мягче:

– Чё делаешь вечером? А то пропустим по стаканчику.

– Я... Почему бы и нет. Но я так устал и...

– Ты в каком отеле?

– «Гран-Каравиа».

– У меня самолет ночью, но я постараюсь заскочить. Нам с тобой еще надо поговорить.

9

– Это еще что за бардак?

Даже в ночной темноте Морван еще до посадки мог удостовериться, что работа не сделана. Ни тени просеки в джунглях. Ни следа расчищенной площадки. Никакого строительства в пределах видимости. *Чертово дерьмо.*

Едва «антонов» худо-бедно приземлился на полосе, освещенной штормовыми фонарями, Морван вылетел из кабины как ошпаренный, расталкивая африканцев с их скарбом, – он больше не мог их выносить.

– Ты можешь мне объяснить? – заорал он белому, который ждал его у ступенек трапа.

– Возникли проблемы.

– Seriously?

Жако едва доставал ему до плеча – и то если встанет на цыпочки. На нем была лакостовская тенниска, только традиционный крокодильник был заменен головой Мобуту. Конголезский юмор. Он вытащил руки из карманов своих необъятных шорт и махнул в сторону землеройных машин, которые прочно укоренились вдоль посадочной полосы.

– У нас украли горючее.

– Кто?

– А кто ж его знает. Наверняка мау-мау.

Ни у какой милиции не было машин, но тут все работало на бензине, включая электричество.

– И когда?

– Недели две назад.

– А Кросс и остальные?

– Они уже давно на рудниках. Нужней там, чем здесь.

Морван был согласен: позволить, чтоб у тебя сперли горючее, – одно дело, а вот потерять контроль над месторождением – совсем другое. Кросс, бывший фазовец^[11], был военным старой школы: на него можно положиться.

– Я прислал все необходимое два месяца назад, – гнул свое Грегуар, указывая на темные джунгли, – а вы даже не начинали?

– Все опять заросло.

– И чем вы занимались с тех пор?

– Тебя ждали. Посадочную полосу чистим вручную.

Морван знаком приказал Мишелю начать разгрузку – выбора не было: «антонов» не должен оставаться на земле больше двадцати минут. Пассажиры высаживались – пестрые призраки со своими вьюками, тянущие за собой худосочную скотину. Их встречала невесть откуда взявшаяся толпа. Объятия. Взрывы смеха. Козы и свиньи присоединились к общему ликованию.

– Почему не позвонил?

– Они и телефон забрали. – Жако сплюнул на землю. – И бабки. Я только и успел, что мейл тебе послать с мобилы по карточке.

«Все в порядке...» – вспомнил Морван. Жако не потерял чувства юмора. А главное – инстинкта самосохранения: если бы он написал правду, Старик не приехал бы.

– Убитые? – спросил он, словно вспомнив наконец, что человеческие существа тоже были замешаны в этом дерьме.

– Нету.

Тьма весила целые тонны. Насыщенная запахами, влажностью, чувственностью. Не обязательно видеть обстановку: он и так ее знал. Деревья, лианы, заросли, исходящие водой и смертью. Ни дороги, ни деревни, ни малейшей постройки.

– Ты хоть горючее привез? – забеспокоился Жако.

Морван кивнул.

– Значит, прямо завтра и начнем работу.

Раздался жуткий скрежет: задняя створка багажного отделения. Взвыли моторы. По металлическому пандусу медленно съехали грузовики и внедорожники. Эти махины останутся здесь, на месте, неподвижные и бесполезные. Он сам чувствовал себя совершенно опустошенным. Жалкий белый мудака с кучей железок на закорках, загнанный в жопу мира.

Жако продолжал в том же духе:

– Через неделю проложим полосу до самых рудников.

Африканский синдром: бельгиец одним духом перешел от бессильных извинений к абсурдным прогнозам. Морван улыбнулся. *Валяй. Делай вид, что сам в это веришь.* Вокруг них по-прежнему стоял радостный гвалт обретения друг друга. Те, кто прилетел сюда, знали, что попадут в ад. Их деревни разрушены, семьи убиты, и самих ждет та же судьба – но это была их страна, их земля.

Жако подошел ближе к самолету, пока машины маневрировали и выгружались ящики. Мишель нашел гибкий прут, чтобы стегать носильщиков и ускорить процесс. *Нет более жестокого рабовладельца, чем раб...*

Бельгиец вернулся после инспекционного осмотра с видом эксперта:

– Хорошее оборудование. Я тебе гарантирую три рейса в неделю через две недели.

Он достал фляжку с виски и отпил большой глоток, не предложив хозяину, – он знал его давным-давно: никакого алкоголя.

Жако представлял собой типичную старую Африку. Фламандские корни, акцент такой, что уши вянут, тщедушное тело, вдобавок иссушенное всеми болезнями, которые только можно подхватить в тропиках. «Одни кости остались!» – говаривал он сам, щупая себя за тощие ляжки. Седоватая щетина шестидесятилетнего, за спиной – курс выживания: наемник в Анголе, пилот у Мобуту, начальник лесопильни в бельгийских компаниях, начальник рудника у южноафриканцев, Жако – настоящее его имя было Жак де Бенер или что-то вроде того – все повидал, все знал, все перенес. Много раз его едва не убили – люди, болезни, животные или сама природа. Его брали в плен, пытали, приговаривали, но вот он, по-прежнему здесь, бодрячок бодрячком. «Я в жизни не заплатил ни гроша налогов!» – возглашал он, подводя итог своему существованию.

Морван разглядывал его, подсвеченного снизу фонариком, который тот держал в руке. Всматривался в его лицо трупного цвета, в силуэт истощенного стервятника, и ему нравилось сравнивать увиденное с официальными разглагольствованиями транснациональных компаний, которые покупали колтан. Эти международные объединения мечтали о черном и чистом минерале, добытом футуристическими машинами и рабочими, входящими в профсоюзы. Реальность была куда менее лучезарной: булыжники в джутовых мешках, рабы под землей и такие вот Жако над ними.

– Работа наверху уже началась?

Рудники были расположены на холме, километрах в двадцати отсюда.

– Так точно.

– Клянусь, если ты меня морочишь...

– Никаких проблем. Здесь куда легче набрать парней, чем протащить машины.

– Сколько копателей? И сколько шефов?

Так называли шахтеров и их начальника.

– Около четырехсот. По одному шефу на команду из десятиерых.

– А сов?

Совы – те, кто посменно работали ночью.

– Почти половина.

– А в штольнях?

– Минимум человек сорок. Вытаскиваем по тонне в день. Дойдем до трех через пару недель.

Неплохо. Переправив минерал в Руанду, Морван сам займется очисткой и экспортом. В конечном счете афера принесет ему многие миллионы евро, освобожденные от налогов, – *по примеру Жако.*

Но план был рискованный и весьма ограниченный во времени. Это продлится только до того момента, пока не заявится та или иная милиция или одна из армий не займет территорию. При некотором везении война, напротив, уйдет в сторону и Морван уступит место собственной компании. В таком случае он заработает меньше, но все равно заработает.

– Банды не мешают работать?

– Пока нет. – Жако хихикнул; у него были остро заточенные зубы. – Эти говнюки тебя дожидаются. Желают увидеть, кто за всем стоит!

– Мне говорили о продвижении войск к Луалабе...

– Ходят слухи. Один тутси, называющий себя Духом Мертвых, вроде бы сформировал новую милицию, FLHK: Фронт освобождения Верхней Катанги. Они спустились с Южного Киву^[12] в поисках земель, которые можно покорить...

Во второй конголезской войне неизменными оставались как минимум две вещи: нелепые буквенные сокращения и совершенно безумные военачальники с сюрреалистическими прозвищами. Грегуар знал Духа Мертвых. Бывший член Национального конгресса в защиту народа и Движения 23 марта, он уже достаточно повоевал на границах Киву. С чего он направился в Катангу? Или прослышал о новых месторождениях?

Морван рефлекторно оглянулся на собственные войска – не профессионалы, но затвор с открывалкой не спутают. Надо будет раздать форму и ружья, чтобы превратить их в солдат. А в переднике и с поварешкой они сошли бы за поварят. Как говорил Жако, «в Африке надо уметь приспособливаться».

Грегуар тоже умел приспособливаться. При данных обстоятельствах – отойти подальше от взлетно-посадочной полосы, чтобы обустроить ночевку. Выход на рассвете. Пешком, по этой местности, с собственными солдатами, носильщиками и козами, они могли покрыть двадцать километров, отделяющих их от рудников, за сорок восемь часов. Вот тогда он и объявит большие маневры. Транспортировка колтана сначала будет осуществляться на человеческих спинах. По пятьдесят кило на рыло всего за несколько долларов. Поставка каждые два дня. За это время Жако раскорчует и расчистит дорогу: через несколько недель можно будет и впрямь использовать машины. Ежедневные рейсы в Руанду – и добро пожаловать, денежки.

Мишель уже набирал носильщиков среди голодранцев, оставшихся около самолета. К моменту, когда «антонов» взлетел, колонна была построена и состояла из двух групп: великаны с одной стороны, «коротышки», как говорили здесь, – с другой; солдаты и носильщики. Вопреки здравому смыслу самые щуплые были носильщиками. Должность солдата считалась более завидной, ее и захватили здоровяки.

Пока раздавали ружья (на данный момент – без боеприпасов), Морван нацепил пояс с кобурой и засунул в нее свой девятимиллиметровый, – вообще-то, он предпочитал сорокапятимиллиметровые, но сейчас было не до капризов. Сноп выдал ему также автоматическое ружье и закрепил на поясе патронташ – так оруженосец снаряжает рыцаря. Во всей сцене было что-то смертоносное и в то же время будоражащее. Морван подумал об опасном наркотики, пьянящем, но чреватом грядущими кошмарами.

Колонна тронулась: человек двадцать солдат, за ними тридцать носильщиков, в большинстве своем менее объемистых, чем тюки и чемоданы у них на голове.

Морван пропустил их вперед и полюбовался на караван, освещенный только шахтерскими налобными фонарями. Всего за несколько часов он окончательно перебрался в эпоху батареек. Никакого моторизованного средства передвижения, никакой современной технологии... и так ему придется управлять сотнями людей, готовых похоронить себя заживо за пригоршню конголезских франков (изумительной красоты банкноты, не имеющие никакой ценности). И если возникнет необходимость, он будет их бить и запугивать, как

любой пес войны.

Да и был ли он когда-нибудь кем-то другим?

Этот вопрос согрел ему сердце: даже отребье нуждается в логической целостности.

С наступлением ночи Эрван так и не вернулся в свой отель. После встречи с канадцем он снова отправился в аэропорт, пытаясь найти кого-нибудь из контрабандистов или «махинаторов», о которых упоминал офицер. Каждый второй знал кого-то из пилотов, или компанию, или самолет, готовый взлететь. Его посылали с одного конца взлетной полосы на другой, потом обратно туда, откуда он пришел. Его вели через пустыри, гетто, островки зарослей. Он не нашел ничего – по крайней мере, из того, что искал.

Ночью, когда он вернулся в Лубумбаши, жизнь в городе показалась ему еще более бурлящей, чем днем. Он забился под навес ливанского ресторанчика, чтобы его никто не заметил. Белый, иностранец, совершенно потерявшийся в этом людском море. Отец уехал, и у него не осталось ни одного контакта. Он ни на миллиметр не продвинулся и не нашел ни малейшего следа. Пророчество Старика уже сбывалось.

– Босс?

Официант в майке с надписью «Primus» стоял рядом.

– Чай.

– У нас только пиво.

– Ладно, давай пиво.

С момента приезда он понял только одно: в Африке день идет за два, а то и за три или еще больше. У него было впечатление, что он здесь уже месяц. Не считая жары, любое ощущение сбивало с ног. Простой запах бензина перехватывал горло. От пестроцветья сжималось сердце. Каждый новый вкус переворачивал ваш метаболизм, взвинчивал нервы, заставляя прочувствовать, до какой степени смерть уже здесь, в мякоти фруктов, в остроте соуса, в теплоте дождя... За несколько часов вы привыкали цепляться за все, что помогало вам держать удар. «Чтобы обрести Африку, – предупреждал отец, – сначала в ней нужно раствориться».

На протяжении всего дня, пока на бюрократов, как казалось, напала сонная болезнь, его допекали уличные мальчишки, непрерывно вопя, размахивая руками, обшаривая его карманы. Полицейские, в темно-синей форме, с красными свистками, также его обобрали. Одуревший от усталости, Эрван не стал сопротивляться. Он чувствовал, что пропитался кровью и потом, и каждое движение давалось ему с трудом, словно собственный вес замедлял его шаги.

Единственным приятным сюрпризом оказался сам Лубумбаши. Солнечный, воздушный, с домами пастельных тонов, этот «город пожирателей меди»^[13] выглядел как курорт.

Прибыло пиво. На улице зажглись огни. Горящие вполнекала лампочки цвета прогорклого масла наводили на мысль о лихорадочном выздоровлении. Он отхлебнул глоток – пиво теплое и без пузырьков. Загадочным образом он предчувствовал надвигающееся событие, нечто ужасное, восхитительное, ради чего стоило совершить путешествие: дождь.

Сначала затряслась земля, потом опаляющими шквалами налетел ветер. Небо словно

раскрылось одним махом с рокотом бездны, и начался потоп. Утренний ливень был всего лишь преамбулой. А сейчас казалось, что на крыши рушатся камни. Землю расстреливали очередями. Горячий безудержный паводок изливался на улицы. Мир заходился в алом жидком фейерверке.

– Ищешь лодку, чтоб уплыть, босс?

Эрван поднял глаза: перед ним стоял атлетического вида детина с подсолнухами на майке и в велосипедных шортах. Вымок он от макушки до пальцев на ногах, так что одежда облепила его, словно костюм Супермена.

Эрвану потребовалось несколько секунд, чтобы уловить смысл шутки.

– Я могу присесть?

Он указал ему на стул без излишней любезности: очередной вымогатель. Вновь прибывший отфыркался, прежде чем расположиться. Рост за метр восемьдесят, литые мускулы – Эрван заметил маленькую Библию, засунутую за пояс шорт.

– Сальво, – бросил чернокожий, протягивая руку. – Меня еще зовут Желтая Майка.

Эрван пожал руку и представился.

– А ты вроде не в лучшей форме, братец.

– Этот дождь – первое, что случилось хорошего за весь день.

– Только вечером Африка припадает к истокам!

Чернокожий расхохотался собственной шутке, и Эрван решил, что такой смех не может сулить ничего плохого.

– Что тебя занесло в Лубум, босс?

– Мне нужно на север, – сдержанно ответил он.

– Хочешь, чтоб тебя прикончили, или что? А куда именно?

А что мне, собственно, терять...

– В Анкоро, а потом в Лонтано.

Сальво недоверчиво присвистнул, вращая зрачками:

– Никто тебя туда не повезет: это прррравда стррремно. Неправительственные пробовал?

– У них ничего в ту сторону не намечается. И потом, они все равно не возьмут меня без разрешения.

– Так у тебя и бумаг нет? Дохлое твоё дело, босс.

– Ты хотел меня утешить?

Сальво снова зашелся своим смехом из серии «сабли наголо»:

– Наоборот, сегодня твой день.

– Мне это с утра твердят.

– Да нет, прррравда. Потому как я туда тоже направляюсь.

– Так самолета нет.

– У меня есть.

За сегодняшний день Эрвану столько раз вешали лапшу на уши, что у него даже не было сил разозлиться.

– У тебя есть самолет?

– У моей компании. Я работаю в импорте-экспорте.

– Чего?

– Я перевожу, и все. С севера на юг. С юга на север.

– Хочешь сказать, что знаешь район, который меня интересует?

– Босс, я баньямуленге.

Эрван знал, что означает это слово: иммигранты, тутси по происхождению, которые жили в основном в Южном Киву, прямо над северной границей Катанги. Он начал слушать куда внимательней.

– Обычно ты где приземляешься?

– Там много полос. Часто в Кабве^[14].

Эрван по-прежнему вглядывался в своего собеседника: враль, более ловкий, чем остальные, или чудо, ниспосланное ему ливнем?

– А можно потом перелететь в Лонтано?

Сальво, или Желтая Майка, потер указательный палец о большой. Внутренняя сторона его ладони была до странности светлой.

– Все зависит от твоих возможностей.

– Брось, – ответил Эрван, делая знак официанту.

Сальво сунул руку в карман и положил на стол купюру:

– Угощаю. А что ты думал? Что сможешь прокатиться на халяву?

– Когда мы сможем улететь?

– Говорю же: все зависит от твоих возможностей.

– Допустим, у меня есть все, что нужно, так когда летим?

– Завтра.

– Точно?

Тот вскинул две розовые ладони и снова засмеялся:

– Босс, здесь же Африка...

Единственно возможный верный ответ.

– Сколько за полет туда?

– Три тысячи долларов.

– Тысяча.

Сальво помотал головой, стряхнув несколько улыбок:

– Папаша, когда идет война, цену не скинешь. Или же она растет. Три тысячи долларов, и я сам займусь бумагами.

– Что ты перевозишь?

Желтая Майка взял со стола пустую бутылку из-под пива, глянул в нее, как в подозрную трубу, потом навел на Эрвана.

– Если стоворимся о деле, никаких вопросов.

У Эрвана мелькнула еще одна мысль – он все больше проникался доверием к этому Фигаро в конголезской интерпретации.

– А поедешь со мной до Лонтано?

– За еще тысячу сверху.

Эрван уже не пытался торговаться. Он постиг еще одну истину:

– Явившись сюда, ты заранее знал, что я хочу уехать.

– В Лубуме такие сквозняки... Голоса прям разносятся!

Эрван допил свой стакан. История приобретала логическую форму: Сальво намеревался отбыть в Танганьiku, его предупредили, что один белый хочет туда поехать, а значит, француз и покроет расходы. Что и требовалось доказать.

– Я в «Гран-Каравиа» – встречаемся завтра в десять утра. С пилотом и подробной картой.

- Босс, а мой аванс?
  - Сначала покажи, что можешь прийти вовремя.
- Сальво тоже поднялся:
- Буду, шеф!

11

Эрван брал свой ключ у консьержа, когда услышал взрывы смеха. Обернувшись, он обнаружил необычного человечка с фламандским акцентом, окруженного кучей гостиничного персонала, который относился к нему крайне почтительно.

Старик – а ему явно перевалило за восемьдесят – был в брезентовой панаме и дождевике. Маленький, худой как скелет, высушенный на солнце, он держался очень прямо в своих резиновых сапогах, несмотря на заплечный рюкзак. И чтобы ни у кого не оставалось сомнений в том, какова его роль в самом сердце черной Африки, он носил на груди большой крест.

Эрван наострил уши: человек был из Фунгуруме, одного из городов на дороге в Анкоро. Сначала Сальво, теперь священник... Может, удача начала ему улыбаться?

Он еще раз взгляделся в старика. Морщинистое лицо цвета охры. За стеклами очков белки глаз имели никотиновый оттенок, а зрачки поблескивали, как крошечные перламутровые раковины.

– Добрый вечер, отец мой, – обратился к нему Эрван, когда чернокожие разошлись.

Он представился и получил в ответ широкую улыбку, отполированную десятилетиями христианского милосердия. В нескольких словах он объяснил причину своего пребывания в Лубумбаши. Отец Альбер ничего не понял. Эрван не сдавался, упомянув имена Грегуара Морвана и Человека-гвоздя.

– Скажите на милость, молодой человек, в каких давних историях вы копаетесь! – заметил священник с ужасным акцентом.

– Вы ведь уже были в Конго в то время?

Миссионер застыл неподвижно в своей накидке, как глиняная скульптура, выставленная на просушку.

– Да, но я редко выбирался выше Анкоро, хоть и принадлежу к епархии Калемие-Кирунгу, она еще дальше к северу. Все это немного сложно. Нужно знать те места. В любом случае на сегодняшний день...

Эрван указал на диваны и низкие столики, окружающие бар.

– Я могу предложить вам стаканчик?

Святой отец нахмурил брови, потом поправил очки на горбатом носу.

– Ну... если вы настаиваете... – пробормотал он, поглядывая на часы. – Не возражаю.

С осторожностью поднял свою сумку и вручил ее груму, обратившись к нему на суахили. Потом снял пончо и резиновые сапоги. Под ними он был одет как человек, привычный к местной природе: рубашка с коротким рукавом, полотняные шорты и сандалии.

Они устроились, и Эрван сделал знак официанту.

– Что вы будете?

– Чай.

– А не желаете чего-нибудь... покрепче?

Отец Альбер прикрыл сморщенные веки и после нескольких секунд размышлений, словно вознося молитву на латыни, пробормотал:

– Чинзано.

Эрван решил не изменять теплomu пиву.

– Что именно вы хотите знать? – пошел в наступление Альбер.

– Вы помните Лонтано?

– Я там бывал, когда его строили, и даже до...

– До?

– Когда он был лишь маленькой деревушкой, которую основала итальянская община. А потом прибыли Белые Строители.

– Кто это?

– Так называли бельгийских колонов, которые в конце шестидесятых годов сделали вложения в Катангу, после открытия залежей марганца. Семьи, которые раньше жили на западе, в Нижнем Конго, занимались нефтью и сахарным тростником. Эти кланы приехали из Лукулы, Кангу, Челы, из городов Майомбе, расположенных более чем в двух тысячах километров.

Взять на заметку: первый Человек-гвоздь тоже был родом из того района, и магия, которую он практиковал, была магией Майомбе. Какая-то связь между убийцей и теми семьями?

Принесли напитки. Альбер осторожно ухватился за свой стакан. Он скорее смачивал губы, чем пил, с видом полного блаженства.

– Расскажите мне о новом городе. На что он был похож?

– Он был замечательный. Что-то вроде мини-Бразилии. В сердце дикой природы – асфальтовые дороги, здания с огромными стеклянными фасадами, паперти, украшенные современными скульптурами. Прекрасный пример архитектуры Заморских территорий!

Эрван вспомнил о собственном сне: современный город и кожи, прибитые к дверям. Карл Юнг заговорил бы о «синхронистичности»... [\[15\]](#)

– Очень быстро он стал важным центром деловой активности, – продолжил святой отец. – Рудники работали на полную мощность, поезда перевозили руду...

– А была железная дорога?

– Конечно! – Лицо его стало печальным. – Но больше ничего этого нет.

– Я не очень понимаю. Мобуту прославился тем, что изгнал колонизаторов и провозгласил независимость чернокожих. Как он мог допустить создание города, где доминировали бельгийцы?

У Альбера вырвался смешок – возможно, чуть вымученный. При каждой смене выражения лица морщины свивались вокруг его рта, как проволока.

– Он был прагматиком. Только европейцы могли эксплуатировать месторождения. Он утверждал, что город будет смешанным, но, как всегда, задумывали белые, а копали черные...

– А об убийствах вы помните?

– Как можно такое забыть? Тогда это наделало много шума. Белая женщина; господи, кто мог осмелиться к ней прикоснуться? Особенно к этим женщинам!

– Что вы хотите сказать?

– Первые жертвы были девушками из семей Белых Строителей. Де Восов, де Момперов, Корнетов... В некотором смысле это было двойное кощунство.

Новая информация. Возможно, у Фарабо была тайная причина ополчиться на этих

набобов. И причину следует искать не в Лонтано, а в долинах Нижнего Конго...

– Имя Катрин Фонтана вам о чем-нибудь говорит?

– Нет.

– Она седьмая жертва.

– Звучит не очень по-бельгийски.

– Она была француженка.

– Вы уверены? Мне всегда говорили, что убийца метил только в бельгиек. На эту тему даже ходили не очень удачные анекдоты.

Он отпил крошечный глоток. На его бескровных губах вермут приобретал медовый оттенок, напоминая некий священный напиток.

– Что еще вы можете вспомнить?

– Я помню главным образом политическую обстановку. Эти убийства сработали как искра в пороховой бочке. Первые линчевания черных, ответные выступления конголезцев. Город был на грани гражданской войны. Мобуту прислал войска, но они только добавили беспорядка. Один молодой французский военный взял все в свои руки...

– Жан-Патрик Ди Греко?

Старик тихо повторил, покачивая головой:

– Ди Греко, точно...

Именно Морван призвал морского офицера на помощь – они встречались в Порт-Жантиле на нефтяных платформах. Эрван знал эту версию событий.

– По моим источникам, те волнения чуть не повлекли за собой экономический крах города.

– Это самое малое, что можно сказать! Бельгийцы уезжали, черные отказывались работать. Поговаривали о проклятии. Духи послали Человека-гвоздя, чтобы изгнать белых. Знаете, в Конго есть один злой демон, сильнее всех прочих: *булози*, по их верованиям...

Возможность была слишком заманчива.

– А вы сами – вы сталкивались с магией йомбе?

– Не по-настоящему. В Катанге она была не слишком распространена.

– А относительно расследования вы можете что-либо уточнить?

– Абсолютно ничего. В Фунгуруме мы читали только местные газеты, а те всё больше гонялись за сенсациями. Повторяю, я не лучшая кандидатура для расспросов...

Он произнес это тоном финального вывода, ставя пустой стакан.

– Миссионеры работали в Лонтано? – не сдавался Эрван.

– Несколько, да. Но они уже отправились к Всевышнему. Хотя, кажется, кое-кто остался... Погодите, дайте подумать...

Он снова прикрыл глаза. Когда он открыл их, его радужные зрачки блестели.

– Сестра Хильдегарда! В то время она была совсем молоденькой. И работала в диспансере.

– Пятого километра?

Номер госпиталя Катрин Фонтана совершенно естественно слетел с губ Эрвана.

– Я точно не помню, но полагаю, что она до сих пор где-то там, несмотря на войну.

– Где?

– Именно на севере. Вот только не советую вам туда ехать. Никакой гарантии вашей безопасности.

Оба встали одновременно.

– Вы остановились в «Каравиа»? – спросил Эрван с долей недоумения.

– Нет, я зашел передать письма мальчикам из Фунгуруме, которые работают здесь. Я переночую в гостевом доме собора Святых Петра и Павла.

– Я могу спросить вас о причине приезда в Лубумбаши?

Маленький священник снова надел накидку и сапоги.

– Я сопровождаю одного своего старого товарища, который возвращается в Бельгию.

– Ностальгия?

– Можно и так сказать: он умер. Но хотел быть похороненным в Монсе, своем родном городе.

– От чего он умер?

– От старости. Ему было девяносто два года. – Внезапно он вновь обрел свой лукавый вид. – В этом сила миссионеров. Мы спокойно угасаем прежде, чем нас задуют!

12

Сейчас Гаэль жила у Лоика. Не то чтобы она боялась – с двумя такими стражами и собственным «глоком» она могла побороть страх, – просто он ее попросил. Братец решил наконец отказаться от кокаина и, по его словам, нуждался в коучере.

Никто так и не понял причин столь внезапного решения. Развод и сложности с получением права на чередование опеки над детьми, если ты вбухиваешь в себя черт-те сколько граммов в день? Сам факт, что он увидел, как за его семьей охотится серийный убийца? Угрозы, полученные из-за горнопромышленной компании отца? Или же вынужденная продажа за бесценок акций Старика?

Конечно, отчасти все это, вместе взятое. Ураган передряг подействовал как электрошок.

Вот уже три недели Лоик мучил себя серьезными спортивными нагрузками (бег, французский бокс, йога) и сидел на щелочной диете, основанной на фруктах и овощах. Он косил под больного, не являясь в «Firefly Capital», свою собственную компанию, и ни на йоту не отступал от своего нового кредо: чистота, здоровье, био.

Первые результаты оказались истинной катастрофой. Жить с ним рядом было просто невозможно, но Гаэль держалась – медики предупреждали, что десять-двенадцать недель будут тяжелыми. Она сама пребывала в ломке: перестала охотиться за ролями, которые ей все равно никогда не получить, и положила конец платным свиданиям. После всего, что ей пришлось пережить, это больше не имело никакого смысла.

В полночь она прогуливалась по просторной квартире на авеню Президента Вильсона – той самой, где она выбросилась из окна двумя месяцами раньше, – после того как умудрилась уложить брата спать не без помощи сильного снотворного. Опасно баловаться таблетками, когда пытаешься слезть с кокса, но у нее не было ни времени, ни терпения, чтобы целиком положиться на психологию или нетрадиционную медицину.

Она открыла застекленную дверь и вышла на балкон. Ледяной ветер. Сигарета. Первая затычка и взгляд на улицу, утыканную булабочными головками фонарей. Она перегнулась через перила и заметила своих телохранителей, расхаживающих по противоположному тротуару, перед дворцом Токио. Чего на самом деле опасался отец? Нового нападения? Новой попытки самоубийства? Что она опять начнет давать за деньги?

Она позволила мыслям вернуться к событиям дня: приглашению от Эрика Каца. Нелепо,

но, видит бог, она так об этом мечтала. Словно в замедленном, пущенном назад фильме, она увидела, как прокручиваются все смены ее отношений с психологом за последний год. Вначале она его возненавидела. Он воплощал все то, что ей претило: саму мысль, что она нуждается во врачебной помощи, тот факт, что новый курс был рекомендацией – читай: приказанием – отца, перспективу рассказывать о себе – и выворачивать себя наизнанку – перед посторонним... Физически он тоже был совсем не в ее вкусе: слишком худой, бесполой. В своих тесноватых костюмах он походил на стареющую женщину. Долгое время она полагала, что он гомосексуалист, пока не выяснила, что он женат и отец двоих детей. Только в глазах – светлые зрачки, но темный взгляд – было что-то привлекательное.

Мало-помалу она поддалась его обаянию. Стало еще неприятней. Сеансы психоанализа превратились в серию попыток обольщения. Сначала она все поставила на собственную историю. Жестокость отца по отношению к матери. Анорексия. Попытки самоубийства. Приступы психоза. Проституция. Такой ход событий должен был тронуть специалиста. Ни черта подобного. *Тут ваши не пляшут.* Тогда она стала варьировать внешний вид (то шляха, то монашка), использовала накопленное актерское мастерство, перечислила свои женские победы, перейдя к интимным подробностям... Нулевой эффект. Он выслушивал ее истории, как если бы она сливала отработанное масло из мотора. Пришлось добавить обороты: она перешла к повествованию об оказании эскорт-услуг. Крупным планом ее свидания, ее тайные таланты. Она вдавалась в детали, по большей части вымышленные, находя удовольствие в нездоровом и провокационном бреде. Месье Айсберг не дрогнул. Время от времени он задавал вопрос, просил уточнить, вносил комментарий – но всегда чтобы подтолкнуть ее, а не себя. Он владел искусством говорить, не произнося ни слова, вмешиваться, не давая себя вовлечь.

Она перешла к действиям... физическим. Открыто возбуждала его и, ничего не добившись, впадала в истерику. Грозилась ударить его, покончить с собой, позвать его жену. Ее сводило с ума не его безразличие, а его непроницаемость. Невозможно было понять, что он думает, что чувствует. Только иногда у него проскальзывало выражение удовлетворения – если он думал, что ему удалось закрепить свои позиции, то есть всякий раз, когда она плакала, орала или выкладывала лишнее. Тогда он тихонько кивал, будто говоря: «Отлично, продолжайте...» Ей хотелось вонзить ногти в его сердце.

В конце концов все успокоилось. *Противник отказался от борьбы. Победа.* Третий акт протекал в атмосфере утомленного безразличия, и она все говорила, говорила, говорила... Очистить рану, чтобы подготовить операционное поле. Несомненно, лучший этап в терапии: она выкладывалась «вхолостую», не раздумывая, не чувствуя, перед совершенно нейтральным слушателем. И однако, лечение не дало эффекта. Никаких признаков улучшения. Хуже того, Гаэль сорвалась еще глубже. Ему пришлось прописать ей более мощные антидепрессанты. В итоге она плюнула на лекарства и погрузилась в свои страдания. Она предпочитала бороться с демонами в одиночку, чем терять время на этом проклятом диване...

Когда она вновь увидела его, то испытала разочарование. Как она умудрилась влюбиться в этого засохшего, как сучок, пятидесятилетнего мужика? В какого-то тощего жирафа с воротничком а-ля Карл Лагерфельд? Ее психоаналитик был по-прежнему безразличен – человек, который так взвинчивал ей нервы и проникал в ее раны с безмолвием хирургического щупа.

Очевидно, она ошибалась, потому что сегодня он наконец проявил себя. Значит, под

костюмом все-таки скрывался человек. И даже, может быть, член. Трепещущая, оцепеневшая, она не замедлила признаться себе, что по-прежнему по уши влюблена в своего психиатра. И это не имеет ничего общего ни с трансфером^[16], ни с психоанализом.

Гаэль терпеть не могла парижскую теорию, согласно которой любовь является всего лишь формой невроза, а наша Карта Страны Нежности^[17] сводится к списку детского травматизма. Несмотря на свою психическую неуравновешенность, она принадлежала к старой школе: любовь должна быть спонтанной, необъяснимой, феерической. Она, которая всегда плевала на чувства и чей феминизм был так свиреп, что исключал даже женщин, была защищена не больше остальных. Напротив, в сущности, она была самой большой идеалисткой.

Шум за спиной заставил ее обернуться.

Какой-то человек двигался в полутьме походкой сомнамбулы с лицом, искаженным гримасой. Похож на зомби из фильма ужасов или больного, задроченного лекарствами, – таких она навидалась в больнице.

Но это был всего лишь ее брат, которому приснился кошмар.

Она бросила сигарету через балюстраду и зашла обратно в квартиру: долг зовет.

Обычный пейзаж Катанги – это заросли, долины, перемежающиеся подлеском. Но сегодня им не повезло: с самого рассвета они пробирались по растительному туннелю, который то поднимался, то шел вниз, так что видимость ограничивалась несколькими метрами. Густой лес, какой встречается скорее в Восточной провинции или в Эквадоре.

Они продвигались по старинке: впереди белый начальник, за ним вооруженные люди, позади носильщики. Морван шагал, свесив голову и чувствуя, как лямки рюкзака впиваются ему в тело. С него лило, как с быка, и этот пот, как ему казалось, смазывал все его шестеренки.

Он постоянно перебирал в уме одни и те же мысли, одни и те же вопросы – так повторяют мантры или стихи Корана. Кто убил Нсеко? Кто знал о новых месторождениях? Кто поджидал его там, на местности? Неизвестность снедала его, словно зуд, – как будто он свалился в заросли крапивы. Когда мозг уставал крутиться вхолостую, проходила секунда, и он возвращался к главному вопросу: что накопает сын в его прошлом? Удастся ли ему извлечь правду, всю правду?

Новый прилив пота. Движением головы он стряхнул его так, что брызги полетели во все стороны, но даже не попытался утереться – большие пальцы были намертво зажаты под лясками рюкзака. Лес над ним тоже потел, словно обволакивая теплым дождем. Какая мерзость...

И все же он не торопился добраться до равнины. По крайней мере, здесь они были в укрытии – вдали от вражеских взглядов.

Какой-то гомон позади, суета, потом все остановились.

– Что происходит?

Мишель побежал в конец процессии и знаком подозвал. Грегуар сбросил рюкзак и глянул на часы: восемь. Судя по его GPS, они уже покрыли четверть расстояния, запланированного на сегодня. *Неплохо*. Сноп тихим голосом бросил ему несколько слов, он

не понял.

Они спустились по тропинке до самого хвоста цепочки. Какой-то подросток распластался в грязи, придавленный своим выюком.

– Что за дела? – бросил Старик в сторону.

Никакого ответа. Он подошел ближе и сдвинул холщовый мешок. Гноящаяся рана шла из-под башмака мальчишки до самой щиколотки и чуть выше. Нога приобрела ужасный зеленоватый оттенок. *Гангрена. Немедленно резать.* Он приподнял тенниску и понял, что уже поздно для чего бы то ни было. Гниль была повсюду. Парню оставалось всего несколько часов.

– Кто нанял этого идиота? – проревел Морван, обращаясь к Снопу.

– Босс, он сам захотел пойти.

Умиравший попытался приподняться – для отвода глаз. В их аптечке был пенициллин, но на этой стадии... Донести его до рудника? Вернуться обратно и доставить его на взлетную полосу? Ни одного самолета еще неделю. Бросить здесь? Что ни выбери, паренек умрет, и единственным результатом станет потеря времени, впустую потраченные лекарства, дополнительная куча проблем...

Морван повернулся к Мишелю и бросил:

– Возьмите его мешок и продолжайте двигаться. Я догоню.

Тихим голосом бригадир отдал приказ. Лес словно придвинулся ближе и сжался вокруг них, выявляя свою истинную природу – могилы.

Мальчишка снова упал и, дрожа, смотрел на Грегуара.

– Я помогу тебе, – сказал ему Морван на суахили.

Он просунул руку ему под мышки и поднял одним движением.

– Как тебя зовут?

– Жильбер.

– Сколько тебе лет?

– Пятнадцать.

Он подтолкнул его вперед, к тропе, в направлении, уводящем от группы. Подросток кусал губы, чтобы скрыть боль. Ему так хотелось верить: они пойдут обратно по тропе, о нем позаботятся, его спасут...

Морван выстрелил всего раз – в затылок. У него всегда оставалась одна пуля в патроннике, как горький осадок в желудке. Мальчик покатился по земле, пока не застрял в переплетении лиан. Подойдя, Грегуар увидел, что его голова словно погрузилась в красный порошок: миллиарды муравьев уже бегали по его лицу.

В памяти всплыли строки Леопольда Седара Сенгора: «Пока ревнивая судьба не обратит тебя в прах, чтобы напитать корни жизни...»

Через несколько часов останки окончательно исчезнут.

Он, матерясь, двинулся вверх по склону. Выстрел наверняка переполошил хищников в округе. *Твою мать.* Он чувствовал, как слезы щиплют глаза, и был удивлен этим приступом сентиментальности.

Он оплакивал не мальчика – в лесу вероятная продолжительность жизни невелика, – а самого себя. Собственную жестокость, которая его выковала и теперь снова возвращалась к нему, первозданная, в своеобразной гнусной чистоте.

Он закинул за спину мешок и снова встал во главе отряда. В их глазах – ни упрека, ни осуждения. Он был виноват в том, что не проверил состояние своих людей. Они – в том, что

наняли такого мальчишку, а сам мальчишка – в том, что полез в это дело.

Вопрос закрыт.

Вопреки распространенному мнению, Африка не располагает к состраданию.

ДВАДЦАТЬ ДВА ДНЯ БЕЗ КОКСА.

Первая мысль при пробуждении.

С содроганием он заметил, что простыни на кровати скручены, как будто ими пытались его придушить. Показалось, что пот на затылке, плечах и в промежности внезапно похолодел. Снова дрожь. Он любил такое потение. Изгонять наружу – значит избавляться от токсинов. Изгонять токсины – удаляться от зла.

В комнате совсем светло. На будильнике 9:50. У Лоика не было никаких встреч, ничего срочного. Единственный вечный бой: пропускать время сквозь себя, не занюхивая ни одной полоски. *И того за глаза хватает.*

Почти сразу у него застучали зубы и начался спазматический озноб. Кости болели, как будто во сне его избили. Он попытался выпутаться из простыней, и его скрутила острая боль в желудке. По внутренностям растекся огонь, который требовал одного – пламенного извержения. Понос.

Нужно мчаться в сортир, пока не поздно. Он встал и потерял равновесие. Мгновение спустя он лежал, уткнувшись носом в пол. Распрямылся и заметил, что оставил на дереве пятно крови. *Вот дерьмо.* Он разбил себе нос, или же титановые пластины вонзились в носовую перегородку – глаза застилало слезами.

Он скорчился и подождал несколько секунд в позе зародыша, пока в нем накопится хоть гран воли. Иногда он говорил себе, что подцепил страшную болезнь – что-то тропическое, передавшееся от чернокожих, похитивших его двумя месяцами раньше. Истина была проще: у него синдром «мерзлого индюка» – *cold turkey*, как говорят англосаксы, – потому что во время ломки ты дрожишь, как старая птица.

Он разогнулся, прижимая тыльную сторону ладони к носу. И двинулся, то ползком, то на коленях, к ванной комнате. Если сфинктеры не выдержат, он загадит все вокруг и не переживет такого унижения.

Холодный кафель принес ему облегчение. Он оперся о борт унитаза и устроился сверху *in extremis*^[18]. Огненная боль опалила зад, а черная молния испепелила мозг. Прилив крови. Или, наоборот, нехватка кислорода. Он...

Очнувшись на полу, он почувствовал себя лучше. Невозможно узнать, сколько времени он был без сознания, – часы остались в спальне. Ему показалось, что сосуды на лице лопнули, а ноздри забиты сухой грязью – просто засохшая кровь.

Дыша ртом, он уцепился за раковину и поднялся – внутренняя канализация тоже вроде бы наладилась. Он спустил воду, зажег ароматическую свечу «Индийское дерево» и разделся. Сидя в душевой кабинке, открыл воду и отрегулировал – более или менее – температуру. Он все еще дрожал под струями теплой воды.

Надел волосяную перчатку и растерся изо всех сил. Постепенно в голове прояснилось. Единственной хорошей новостью было то, что он спал. Вот уже неделю он жил на могадоне.

Если этого не хватало, добавлял мепронизин. Сегодня ночью он принял еще транксен, а потом подоспело подкрепление в виде сестры с ее силноксом. Но накачиваться снотворным, чтобы бросить кокс, – это все равно что дрочить, чтобы не бегать по шлюхам.

На работу он больше не ходил. Вытащил симку из своего мобильного. Молился и медитировал согласно указаниям Ваджраяны. Занимался спортом, как только отпускала ломота во всем теле. Писал в раковину, чтобы не посещать туалетов, которые вызывали в нем условный рефлекс. *Где моя дорожка?*

Он заперся вместе со своим злом. Дуэль врукопашную, из которой он постоянно выходил победителем, потому что, несмотря на все страдания, моменты отчаяния, приступы страха, время шло – и только это имело значение. Возврата назад не будет.

Ему на голову по-прежнему лилась вода. Нужно бы предупредить своего психиатра и пройти настоящий курс поддержки. Или записаться в какую-нибудь программу вроде «Анонимных алкоголиков». Но гордость решила за него: он хотел покончить с этим в одиночку и тайно, возродиться из пепла, словно феникс.

Выходя из душа, он дрожал – на этот раз от холода, но мозги вроде прочистились. Он подумал, не побриться ли, но, учитывая, как тряслись руки, он бы просто зарезался. Зеркало. Свинцовый цвет кожи, впалые щеки. Он не смеялся и даже не улыбался уже долгие недели. Он больше не способен был испытать хоть какое-то удовольствие, не чувствовал вкуса ни к чему. Все желания покинули его, осталось тусклое тягучее болото.

Он натянул трусы и майку и отправился на кухню, призывая Гаэль. Никакого ответа. Почти полдень: наверняка она куда-то ушла. После убийств она стала совсем другой. Помолодела лет на десять. Больше не красилась и надевала самое приемлемое из своего барахла – скорее стиль хиппи, чем it-girl. Она похудела – но не исхудала (у всех сдавали нервы, когда речь заходила о весе Гаэль). В Бретани ноябрьское солнце ее обжарило и отскоблило – в хорошем смысле слова.

Лоика завораживала его сестра. Со своей провалившейся карьерой актрисы и закидонами эскорт-девицы она могла показаться настоящим лузером. Зablуждение: у Гаэль была ученая степень по философии, и она дала бы фору любому схоласту XIII века. Она была самой красивой девушкой, какую он когда-либо видел, – после Софии или, скажем, наравне с ней. И однако, за ней не числилось ни одного серьезного романа. Ее любовные истории ограничивались ледяным перетрахом и темными манипуляциями.

Он приготовил себе тибетский чай с солью, ячменем, маслом и молоком. Штука, от которой немедленно блеванешь на собственные башмаки, но это пойло напоминало ему о единственных счастливых годах его жизни – тех, что он провел в монастыре Зонгдиана.

Он уселся на диван, под триптихом Ансельма Кифера, купленным у разорившегося коллекционера, подумал о своих детях, и настроение разом упало. Сейчас он отказывался с ними встречаться. Вообще-то, под кайфом или без, ему всегда было с ними неловко. Совершенно чуждый их миру, языку, играм, в практическом плане он был ни на что не годен. Не способен ни сварить им яйцо, ни одеть их. А на сегодняшний день, с нервами, натянутыми, как рояльные струны, он не выдержал бы и часа в их присутствии.

Чтобы не показываться в отведенные ему дни, он сослался на проблемы со здоровьем. В присущей ей ироничной манере София наверняка предположила, что он страдает от перебора кокса. Тем лучше. Наркотик был основной причиной их развода, и он категорически не хотел, чтобы Итальянка вообразила, будто он решил завязать, чтобы сблизиться с ней.

Он пил третью чашку своего чая с маслом – проблюется перед тем, как заняться спортом, – когда в дверь позвонили. Должно быть, Гаэль забыла ключи: он никого не ждал, а его дом был настоящей крепостью, с консьержем и набором кодов.

Он отпер замок и повернул ручку, даже не глянув в глазок.

Это была не Гаэль, а София.

– *Papà è morto*^[19], – произнесла она глухо.

Скрыв свое удивление, Лоик впустил ее и приготовил питье, достойное этого названия: зеленый поджаренный японский чай – *ходзита*, – который он доставал только по особому случаю. Дрожь вернулась с новой силой. В открытой кухне, заполненной всякими приспособлениями из нержавеющей стали, его манипуляции производили больше шума, чем соло на ударных.

София не обращала внимания. С остановившимся взглядом она неподвижно сидела на табурете по другую сторону стойки. Ее лицо с идеально гладкой белоснежной кожей и чуть раскосыми глазами было лишено всякого выражения.

Лоик замялся, прежде чем высказывать обычные банальности.

– Что случилось? – спросил он наконец вполне прагматично.

– Его убили.

Он замер с чайником в руке:

– Что?

– Только что нашли его тело, сильно изуродованное.

Пусть ее отец был довольно темной личностью, такого Лоик не ожидал. Джованни Монтефиори по прозвищу Кондотьер был жестянщиком, начавшим с нуля и построившим целую империю. О нем ходило множество слухов, в частности о его связях с «мафией в белых воротничках» и Сильвио Берлускони, но Лоик по наивности полагал, что, перешагнув семидесятилетний рубеж, тесть отошел от дел.

Засвистел чайник.

– Что тебе в точности известно?

– Это ужасно... Это...

Она замолчала, потом продолжила более твердым голосом:

– Судя по результатам первого осмотра, ему вскрыли грудь циркулярной пилой. После этого ему... – София снова заколебалась; он никогда не видел, чтобы она боялась слов, – вырвали сердце.

Лоик снова застыл. Он не в первый раз слышал о смерти такого рода. Именно так был убит Филипп Сесе Нсеко в сентябре этого года в Лубумбаши. Несмотря на расстояние, оба убийства были, несомненно, связаны. Тем более что «Heemecht», люксембургской компании Кондотьера, принадлежало восемнадцать процентов акций «Колтано».

Чашки. Дерганые движения. *Держи себя в руках*. Грегуар Морван – следующий в списке? Он сейчас как раз там, в самой пасти волка. От этой мысли Лоик пролил свой чай. Вытер. Налил по новой.

– Что еще тебе известно?

– Ничего. Он уехал на работу на рассвете, как всегда. Его тело нашли около десяти утра

в окрестностях Синьи^[20].

– У него была встреча?

– Ты ж его знал.

У Монтефиори была одна особенность: он едва умел читать и писать и вдобавок был одержим секретностью. Его расписание было известно только ему самому. Ни записных книжек, ни мобильного. Его секретарша была совершенно не в курсе. Если копы захотят восстановить его последний день, мало им не покажется.

– Ты говорила с полицией?

София презрительно пожала плечами, словно отвечая: «Что они могут знать о Монтефиори?» Глядя, как она сидит за мраморной столешницей (точным подобием той, что украшала их кухню на площади Иена), он видел ее такой, как прежде. Их первое золотое время. Бесчисленные кафе Нью-Йорка, Флоренции, Парижа. Исполненные воодушевления ужины, когда Лоик начал восхождение по финансовой лестнице. Крики их первенца. Купленную ими квартиру с видом на Эйфелеву башню и дворец Токио, которая уже напоминала святилище...

Взволнованный, он предложил ей пройти в гостиную.

– У них есть версии? Подозреваемые?

– Я ничего не знаю. Расследование только началось. Будет вскрытие. Я завтра уезжаю во Флоренцию.

– А где дети?

– Дома. Я им пока ничего не сказала.

Он счел своим долгом заговорить о теще:

– А как мать?

– Ноль реакции. Увеличит свою дозу лекарств и отплывет чуть дальше от этого берега на какое-то время, и все.

– А сестры?

– Накинулись на похороны, как гиены, чтобы доказать свои организаторские способности. Они уже нацелились на президентство в империи.

Никаких шансов вспомнить их имена. Не такие красивые, как София, незамужние, они завладели важными постами в компаниях Кондотьера. На их фоне София выглядела пустой и праздной. Принцесса. Ее напрасно недооценивали: куда более блестящая, чем сестрицы, она испытывала природное презрение (унаследованное от матери-аристократки) к труду. Это работа была ее недостойна, а вовсе не наоборот.

Он выпил чай залпом. *Ходзитя* не имел никакого вкуса после пошла с маслом и солью. Он пошел налить себе еще – София не прикоснулась к своей чашке. Зайдя за стойку, взглянул на нее еще раз. Она сидела на диване спиной к нему. Черные гладкие волосы струились, как японские чернила. Сколько раз он тайком восхищался ею...

Он встряхнулся, отгоняя умиление. Только не поддаваться! Она здесь, чтобы заманить его в ловушку. Другого объяснения нет.

– Мне правда очень жаль насчет твоего отца... – сказал он, подходя, – но зачем тебе понадобилось сообщать мне об этом лично? – Он не удержался от небольшой подколки. – Это что-нибудь меняет в нашем разводе? Нужно подписать какие-то бумаги?

– Не будь таким идиотом. Я пришла из-за похорон. Хочу, чтобы ты поехал с нами.

– С нами?

– Со мной и с детьми.

В разгар развода такая просьба не лезла ни в какие ворота.

– Не понимаю... – выдохнул он. – Вот уже несколько лет мы друг друга в ключья рвем, твоя мать и сестры мечтали бы увидеть меня в тюрьме или в психушке. Что до остального твоего семейства, они...

– Ты едешь или нет?

Он отпил маленький глоток.

– Конечно.

Самое малое, что можно сказать: толк от Сальво был. Он явился в полдень; учитывая, что встречу назначили на десять, опоздание было вполне допустимым. И у него имелись оправдания: все утро он висел на телефоне и стучал в разные двери. Официальные бумаги были выправлены, аппарат зафрахтован, последние приготовления шли полным ходом.

На Сальво была уже не желтая майка, а футболка с изображением Стива Джобса, представленного в форме знаменитого портрета Че. Они устроились в лобби и прошли по каждому пункту путешествия. Вылетят они вечером и приземлятся ночью недалеко от Кабве, в пятидесяти километрах от Анкоро.

– А почему не сразу в Анкоро?

– Нельзя.

– Почему?

– Нельзя.

Эрван не стал настаивать. Кстати, отец тоже говорил, что там нет взлетной полосы. Оттуда внедорожник довезет их до Анкоро, где они сядут на одну из барж, ходящих по Луалабе.

– Сколько времени нужно, чтобы добраться до Лонтано?

– Представления не имею.

Видя недоумение Эрвана, чернокожий разразился своим неподражаемым смехом:

– Там ничего нельзя сказать точно. У тебя бабки с собой?

– Нужно заплатить сейчас?

– Половину вперед, братишка.

Эрван был продуктом современного общества: в бумажнике никогда не должно быть больше двухсот евро наличности. А теперь он разгуливал в так называемом поясе контрабандиста, где лежало десять тысяч евро, из которых две трети в долларах. С утра пораньше в центральном банке Лубумбаши он поменял несколько пачек на конголезские франки – для небольших впрыскиваний.

Он отправился в туалет и вернулся с тысячей долларов.

– Ступай еще пописай, братишка. Половина от трех тысяч будет тысяча пятьсот.

– Это только за Анкоро.

Сальво улыбнулся, убрал деньги и повел его в последний обход администрации. Им нигде не пришлось ждать, и все разговоры – что на французском, что на суахили – сводились к минимуму. От Эрвана требовалось только одно: опять лезть за своими банкнотами, что баньямуленге называл «маленькими стимулами». Несколько печатей, подпись – и по коням!

Великое отбытие состоялось около двух часов дня. Эрван ощущал необыкновенную легкость. Он даже впал в мечтательное настроение: поймал себя на том, что думает о Софии. О его «будущей бывшей невестке», с которой пережил краткую идиллию двумя месяцами раньше. Одна ночь любви в стиле блицкрига. Императорское пробуждение в квартире с видом на Эйфелеву башню. Еще одни краткие объятия в больничной палате, когда он был ранен, а дальше – ничего. София тем временем узнала, что ее отец манипулировал ею, чтобы заставить выйти за Лоика, и с тех пор возненавидела оба семейства, включая Эрвана.

Чтобы спасти подобную ситуацию, требовался ювелир, виртуоз, а Эрван в данной области пребывал на стадии девственника. Он принялся представлять себе длинное послание, написанное во время плавания по Луалабе, что будет не лишено определенного шика, но потом отказался от затеи, сказав себе, что София должна оставаться тем, чем была всегда, – недостижимой мадонной.

Сальво съехал с главной дороги (он сидел за рулем «тойоты-лендкрузер», необъяснимо новенькой и сверкающей). Строения стали более редкими, в садах виднелись красные крыши вилл, деревья вдоль дороги были подстрижены. По всей видимости, правительственный квартал.

Африканец свернул на незаасфальтированную тропу, и дорога словно закашляла им в лицо. Ветровое стекло покрылось красными крапинками.

– Куда мы едем?

Сальво не ответил. Вцепившись в руль, он пытался объехать ухабы, утренние лужи и ветки, устилавшие тропу. Они проехали вдоль озера с едкими водами, потом свернули направо. Внезапно перед ними появился, словно всплыл, фантастический дом.

Огромная бетонная коробка на сваях, с открытыми террасами, сквозными лоджиями и наружными лестницами. Можно было подумать, что фасад просто убрали, обнажив внутренность здания. Пресловутая колониальная архитектура – благородные линии, солнцезащитные козырьки, – доведенная до уровня чистой абстракции. Это был не дом, а геометрическая скульптура, нечто среднее между святилищем и летней беседкой.

Тропический климат полностью его разрушил. Высокая трава разъедала поддерживающие сваи, плющ душил стены, корни раскалывали террасы. Под ними застоявшаяся вода, казалось, ждала, чтобы поглотить здание, как простые отбросы.

Сальво припарковался метрах в ста от постройки и заглушил мотор.

– Если я правильно понял, ты интересуешься всем, что касается Лонтано и истории Человека-гвоздя, так?

У Эрвана было время подробно рассказать о предмете своих изысканий.

– Добро пожаловать к де Момперам, – возгласил Желтая Майка, открывая дверцу.

– Это ты про Магду де Момпер?

Март 1970-го, третья жертва Человека-гвоздя: двадцатилетняя студентка, изучавшая геологию. Эрван выбрался из машины и пошел за своим гидом.

– В основном про Филиппа, архитектора из Лонтано. Отца Магды. Это он все там придумал и нарисовал.

– Они живут здесь?

– Только младшая сестра Магды, Филя.

– Сколько ей было во время тех событий?

– Не знаю; думаю, лет десять-двенадцать. Ну, берешь или нет?

– Конечно!

Сальво остановился и перегородил дорогу:

– Тогда пятьсот баксов.

Эрван дал ему двести, даже не заикнувшись о торговле. Он впервые вел расследование по платной дороге и такими темпами в ближайшее время неизбежно разорится.

Из слепящего света снаружи они сразу попали в темноту. Сначала Эрван вообще ничего не видел, потом глаза понемногу привыкли. В огромной комнате женщина, казалось, ждала их, опираясь на метлу: высокая, черная, словно пребывающая в неодолимой апатии. На ее фартуке виднелись кровавые пятна – всего-навсего латерит^[21].

Сальво бросил ей несколько слов на суахили – властным, почти оскорбительным тоном. Служанка невозмутимо и вяло махнула рукой, указывая на двустворчатую дверь у себя за спиной, которая вела наружу. Возникало ощущение, что дом был просто коридором в глубине необъятного растительного царства. Пока они шли через гостиную, Эрван заметил в полутьме подголовники, вытянутые маски, очень низкие кресла. Чисто африканский стиль, но потрепанный и запыленный.

Они оказались в саду. На загроможденной лужайке металлическая крашеная мебель теснилась вокруг внушительного дерева. В глубине – водяные гиацинты и тростник, достигшие чудовищных размеров. Казалось, растения здесь подпитывались каким-то загадочным наркотиком, как допингом.

Ему пришлось взглядеться дважды, прежде чем он различил на качелях рядом со столом и стульями женщину: темные очки, бубу ярко-синего цвета, волосы прикрыты платком. Звезда шестидесятых.

Они подошли ближе. Филадельфия де Момпер не имела возраста, вернее, она уже переступила этот порог. Речь не шла о настоящей смерти: просто она казалась принадлежащей статичному миру мумий и мавзолеев. Младшей сестре Магды не могло быть больше шестидесяти, но выглядела она так, словно над ней пронеслись века. Она тихонько покачивалась под легкое поскрипывание, прямая, как язык колокола. Материя ее бубу – бумазая – добавляла ей еще больше торжественности. Хрустящая и темная, отделанная золотой нитью ткань охватывала ее, как саркофаг.

Эрван представился и, не особенно выбирая слова, объяснил причину своего визита. Человек-гвоздь. Лонтано. Грегуар Морван, его отец...

– Вы очень на него похожи.

Замечание удивило его: во время тех событий Филадельфия была совсем девочкой.

– Вы его помните?

– Он был очень близок нам. Лимонада?

Значит, Старик поддерживал отношения с семьей одной из жертв. Эрван смотрел, как женщина наполняет стаканы, мысленно готовясь к новым сюрпризам. Пили молча. Первое действительно ледяное питье с момента его приезда в Конго.

Наконец он наклонился к Филе – они устроились на садовых стульях, лицом к качелям – и снова заговорил:

– Он приходил к вам в связи с расследованием?

– Сначала да, я так думаю, а потом из дружеских чувств. Он очень любил «Саламандр».

Это название что-то ему смутно напомнило. Он почувствовал, как сквозь дымчатые стекла Филадельфия рассматривает его с огорченным видом: он ничего не знал. Зато она была настроена просветить его:

– Моя старшая сестра, а еще Анн де Вос, Сильви Корнет и Моника Верхувен были из «Саламандр». Такая чисто женская рок-группа. Звезды Лонтано... Каждую субботу они играли в «Лучезарном Городе».

Филадельфия де Момпер сохранила детский тембр голоса. Это действовало тем пронзительней, что сейчас она воскрешала свои воспоминания девочки-подростка.

– А что такое «Лучезарный Город»? – спросил Эрван, доставая блокнот.

– Большой отель в Лонтано. Именно там проходили концерты, балы, банкеты. Отец так назвал его, намекая на строение Ле Корбюзье в Марселе. Он восторгался этим архитектором. И снова его сон. Он был уверен, что видел этот отель в ночном кошмаре.

– Мне не позволяли пойти их послушать, – продолжала Филадельфия, – но я все-таки была на одном или двух концертах. У Мэгги действительно был замечательный голос для блюза.

– У кого? – вздрогнул Эрван.

– У Мэгги де Креф. Солистки группы.

Девичья фамилия его матери. Ему пришлось напомнить себе, что его корни – в Лонтано. *Выясни всю историю с самого начала.*

– Вы помните, когда Грегуар появился в вашей жизни?

– В точности – нет. Мне было двенадцать. Вся моя семья была в трауре...

Эрван помнил все даты: Морван приехал в Катангу в мае семидесятого, через два месяца после убийства Магды.

– Мать хотела уехать, но отец никак не мог решиться: Лонтано был его детищем. Если городу суждено погибнуть, говорил он, тогда он умрет вместе с ним, как капитан корабля. Я только хорошо помню, как жизнь остановилась. Я больше не ходила в школу. Мне вообще запретили выходить из дому. Город был в огне и в крови.

Филадельфия продолжила своим муляжским голосом рассказывать про разруху кровавых лет. Эрван записывал – его мокрые от пота пальцы липли к страницам блокнота. Сальво устроился под зонтом – может, спал...

– Ваш отец... ну, он был согласен с тем, какие действия предпринимались против чернокожих?

Эрван изъяснялся с осторожностью – ведь он не знал, на чьей стороне Филадельфия.

– Он сам руководил операциями. Можно сказать, что по черным он здорово прошелся, это да... В то время все были уверены, что убийца – колдун йомбе. Мой отец и его клика свалили всю вину на иммигрантов из Нижнего Конго. Но они довольно быстро утихомирились...

– Почему?

– Йомбе – охотники. Они организовали ополчение и пошли против белых с сетями и собаками. Обстановка была... наэлектризованной. Жертвы с обеих сторон.

Эрван вернулся к факту, который не вязался с остальными:

– Вы сказали, что Грегуару нравились «Саламандры», но, когда он приехал, группа уже не существовала, ведь так?

– Совсем не так. Это может показаться странным, но Мэгги заявила, что нельзя позволить себя запугать и они должны продолжать играть в память о погибших. Она нашла других музыкантов. А еще создала ассоциацию в защиту черных. Она была необыкновенная.

Он узнал одну из ипостасей матери: дерзкая хиппи, всегда в первых рядах крестового похода. И представлял себе атмосферу того времени: Peace & Love^[22], революция и косячки каждый вечер. Несмотря на царящий террор, «Саламандры» не сдавались.

– Мэгги и другие любили протестовать... хронически, – подтвердила Филадельфия. – Они боролись против собственных корней, против рудников, против всех денег, заработанных за счет африканского народа. Для удовольствия, а главное – провокации ради, они даже спали с африканцами. Что доводило наших родителей до умоисступления... А я ими восхищалась. – Она протянула руку и взяла сигарету «Мальборо». – Вы курите?

– Нет.

– Дайте мне огоньку.

Эрван взял со стола зажигалку. Филадельфия выпустила длинную струю дыма, и ему показалось, что между горящей сигаретой и обжигающим воздухом существует та же тайная связь, какую он ощутил позавчера между пожаром в Сен-Франсуа-де-Саль и жаркой ночной духотой.

– В итоге, – вернулся к разговору Эрван, – Тьерри Фарабо вычислили, и обнаружилось, что он сам из Майомбе. Возможно ли, что он был как-то связан с вашими семьями?

– Нет. Это разные поколения.

– А его родители?

– Ни разу не слышала, чтобы кто-то о них говорил. Мотивы, которыми руководствовался Фарабо, исходили из другого мира.

Филадельфия придерживалась официальной версии: инженер, инициированный фетишистами Центрального Конго, белый нганга^[23], которого свели с ума его собственные верования... бесполезно настаивать.

– Вернемся к Грегуару, – предложил он. – Еще одна деталь, которая не укладывается у меня в голове: если Магда умерла, у него не осталось причин так часто приходить к вам.

– Я же сказала: Грегуар любил «Саламандру». – Она махнула в сторону сада. – Там, в глубине, было бунгало, где девушки продолжали играть. Он сидел на репетициях. Утверждал, что он нас охраняет.

Эрван наконец понял, что двигало Морваном:

– Именно в этот период он сблизился с Мэгги?

Еще одна чисто женская улыбка. Поблекшие губы почти сливались с бледной кожей. Ее лицо словно расплывалось за солнцезащитными очками, как привидение.

– Она была самой красивой... Они сразу друг другу понравились...

Эрван вместе с братом и сестрой вырос в семейном аду. Он был не готов – ну просто-таки совсем не готов – выслушивать историю о какой бы то ни было идиллии между его родителями.

– А вы не знаете, – перебил он, – ваши сестра и остальные... – он заколебался, по привычке осторожничая, – принимали наркотики?

Филадельфия искренне расхохоталась, заметив деликатность полицейского.

– Они были под кайфом с утра до вечера. Это было частью игры.

– Какие наркотики?

– Марихуана, конечно, а еще таблетки и что-то вроде марок, которые они клали на язык...

Амфетамины, кислота: арсенал того времени.

– Вы знаете, где они их брали?

Филадельфия покачала головой. Эрван подчеркнул последние слова, которые записал. В голове

вертелась одна мысль: почему в городе, охваченном ужасом перед серийным убийцей и где шла гражданская война, эти девушки продолжали выходить из дому?

А теперь главный вопрос:

– Вы помните Катрин Фонтана?

– Катрин... ее все терпеть не могли.

Ответ заставил его подскочить. В лучшем случае он ожидал смутного воспоминания. В худшем – вообще никакой реакции. Катрин, француженка и медсестра, не соответствовала профилю «Саламандр».

– Почему?

– Потому что она увела Грегуара у Мэгги.

Вторая сенсация. Грегуар не только знал Кати, но и спал с ней! Отец ни слова про это не сказал – *ничего удивительного...*

– Что вы можете о ней сказать?

– Ничего особенного. Я знаю только то, что другие рассказывали. Она подцепила Грегуара в канун Нового года, в «Лучезарном Городе». «Саламандры» твердили, что она была последней стервой, каких только земля носила...

Фила говорила тонким, писклявым голоском, не переставая глубоко затягиваться. Ни тени эмоций на горизонте: ни чувств, ни сочувствия.

– А о ее убийстве вы что-нибудь помните?

– Ничего. Еще одно имя в списке, и все. Но обычной печали не было... Девушки говорили, что эта потаскуха получила по заслугам и никто о ней не заплачет. И прочее в таком духе.

– Мэгги верховодила в группе?

– Нет. Как ни странно, смерть Кати совершенно ее сразила. Она даже уехала в Кисангани. Она больше и слышать не хотела о Лонтано.

– А Грегуар?

– Его тоже больше не видели. Он день и ночь вел расследование, но безрезультатно. Жертвы множились, а у него не было никаких зацепок. Родители говорили, что ничего у него не выйдет. Все думали, что Человек-гвоздь – это неуловимый демон. Проклятие Лонтано.

Эрван по-прежнему все записывал – дословно то, что говорила Фила, – но больше ничего не анализировал.

– Мартина Дюваль, четвертая жертва, тоже была француженкой. Вы ее знали?

– Да. Она была из той же компании.

– Анн-Мари Ньюеланд?

– Аналогично. Обе сидели на репетициях, они были фанатками.

– Значит, Катрин Фонтана стала первой жертвой, которая не была членом клуба?

– Все решили, что Человек-гвоздь хотел бросить вызов Морвану. Ведь всем было известно, что они вместе.

– А никто не предположил, что действовать мог другой убийца? Воспользоваться серией смертей, чтобы прикрыть собственное преступление?

Фила смотрела на него сквозь дымчатые стекла. Впервые ее брови приподнялись: как можно выдумать такую чушь? Ему тоже стало не по себе: а вдруг он ошибается? Все эти выкладки с подсчетом дней и расписаний сорок лет спустя – достаточно ли их, чтобы подкрепить те закрученные сценарии, которые роились у него в голове?

– А следующие жертвы? – заговорил он, заглушая собственные сомнения. – Вы их

помните?

Она щелчком отбросила окурок, целясь в лужу. Близость озера превращала лужайку в одну сплошную губку.

– Человек-гвоздь расширял свои охотничьи угодья, вот и все. Он метил не только в «Саламандр». После Катрин он напал на мать семейства прямо у нее на вилле. Он воткнул в ее тело десятки гвоздей, а ее ребенок плакал буквально в нескольких метрах.

Эрван читал об этих фактах в отчете о процессе. Нет смысла спрашивать дальше. Ни упоминать о последней жертве: двадцатилетней монахине.

– А его арест?

– Мы праздновали несколько дней и ночей. Город был освобожден. Грегуар стал нашим героем! Если бы он захотел стать мэром Лонтано, его бы избрали в ту же минуту.

– А Мэгги?

– Она так и не вернулась. Грегуар присоединился к ней в Кисангани. Она забеременела и...

Фила замолчала. Крики птиц и шелест травы вдруг стали на порядок громче. Она только что осознала, что ребенок, которого ждала Мэгги, и есть Эрван.

Он поднялся, чтобы предотвратить любые вопросы. Продолжение истории он знал – им было его собственное детство. В голове у него шумело: избыток жары, избыток слов, избыток неожиданной информации. Он больше не способен был воспринимать что бы то ни было.

– Вы не сохранили вырезки из тогдашних газет? – спросил он на всякий случай, чтобы закончить.

– Нет. Это не лучшие воспоминания.

– Я искал следы ваших семей в Лубумбаши, но ничего не нашел. Вы потом покинули Лонтано?

– Это Лонтано нас покинул. В восьмидесятые годы рудники истощились. А еще чуть позже начались грабежи. Солдаты Мобуту, которым давным-давно не платили, решили перейти на самообеспечение – непосредственно из источника. Последние белые сбежали. Некоторые отправились в другие места в Африке, другие вернулись в Бельгию.

– А вы остались.

– Это моя страна. Я здесь училась, здесь делала карьеру.

– В какой области?

– В Катанге только одна область: рудники. Промышленное проектирование, механика горных пород, способы извлечения. Я устроилась в Колвези, потом здесь, у «пожирателей меди»...

И последний вопрос, на дорожку:

– Вы не вышли замуж? У вас нет детей?

– Я бы скорее сдохла. У новых поколений здесь нет будущего.

– Для белых или для черных?

– Ни для кого.

Когда они оказались над Кабве, уже наступила ночь.

Самолет – «Сессна-182», годный разве что в утиль, – выключил габаритные огни. В

кабине было только два кресла – Эрван сидел сзади, прямо на полу. Из машины вытащили все, что можно, – разумеется, чтобы перевозить максимум руды, но сейчас пространство было пустым. Что же вез Сальво? Или все наоборот? Он летел за грузом? С собой он взял только несколько перехваченных паковочными ремнями чемоданов, которые казались картонными.

– Ни у армии, ни у повстанцев из Руанды ракет «земля – воздух» нет, – прокричал Желтая Майка, обернувшись, – но осторожность не помешает! Говорят, тутси получили оружие...

Самолет спикировал в темноту. Это было настолько нереально, что Эрван не испугался. Скорее возникло чувство, что он движется в параллельном измерении. Внезапно в иллюминаторе он различил две световые дорожки, дрожащие в ночи. Это напоминало не посадочную полосу, а остатки цивилизации на пожарище.

На высоте пятидесяти метров «сессна» снова зажгла огни. Против всех ожиданий посадка прошла без проблем. Благодаря скорости ухабы почти не чувствовались, а пилоту удалось более-менее удержаться на прямой. Эрван представления не имел, где они очутились. Единственным его ориентиром были часы: чуть больше восемнадцати.

– Добро пожаловать в Кабве, босс.

Он ни на что не надеялся, и именно это ничто поджидало его снаружи. Различить можно было только консервные банки с горящим бензином, которые размечали зону посадки. Запах горючего, смешанный с идущими от земли испарениями, забивал ноздри. Растворившиеся в темноте чернокожие наблюдали за ними, поблескивая белками глаз.

– Мы... заночуем здесь? – забеспокоился Эрван.

– Нет, в машине, которая повезет нас в Анкоро. Если двинемся прямо сейчас, будем там завтра в середине дня. Вовремя, чтобы перехватить баржи.

– В котором часу?

– Ну ты и спросил, скажи спасибо, если сами баржи там будут! – Сальво перешел на деловой тон. – С тебя тысяча евро, босс.

– За несколько километров?

– Можешь пойти пешком.

Эрван расстегнул пояс.

– А где машина?

– В конце полосы, – ответил чернокожий, пряча деньги. – Не бойся.

«Сессна» уже взлетала. По мере того как удалялся шум мотора, потрескивание и попискивание в ночи, казалось, приблизились. Сальво оставалось только перерезать ему горло и забрать наличность. Инстинктивно Эрван запустил руку в сумку, нащупал свой «глок» и засунул его за пояс на спине.

Они шагали по коридору из сплетенных ветвей. Баньямуленге шел впереди с фонарем, освещавшим путь, и с одним из чемоданов под мышкой, Эрван за ним, а оборванные привидения тащили остальной багаж, замыкая процессию.

Вскоре в луче фонаря появилась заляпанная грязью белая «тойота». Вокруг ни одного дома и ни малейших признаков жизни. Только водитель в шортах, который поджидал их, покуривая сигарету. Истинное чудо, за которое не жаль и тысячи евро.

– Последняя проверка, и трогаемся.

Эрван присел на пень, опасаясь нападения таящегося там паука или змеи, но вместо этого на него навалилась усталость. Он отупел от дневной жары, тряски во время полета,

небытия, которое окружало его сейчас. Все, что у него оставалось к сегодняшнему вечеру, – тающие на глазах сбережения, совершенно неясное будущее и ком страха в животе, грозящий обернуться поносом.

И все же кое-что он заполучил: информацию от Филы де Момпер. Он попытался было систематизировать ее, чтобы построить новую теорию. Нет, слишком рано. А вот звоночек отцу не помешает. Он порылся в сумке и достал «Иридиум». После нескольких безуспешных попыток послышался гудок. Через несколько секунд – соединение.

– Это я, – торжественно сообщил он. – Я недалеко от Кабве.

Падре восхищенно присвистнул, но не задал ни одного вопроса – способ не хуже другого выразить уважение к усилиям сына. Было нечто сюрреалистическое в том, что их голоса неслись через ночь, из одного уголка джунглей в другой.

– Тебе привет от Филы де Момпер, – перешел в наступление Эрван.

Морван не выказал ни малейшего удивления: в глубине души он прекрасно понимал, что именно мог обнаружить сын и с кем он мог говорить.

– Она в порядке?

– Мне она показалась... поизносившейся.

– Африка, дружок! Что она рассказала?

– Она много говорила о «Саламандрах».

– Целая эпоха!

– Почему ты мне ничего не сказал?

– Я говорил, но ты не обратил внимания. И был прав: никакого значения для твоего расследования это не имеет.

– А твоя связь с Катрин Фонтана?

Вздых, похожий на всхрап:

– Не хочется ворошить это, сын. Фарабо убил ее, чтобы показать мне, кто здесь хозяин. – Грегуар неслышно выругался. – Это я, из-за простого романчика, привлек к ней его внимание.

Эрван решил на время разговора допустить виновность Фарабо в этом убийстве.

– Почему ты не рассказал мне все это в первый же раз?

– Чтобы не путать тебя. Такие детали ничего не добавили бы к профилю парижского убийцы.

– Это мне судить.

– Была и другая причина, – добавил Старик чуть тише. – Когда Фарабо убил Кати, я был совершенно раздавлен. Нынешней осенью новый Человек-гвоздь попытался сделать то же самое через Анн Симони. Я молчал из суеверия, чтобы не войти в тот же штопор, который уже проходил...

Несмотря на расстояние и помехи, Эрван различил нотки искренности в голосе отца, – неужели он с самого начала ошибался в нем?

– Расскажи мне о ней.

– Она приехала в Лонгано в конце семидесятого. Я встретил ее в канун Нового года. В «Лучезарном Городе», отеле, который...

– Я уже в курсе.

– Она работала в диспансере, открытом для черных, а в то время это было истинно христианским поступком. Что я еще могу сказать? Наши отношения не успели зайти слишком далеко...

– Достаточно, чтобы ты бросил Мэгги.

– Достаточно, да.

Теперь Эрван различал в рубке отдаленные крики и рыканье – словно эхо тех, что окружали его самого. Бивак Грегуара стоил его собственного.

– «Саламандры» ее терпеть не могли.

– Мэгги была у них заводилой: они встали на ее сторону. Считали, что Кати – вертихвостка, от которой все беды. Чушь! Просто женщина скромного происхождения, тихая и преданная. Ревностная католичка, немного наивная. Прямая противоположность этим папиным дочкам, которые всегда меня бесили...

– А мне, наоборот, говорили, что это ты к ним клеился.

– Я их защищал. Ну пытался... В те времена я совсем не походил на того Морвана, которого ты знаешь. Я сам был кем-то вроде хиппи. Левак с длинными волосами и твердыми убеждениями относительно всего на свете.

Действительно, трудно себе представить. Даже молодым, маоистом и битником, Морван в душе уже был копом, втершимся в доверие пронырой.

– Я выяснил, что все «Саламандры» были дочерьми Белых Строителей.

– Вот новость. Ну и что?

Пришло время высказать новое подозрение.

– Возможно, у Фарабо был другой мотив.

– Что ты несешь?

– Белые Строители были из Нижнего Конго, как и он. Возможно, там он с ними и познакомился.

– Даты не сходятся. Он еще не родился, когда эти семьи обосновались в Лонтано.

– Может, это касается его родителей? Или колдовства?

– Ты просто бредишь. Говнюк выбрал «Саламандр», потому что они были самыми видными девушками в Лонтано. Превращая их в фетиши, он получал больше могущества... вот и все. Ты понапрасну тратишь и мое время, и мои деньги. Знаешь, сколько стоит такой разговор?

Эрван не стал отвлекаться:

– Филадельфия сказала, что они часто баловались наркотой.

– И что?

– Она говорила о кислоте, об ЛСД. Где они его брали?

– Дилеров хватало. Лонтано был современным городом. К чему ты клонишь?

– Может, они рисковали, чтобы купить дозу...

За его спиной хлопнула дверца. Эрван обернулся. Сумки были в багажнике, шофер за рулем, Сальво на пассажирском месте. Не хватало только его самого. Его зазнобило. Может, он уже подхватил какую-нибудь болячку в этом климате, пропитанном влагой, как губка.

– Уверен, что этот след ты отработал.

– Они ходили за наркотой по вечерам, – признал отец после короткого молчания. – На другой берег реки. На самом деле так он их и подловил. Доволен? Ну и что тебе это дает на данном этапе?

– Я думаю...

– Да что тут думать, в конце-то концов? – взорвался Морван. – Я опросил всех торговцев того времени, я следил за всеми передвижениями девушек в черных гетто, я ночами сидел в засаде на пароме – и ничего. Мне так и не удалось застать его врасплох. На сегодняшний день

Фарабо мертв. Второй Человек-гвоздь тоже. Почему ты хочешь переписать историю, мать твою? Чтобы извалить меня в дерьме сорок лет спустя?

Эрван не знал, что ответить. Отец с досадой заключил:

– Не используй спутниковый телефон для подобной хрени. Я тебе его дал на случай нужды, а не чтобы выносить мне мозг каждый вечер.

«Пенасар» – индонезийский ресторан в Восьмом округе, просторный и неярко освещенный. Свечи, скрытая подсветка, предметы из бронзы и меди, отбрасывающие редкие отблески на столы и лица. Вдоль стен куклы *ваянг* за полотняными ширмами, на которых вырисовываются их потрясающе элегантные тени. Для женщин преимущество в том, что светотень весьма снисходительна к морщинам и прочим несовершенствам. Для мужчин – в предвкушении победы: они уже в постели – или почти.

Гаэль выбрала это место из других соображений: столы, далеко отстоящие друг от друга, надежно обеспечивали интимность встречи. Она не желала никаких докучных свидетелей их первого свидания. Как ни странно, ей было вполне комфортно. Кац же, напротив, чувствовал себя не в своей тарелке. Она наслаждалась этим зрелищем – целый год она вынуждена была терпеть его превосходство. Теперь она слегка отыгралась.

– Вы хорошо знаете Индонезию? – неловко спросил он.

Такого рода времяпрепровождение для него было явно непривычным. А какого, собственно, рода? Зачем он ее пригласил? Решил приударить? Проводил новый эксперимент – психоанализ за столом?

Она обмакнула шпажку с курятиной в соус *sate*, откусила и повела плечом:

– Как все: я была на Бали.

Кац улыбнулся и тоже взял шпажку.

– Наверно, у нас с вами разные «все».

– Только не говорите мне, что ваши друзья ездят с палатками в Палава-ле-Фло^[24].

– Вы будете удивлены. Хотя у меня практика в Шестнадцатом округе и довольно состоятельные пациенты, сам я довольно... скромного происхождения.

Ну вот, теперь ей придется выслушать биографию в духе Золя. *Не важно*. Как бы ни прошел вечер, видеть своего психоаналитика в таком положении было истинным наслаждением.

– А ваша жена, дети? Где они сегодня вечером?

– Ну... – Со смущенным видом он рефлекторно промокнул губы салфеткой. – Они дома.

– Ваша жена знает, что вы ужинаете со мной?

– Но... конечно.

– И ни замечаний, ни скандала?

У него вырвался короткий смешок.

– В нашей семье такое не принято.

Она спросила себя, что он имел в виду, но предпочла продолжить викторину:

– Сколько лет вашим детям?

– Старшему, Хуго, одиннадцать. Его брату, Ноа, восемь.

Подошли принять заказ. Гаэль решила за обоих, выбрав множество блюд на двоих.

– Должна вас предупредить, – продолжила она наигранно строго, – этим вечером предметом разговора будете вы.

– Почему?

– Потому что про меня вы уже все знаете.

Она подметила его нервное движение: он все время потирал ладони, словно пытаясь их согреть, отчего возникал звук, похожий на шорох сухих листьев и напоминающий Морвана с его змеиной кожей. *Неприятно, и даже очень.*

– Кац – откуда такая фамилия?

– Она еврейская, если вопрос был об этом.

– Вопрос был *совсем* не об этом!

– Сама фамилия немецкого происхождения, – успокоительно улыбнулся он снова. – Мой отец собирал машины в Восточном Берлине в шестидесятых годах. Потом перешел к «врагу», на французскую фирму, уж не помню названия, прежде чем эмигрировать во Францию.

– Вы родились во Франции?

– Почти: в Эльзасе. И там жил до института.

– Почему вы выбрали эту профессию?

Вопрос вырвался сам собой – она поклялась себе его не задавать: слишком банально. Профессия психоаналитика, как и профессия копа или проститутки, интригует. Как дочь префекта, занимающаяся эскорт-услугами в свободное время, она могла придумать что-то поинтереснее.

– Могу дать простой ответ... Для меня это лучшая профессия в мире.

– И как вы ее для себя определяете?

Он уперся локтями в стол – в отсветах свечей его костистое лицо казалось измученным.

– Я механик. Я чиню и привожу в рабочее состояние мужчин и женщин. Я прочищаю их души и даю положительную энергию. Я поддерживаю любовь против смерти.

– Вы идеалист.

– Думаете, я уже перерос возраст подобных представлений?

– Я не знаю вашего возраста.

– Сорок шесть лет.

Принесли заказ. Первый урожай ответов был чистосердечным и скорее удовлетворительным. Дав пояснения по каждому блюду (она изображала знатока, хотя была здесь всего второй раз), она приступила к дальнейшим расспросам, по-прежнему с долей агрессивности:

– И вас не утомляет целыми днями выслушивать причитания и фантазии?

– А вас послушать, так я просто мусоропровод.

– Отчасти, разве нет?

– Я не слушатель, я только ключ. Мои пациенты разговаривают сами с собой.

– Вы продержались четверть часа.

– Прежде чем что?

– Прежде чем стали вешать мне на уши вашу психодрянь.

Он поднял свой стакан – вернее, чашку: они заказали чай с пряностями.

– Вы несправедливы: допрос ведете вы.

Она повторила его жест и отпила глоток.

– Верно, но вы же меня знаете, да? Когда я не цинична, я враждебна. Когда я ни то и ни другое, я плачу. Лучше скажите мне, зачем вы пригласили меня на ужин?

Еще один вопрос, который ей стоило держать при себе.

– Скажем так: я хочу быть вашим другом.

– Какое разочарование... – жеманно протянула она.

– Вы не правы: это, скорее, доказательство того, что у меня большие надежды.

Она не стала настаивать из страха получить в ответ избитое рассуждение о дружбе, которая выше любви. Предпочла вернуться к прагматическим вопросам – о его буднях, о работе. Но тут ей много не перепало. Он не преподавал в институте, не числился в штате какой-нибудь психиатрической больницы: ничего блистательного или особенного. Он говорил о своем кабинете как о мелкой лавочке.

И однако, она не уставала разглядывать его лицо – во время сеансов голос Каца ассоциировался с пустотой или с трещинами на потолке. Теперь она могла наблюдать существо из плоти и крови, правда в основном из костей.

С некоторым запозданием она заметила, что говорит без умолку, кстати и некстати. Ей казалось, что она выпила, но нет – так действовало возбуждение. Голова у нее кружилась, как молитвенный барабан.

Внезапно психоаналитик жестом попросил ее остановиться. Его глаза были устремлены на тарелку Гаэль: та к ней не прикоснулась. По сути, она тоже проходила тест. Десять лет анорексии, и все, что Кац знал об этой проблеме, она сама ему и рассказала.

– Это не то, что вы думаете, – бросила она, погружая ложку в свой *наси-горенг*^[25]. – Я все говорю и говорю и забываю есть.

– Тогда давайте говорить буду я. Я хочу, чтобы вы поняли: то, что я предлагаю, куда более ценно, чем сексуальная связь.

Она поднесла ложку ко рту – изумительно.

– Так мужчины говорят дурнушкам.

– Гаэль, я вас знаю до глубины. Этот образ отца, который вы ненавидите...

– Это не образ, а реальность. Сволочь, которая...

– Вам присущ только один тип общения с мужчинами – борьба, а в качестве оружия вы используете свое тело. Вы сотворили из этого свой крестовый поход, свой невроз...

– Мне оплатить консультацию?

– Выслушайте меня. Сегодня я предлагаю вам другой тип поддержки, защиты. Я могу помочь вам разрушить ту ассоциацию, которая является основой вашей личности: мужчина-враг. – Он улыбнулся. – Я хотел бы стать, скажем так, первым помилованным...

Она отпила глоток чая – он остыл.

– Мне больше нравилось, когда мы говорили о вас, – напряглась она.

– Мы говорим о нас. Я не должен больше быть для вас ни психиатром, ни мужчиной, как все прочие, то есть сексуальной добычей. Я просто буду вашим другом.

Она почувствовала, как к глазам подступают слезы. Она не понимала намерений Каца, но его доброжелательность была ей отвратительна. Из всех чувств, которые она могла вызывать, худшим была жалость.

– Извините меня.

Она кинулась в туалет, чтобы выплакаться. *Черт, черт и черт...* За кого он себя принимает? Целый год он доводил ее до исступления своим молчанием, а теперь заговорил как священник.

Когда она добралась до зеркала над раковиной, то уже взяла себя в руки. В золотисто-коричневом окружении – все те же балийские мотивы – она оглядела себя: маленькая,

опустошенная, в ярости. *Не ужин, а отстой*, сказала она себе. *Полный провал. И нечего из штанов выпрыгивать*. Она забыла сумочку: поправить макияж не удастся. Немного холодной воды на лоб, похлопаем себя по щекам – и вперед... Поднимаясь по лестнице, она успела передумать. Нужно дать ему еще один шанс. Впервые мужчина протягивал ей руку, а не что-то другое.

Она прошла через зал, как если бы выходила на сцену, разглаживая ладонями свое маленькое черное платье. И застыла в нескольких метрах от стола, ошеломленная. Скрытый в тени, Эрик Кац незаметно под столом шарил в ее сумочке.

Пока она собиралась с духом, чтобы снова двинуться вперед, он заметил ее и заулыбался. Сумочка вернулась на место, на свободный стул. Она могла бы подумать, что ей примерещилось, но нет. Что он искал? Какова была настоящая цель этого ужина?

К моменту, когда она снова устроилась за столом, к ней вернулось ее обычное мировосприятие – то есть ярость и презрение. Она по-прежнему улыбалась, и даже еще простодушнее: эта роль давалась ей лучше всего. Кац разговаривал с ней, и она отвечала – с юмором и живостью. Действовала она на автопилоте: ничто из того, что происходило за столом, ее больше не интересовало.

Заледенев до костей, Гаэль приняла решение: она заставит его дойти до конца в своих желаниях и вырвет его тайну.

Этот человек что-то искал – и она узнает, что именно.

«Turned a Whiter Shade of Pale...»^[26]

Лонтано, 1970 год. В парадном зале «Лучезарного Города» эхом отдавались аккорды «Procol Harum», в то время как снаружи в тишине сочился слезами лес.

Морван помнил и гармоничное продолжение отрывка (знаменитый «Канон» Пахельбеля^[27]), и шероховатый тембр органа Хаммонда^[28]. Голос любви – но и голос смерти. На танцевальной площадке в такт передвигались пары, но каждый пребывал в одиночестве, унесенный этим дыханием церкви, пульсирующим в ритме зеркального шара.

Мэгги, в мини-шортах, шептала ему на ухо, что даже в такую жару она вынуждена надевать колготки из-за комаров, а эти твари умудряются пробраться даже сквозь них... ее раскаленный смех, хриплый голос. Он чуть отстранялся, чтобы полюбоваться на ее веснушки, напоминавшие витаминный порошок, который давали ему в сиротском приюте, – одно из немногих приятных воспоминаний его детства.

А теперь этот порошок рядом, прямо у его губ. Его витамин навсегда...

За шепотом Мэгги он различал слова песни: женщина с призрачным лицом, улетающий потолок, мельник, рассказывающий свою историю, и человек, витающий среди игральных карт... Слова нанизывались, и Морван думал о собственной судьбе: в некотором смысле песня рассказывала о его жизни – жизни человека, которого преследовала бледная женщина, одно из тех созданий, что населяют поэзию Верлена. Что предсказывала ему музыка? Что ему никогда не уйти от проклятия и бледная женщина всегда отыщет его.

И действительно, в тот вечер она появилась на пороге танцевального зала. Ее силуэт выделялся на фоне яркого света. Она стояла спиной к неоновым огням вестибюля, у края танцевальной дорожки. Морван перестал дышать. Настоящее застыло. Смех Мэгги больше не

существовал, унесенный в небытие уже несущественного прошлого.

Его единственное настоящее стояло там, в нескольких метрах.

Мэгги проследила за взглядом Морвана и тоже увидела вновь прибывшую. У нее вдруг сделался удивленный и растерянный взгляд – взгляд уже проигравшей. Нападение состоялось, пусть и без ее ведома, давным-давно или секунду назад, но битва завершилась, пока орган продолжал наигрывать свой реквием «A Whiter Shade of Pale».

Морван выпустил Мэгги и повернулся к вошедшей. Маленькая и на удивление худая девушка. Ромбовидное лицо, четко очерченные челюсти, смыкающиеся вокруг полных губ. Мягкость обволакивала это лепное лицо, как лицо камеи. В Лонтано у большинства были длинные прямые волосы – Кати Фонтана носила короткую стрижку. Все «Саламандры» были рыжими или блондинками – у нее были темные волосы.

– Ты ее знаешь? – спросила Мэгги, стараясь оставаться веселой.

Морван с трудом сглотнул и оставил ее, пробормотав:

– Всю жизнь...

Полог палатки внезапно откинулся.

– Босс, тебе лучше подойти.

Морван приподнялся на матрасе – он закрылся в своей палатке, чтобы никто не мешал сражаться с демонами, разбуженными его сыном.

– Что случилось?

– Иди.

Он обнаружил испуганных солдат и носильщиков, сгрудившихся вокруг костра.

– Они слышали шум, дядюшка.

– Какого рода?

– Ну, шум.

Морван прислушался. Ничего особенного. Вряд ли это животное – война распугала всех крупных хищников. Скорее уж парни из милиции. «Говнюки тебя поджидают...» – шутил Жако. Теперь, после того как Морван пристрелил мальчишку, всем была понятна его позиция.

– Что делать, босс?

– Спать идти. Сегодня ночью они ничего не сделают.

– Ты уверен, босс? Ведь...

– Спи. Завтра посмотрим.

Сноп исчез. Учитывая район, Морван склонялся скорее к мау-мау, традиционным воякам в Конго. А нет никого суеверней этих ублюдков. Они в жизни не решатся на ночное нападение – ночь была царством духов.

Он не стал сразу возвращаться в свою палатку-купол; долгие минуты он впитывал темноту, ловя ее пронзительное дыхание. Он уже забыл об опасности – жалкой лепте, которую приходится платить тем, кто хочет действительно проникнуть в плоть Африки. Нет, он снова думал о единственной угрозе, которая внушала ему страх: о том, что мог обнаружить его сын Эрван. Доберется ли он до «Лучезарного Города» и кошмара, который начался в ту давнюю ночь?

На исходе двух часов пути они потеряли колесо. Искали его, нашли, прикрутили и уже после полуночи тронулись дальше. Позже ствол дерева задержал их еще на час, потом внедорожник завяз. Эрван помог подводить под колеса металлические щиты, пока ливень барабанил по их спинам. Оставшееся время он пытался уснуть на заднем сиденье – безрезультатно: слишком много ухабов, толчков и пота. В конце концов, лучше уж оставаться с открытыми глазами, чтобы ничего не пропустить из этого фантазмагорического путешествия.

А сейчас вставало солнце, свежий ветер гулял по кабине, и Сальво только что объявил ему, что они проехали едва ли половину расстояния.

– Остановимся в Муюмбе, чтобы заправиться! – объявил он.

– Разве мы не собирались заправиться в Анкоро?

– Лишняя предосторожность не помешает.

Эрван уловил смысл сообщения:

– Сколько еще часов до Анкоро?

– Минимум день.

Ага, вот оно. То самое болото, о котором так часто говорил отец. Ни времени, ни дороги, ни ориентиров. События принимаешь по мере их поступления, а главное – правильно понимать смысл передвижений: это Африка по тебе катит, а не ты по ней.

– А баржи?

Сальво беспечно махнул рукой, давая понять, что, в сущности, с равными шансами баржи могут оказаться там как сегодня, так и завтра.

Эрван открыл окошко и залюбовался пейзажем в утреннем свете. Бесконечная равнина, долины, залитые солнечной взвесью, деревья, верхушки которых терялись в тумане... Каждая деталь, казалось, восходила к незапамятным временам. Зелень рисовых полей, алый цвет плавки, желтизна тычинок; эти цвета зародились здесь.

Он подумал о людях, которые покорили – и эксплуатировали – эту землю. Подумал об итальянцах, которые воткнули в землю указатель с надписью «далеко»^[29], и о бельгийцах, последовавших за ними и открывших богатства недр.

– Ты знаешь историю Белых Строителей?

– Босс, – бросил Сальво, словно говорил о чем-то очевидном, – я окончил факультет психологии.

Эрван не видел связи, но ждал продолжения.

– Все началось с Леопольда, короля Бельгии, – зычно пояснил тот. – Он послал своих парней, крутых парней, чтобы эксплуатировать африканские земли, добывать слоновую кость, рубить деревья, строить первые железные дороги и, конечно же, обуздать чернокожих... Вначале бедные белые жили как животные. У них не было ни домов, дядюшка, ни чего пожрать, да вообще ничего. Пришлось им обкуривать термитники, чтобы выжить оттуда козьяков и поселиться на их месте.

Из-за дорожной тряски, рычания мотора и зубодробительного акцента Сальво Эрван решил, что явно недопонял.

– Они жили под землей?

Сальво весело хлопнул в ладоши – одновременно он не прекращал пинать и шлепать водителя, чтобы не дать тому заснуть – а иногда чтобы разбудить.

– Босс, соборы-термитники – это такие конструкции высотой в несколько метров, под открытым небом! И разбить их невозможно. Когда строят дороги, приходится их огибать –

такие они крепкие. А белые в них жили и рыли скалы голыми руками, чтобы добыть руду...

У Эрвана были серьезные сомнения в правдивости этих фактов.

– А семьи Лонтано и есть те самые первопроходцы?

– Они-то и построили железную дорогу в Нижнем Конго! Они бросали тела мертвых рабочих в чаны, где плавилась рельсы, а еще убивали колдунов, которые не хотели, чтобы там шла дорога...

Опять легенды, но Эрван хорошо представлял себе тех белых в погоне за богатством и властью. Дикарями были они. Кровь его матери. Его собственная кровь. Они ни разу не встречались ни с кем из семьи Мэгги. Морван утверждал, что все они умерли в Африке. А на самом деле?

– После войны четырнадцатого года, – продолжал Сальво, – Европу отстроили благодаря Конго, его олову, цинку, меди...

Отец Альбер рассказывал, что Белые Строители обосновались в Катанге в шестидесятых годах.

– А ты знаешь, почему эти семьи переехали сюда? У них что, дела не заладились на западе?

– Чего-то тама случилось, – ответил Сальво загробным голосом. – Их выгнали из Майомбе. Колдовские дела... В Майомбе колдун силен, очень силен. Прррравда силен! Тех белых пррррокляли!

Эти слухи, конечно же, играли роль символа: произошло какое-то событие, преступление или политическая ошибка, переиначенные африканскими дебрями и суевериями. Короче, те семьи были изгнаны с западного побережья.

– В Катанге никто их не хотел, – вел свою историю баньямуленге. – Бельгийцы, которые там уже жили, имели свой кусок пирога в Колвези и делиться не собирались. Вот Строителям и пришлось двинуться на север, на совсем дикие земли. И жить в термитниках, шеп, и копать красную землю своими белыми руками... В Конго пришла независимость, и все передрались. А они копали, всё копали и копали... Под пальцами у них был кобальт, марганец, золото! И тогда Мобуту пришлось их слушать... Может, они и стали париями, но в своем деле они были лучшими.

Эрван подумал о Человеке-гвозде, ребенке, забытом в Нижнем Конго. В сущности, не так уж много лет разделяло его рождение и миграцию проклятых королей...

– Босс, мы подъезжаем к Муюмбе.

Сквозь заляпанное грязью ветровое стекло Эрван разглядел веревку, натянутую между двумя бочками с мазутом, и двух неряшливых солдат, охранявших ее. На краю дороги под зонтиками рядом с ящиками или лоханями сидели женщины.

Сальво обернулся и протянул руку. Ночью они уже проехали множество заграждений такого типа. Всякий раз предъявить разрешения, а главное – несколько банкнот. Эрван расстегнул пояс и дал ему пачку.

– Сам не подходи. Я разберусь. – Желтая Майка быстро перекрестился и поцеловал свою Библию. – Господь хранитель наш.

По мере продвижения к северу Сальво все больше нервничал. Он остановил внедорожник в сотне метров от пропускного пункта. Пока он шел к солдатам с папкой под мышкой на манер страхового агента, Эрван решил воспользоваться случаем размять ноги.

Когда сходишь с корабля, тело продолжает чувствовать качку. А его ноги продолжали

ощущать ухабы, рытвины и лужи. Неверным шагом он двинулся к зонтикам – его мучил дикий голод.

Если он собирался позавтракать, придется заехать в другой раз. Здесь продавали бензин в бутылках по семьсот пятьдесят граммов, душевые шапочки, украденные в каком-то отеле, гусениц в лоханях. Другие предметы имели еще более загадочную природу: непонятные тюбики, бурые жидкости в пластиковых прозрачных мешках, маленькие грязные канистры...

Сальво возник у него за спиной с широкой улыбкой на лице: досмотр завершился благополучно.

– Ты приболел, босс?

– С чего ты взял?

– С того, что это аптека.

Эрван еще раз обозрел бесформенные изгвазданные сосуды:

– Это лекарства?

– Зубная паста – это для геморроя. Глина – для кариеса, – принялся объяснять чернокожий докторским тоном. – Для ожогов часто используют яйца гусениц. Надо же как-то лечиться!

– А это? – спросил француз, указывая на маленькие квадратики, завернутые в фольгу.

– Косметика.

– Какая?

– Бульонные кубики. Женщины используют их как суппозитории, чтобы ягодицы были толще!

Муюмба оказалась занесенной песком деревней между холмами. Все там было красным: латерит, кирпич-сырец, ржавые кровли. Эрван подумал о хирургах, носящих зеленые халаты; чтобы дать отдохнуть глазам, измученным видом крови, – жителям Муюмбы тоже стоило бы одеваться в зеленое.

Водитель съехал с главной дороги и начал плутать по улочкам, больше похожим на лабиринт. Все казалось построенным наспех и ненадолго. Вот откроют месторождение где-нибудь еще, и все отсюда сбегут.

– Солдаты на пропускном пункте, – спросил Эрван, – это регулярная армия?

– Более или менее.

– Как это – более или менее?

– На них армейская форма, но это ничего не значит. Каждая группировка сражается сама за себя. Они захватили кусок земли и используют его: рудники, урожай... Кабила далеко, а жить надо.

Они по-прежнему двигались в красном лабиринте стен. Эрван не понимал, зачем им понадобилось лезть в это гетто.

– Куда мы сейчас едем?

– Вопрос в другом: у тебя еще деньги остались?

– Ты начинаешь действовать мне на нервы, Сальво. Я больше не буду раскошелиться, чтобы переехать через кусок веревки.

– А чтобы встретиться со свидетелем?

Эрван не успел ответить. Сальво повернулся и пристроил локоть между двумя сиденьями.

– У меня есть тетья, которая долгое время жила в Лонтано. Она работала на богатую семью, уж не помню, на которую именно. Сейчас она живет в Муюмбе. Вот я и сказал себе: можно к ней заехать...

Эрван расстегнул пояс – еще будет время перейти к другим способам, вроде физической угрозы или пистолета. Сальво убрал в карман сто долларов и дал шоферу новые указания.

Еще несколько лихих поворотов, и они оказались в глинобитном дворике. Единая постройка в форме буквы «П» замыкала пространство. На крыше бак для дождевой воды. Песок, казалось, лижет стены и заполняет углы. Сидящие на земле закутанные в покрывала женщины застыли в неподвижности самой смерти.

Баньямуленге направился к порогу, отгороженному занавеской. Жара накапливалась в патио, как в глубине духовки. Надпись, сделанная кисточкой на картонке, гласила: ЦЕНТР ПОМОЩИ ЖЕНЩИНАМ.

Сальво обернулся, внезапно сделавшись очень серьезным:

– Моя тетья, босс, ее зовут Муна. Ее здесь очень уважают. Она помогает изнасилованным женщинам, которые пришли с севера. Так что будь повежливей, ладно?

– Ну конечно, я...

– Эти женщины, они облучены, понимаешь?

Сальво почти шептал, в то время как вокруг них завывал ветер, вздымая алые волны.

– Облучены чем?

– Стыдом, страданием, грязью... – Африканец схватил его за руку. – Изнасилование – это такая наша атомная бомба, сечешь? Его жертвы заражены навсегда, они мало-помалу умирают...

Эрван высвободился:

– Я буду хорошо себя вести.

За занавеской оказалось темно. В первой комнате – никакой мебели, только ковры. Женщины в таких же тюрбанах, как и те, что снаружи, сидели совершенно неподвижно. Эрван прошел вперед. Редкие окошки были закрыты картонками. Керосиновые лампы и свечи размечали пространство, бросая на глиняные стены розовый свет.

Это уже была не черная Африка, а красная – Африка пустынь и ислама. Несмотря на полутьму, ни намек на прохладу. Сама мысль о температуре ниже сорока градусов казалась утопией.

Сальво обратился к призракам на неведомом диалекте. Одна из женщин кивнула и встала. Маленькая, согнутая, она доходила ему до пояса. Женщина двинулась внутрь дома, и мужчины пошли следом, не говоря ни слова.

Они миновали множество закутков, разделенных занавесками, тряпками, простынями. За этими кольшущимися перегородками Эрван различал множество силуэтов, подростков, девочек, вялых или занимающихся домашними делами – медленно и осторожно. Иногда слышался крик младенца. Наверняка плод сексуального насилия – или же непосредственно его жертва. Некоторые выздоравливающие хромали или передвигались с трудом. Эрван во

время своих расследований в Париже получал отчеты о сотнях тысяч изнасилований, совершенных в стране, – говорили об одном изнасиловании в минуту. Он знал, почему эти женщины искалечены, но отказывался вспоминать детали, о которых читал.

В самой дальней комнате десяток привидений расположились вокруг жаровни, на которой готовился чай. Тень наклонилась и заговорила с сидящей старой женщиной.

– Мама Муна, – пробормотал Сальво.

Остальные раздвинулись, освобождая им место. Одета в алую накидку с золотыми узорами, хозяйка дома странным образом наклоняла голову набок, и волосы ее не были курчавыми: пепельная шевелюра шла волнами под темным платком, ниспадающим на плечи. При свете огня ее лицо казалось вырезанным из очень твердого черного дерева. Две глубокие морщины выписывали зигзаг на ее скулах, сходясь к губам.

Взаимные представления. Сальво говорил по-французски, Муна улыбалась расслабленно, почти отсутствующе. Ее полуприкрытые глаза смотрели в пустоту, как у слепой.

– Она согласна говорить с тобой, – подвел итог баньямуленге, вручая Эрвану чашку чая. – Я правильно помнил: она работала у Белых Строителей.

– Остальные говорят по-французски?

– Нет.

Тем лучше. Нам публика ни к чему. Эрван сделал глоток – ему никогда еще не доводилось пробовать питье столь горькое и сладкое одновременно, – потом, испытывая неловкость, объяснил свое появление: его история сорокалетней давности немного стоила в присутствии сегодняшних жертв. Старуха по-прежнему вглядывалась в загадочную точку, голова ее свесилась, как у сломанной куклы. Вступительная речь Эрвана, казалось, ее позабавила – хоть какое-то отличие от журналистов и представителей неправительственных организаций.

– Я работала у Верхуенов, – ответила она наконец на практически чистом французском. – Важная была семья в Лонтано. Отец руководил Рудничным союзом, он был хозяином города.

– Что вы у них делали?

– Убирала, конечно. Но и кое-что вдобавок... За обедами проследить, домашние задания с детьми...

– А откуда... Ну, я хочу сказать, у вас прекрасный французский.

В ее смехе проскользнуло легкое кокетство.

– Я одна из развитых девушек.

– Что это значит?

– Бельгийская придумка. Недостающее звено между обезьяной, то есть африканцем, и цивилизованным существом, то есть белым. «Развитой» означало *мунделе-ндомбе*: белый с черной кожей. Мы умели читать и писать по-французски, ели вилок, спали на простынях. Это давало нам право покупать красное вино! Мобуту все это изничтожил. Нельзя подражать мзунгу... [30]

Он спросил об убийствах.

– Сначала де Вос, потом маленькая Корнет, а потом еще Магда де Момпер и Мартина Дюваль. Когда убили Монику... Верхуен как с ума сошел. Все время повторял: «Надо всех их поджарить!»

– А вы? Вас он к ним не причислял?

– Нет. Мзунгу всегда защищает тех, кто работает у него в доме. Как если бы мы больше не были черными...

– Эти семьи приехали из Нижнего Конго, как и убийца.

Она кивнула с долей уважения: Эрван выучил свой урок.

– Они узнали колдовство йомбе. Проклятие последовало за ними до самой Катанги. Человека-гвоздя послали духи!

Эрван бросил взгляд на Сальво, который не пропустил ни слова. У того было лицо как у ребенка, которому перед сном рассказывают волшебные сказки.

– Вы хотите сказать, что Белые Строители верили в духов?

– Они столько лет провели в Майомбе: как по-другому выжить?

Эрван отложил эту информацию в уголке мозга.

– Рассказывают, они совершили какую-то ошибку, вы знаете, какую именно?

– О таких вещах не говорят.

– Серия убийств была наказанием?

– Если так, то несправедливым: их дочери были невинны.

Хороший предлог вернуться к «Саламандрам». Муна повторила ему то, что он уже знал, а потом предложила то, чего он не ожидал: изображения жертв.

– Я была помешана на фотографии.

Бросила в темноту какое-то приказание. На несколько секунд воцарилась тишина. Эрван выпил новую порцию поданного ему чая – еще более горького и такого же сладкого.

Принесли снимки.

– «Саламандры!» – объявила Муна с забавной гордостью.

Это была групповая фотография – не только сами музыканты, но и десяток молодых женщин, поразительно друг на друга похожих. Блондинки или рыжие, все худенькие, иногда просто изможденные; на них были африканские туники, яркие блузы, мини-юбки и куча этнических украшений.

Муна выбрала еще несколько отпечатков и показала французу крупным планом Анн де Вос, Сильви Корнет, Магду де Момпер, Монику Верхувен... Все они были бледненькие и сухие, усыпанные веснушками. Их черты были тонкими, но иногда почти суровыми. Кости проступали под веленовой кожей.

– Их сходство просто... невероятно!

Муна засмеялась, прикрывая губы краем платка:

– Потому что они сестры.

– Что?

– Ну почти... Белые Строители категорически не желали смешиваться с местным населением и даже с другими европейцами, если те не были с ними в родстве. Клан оставался единокровным на протяжении многих поколений. Они женились на кузинах, иногда даже на родных сестрах, и всегда ходили слухи об инцесте...

Эрван смотрел на фотографии и представлял себе тех, кого на них не было: властных отцов, ревниво оберегающих свою истощенную кровь, анемичных, ушедших в себя матерей – выдохшихся цариц-несушек. На свой лад колонны повторили историю проклятых родов Древнего Египта или античного Рима, которые угасли в безумии или захирели от генетических болезней из-за эндогамии^[31].

Вдруг он заметил фотографию, которая подействовала на него как удар в сердце: пара, стоящая на фоне заходящего солнца. Высокий мускулистый мужчина с прической афро в

виде шара, как у «Пяти Джексон»^[32]. Грегуар Морван в расцвете молодости. На этом снимке он скорее походил на «окаянного детектива» Ан-Го^[33] в фешенебельном «Клуб Меде», чем на полицейского, идущего по следу серийного убийцы. Но настоящий шок вызвал у него второй персонаж: стройная молодая женщина, чья красота струилась, как светлый песок в руках ее мужчины. Мэгги. В ней одной сошлась вся красота и бледность остальных. «Она была самой красивой...» – сказала Филя.

– Вы помните Мэгги де Креф? – спросил Эрван севшим голосом.

– Она была главной в группе. Они часто приходили к нам в дом на свои «sit-in»^[34], как они говорили. – Она засмеялась, вспоминая эти ребячества. – Я готовила им *микате*, банановые оладьи...

Как и Филя де Момпер, Муна внезапно осознала очевидность:

– Вы сказали, вас зовут Морван?

– Да. Как Грегуара Морвана, моего отца.

Впервые блаженная улыбка исчезла с лица старухи. Ее глаза засветились ярче на кварцевом лице.

– Грегуар Морван... Герой Лонтано. Вы очень на него похожи.

Никакого желания еще раз выслушивать хвалебную песнь Старику.

– А Катрин Фонтана... это имя вам о чем-нибудь говорит?

– Нет. Кто это?

Меняем курс.

– Кажется, все девушки принимали наркотики?

– Мода была такая. Они закупались на другом берегу реки, у черных. Сен-Поль, Лагуна, Джамбо, Созо... Я говорила им... я их предупреждала...

– Как они туда добирались?

– На велосипеде, а потом на пароме. Их всегда находили на другом берегу. И рисунок рядом.

Эрван вздрогнул:

– Какой рисунок?

Муна подняла голову и поискала взглядом Сальво. Эрван последовал ее примеру и заметил, что тот исчез. Пора уезжать.

Он наклонился к старухе. Исходящий от нее запах был смесью пряностей и ладана.

– Убийца рисовал схему на земле, – выдохнула она. – Как те, которые описывают состав минералов.

Во время процесса об этом ни разу не упоминали.

– Вы хотите сказать, схему атомной структуры?

– Думаю, да... Я-то в этом ничего не понимаю. Иногда ее смывало дождем, но очень часто, я знаю, ее находили. Полицейские ее фотографировали.

Где были снимки? У него начиналась мигрень, как если бы витающая здесь пыль оседала у него в мозгу. Запахи, платки, белки глаз... Он здесь из-за Катрин Фонтана – особого убийства, а ему выкладывают новые следы в деле Человека-гвоздя.

– О каком именно минерале шла речь?

– Оставьте меня... Я устала...

Он схватил ее за запястье, остальные вскочили, шокированные таким проявлением жестокости. «Они облучены», – сказал Сальво.

– Какой минерал? – спросил Эрван, отпуская ее руку.

– Геологи изучали схему... И так ничего и не нашли...

Шаги у него за спиной, и вернулся Сальво:

– Пора ехать. Нам еще далеко.

Эрван с трудом поднялся. У него было ощущение, что его мозг поджаривают на алеющей жаровне.

– Можно, я оставлю себе несколько фото?

Джованни Монтефиори убит.

И он об этом узнает только сейчас. Почти через двадцать четыре часа после случившегося. *Проклятый бардак*. Мэгги удалось до него дозвониться только на заре. Обстоятельства смерти не нуждались в комментариях: грудная клетка вскрыта, сердце вырвано. Как у Нсеко. И как у него самого в скором времени...

Как он мог проявить такую неосмотрительность? На протяжении двух месяцев он отказывался заниматься смертью своего директора в Лубумбаши, занеся это убийство в объемистую папку «негритянских штучек». Сведение счетов, племенное соперничество, предательство, коррупция, ритуальное жертвоприношение, любовные страсти – почему бы и нет, он в Конго и не такого навиделся... Но он категорически не желал видеть ни малейшей связи с «Колтано».

И эта связь была установлена самым жестоким образом – при помощи циркулярной пилы.

Девять часов. Из-за этой свалившейся ему на голову угрозы Морван почти забыл про другую, куда более близкую: мау-мау. Ублюдки скоро появятся. В зависимости от накала ситуации придется прибегнуть к дипломатии или же организовать форменное сражение.

Он оглядел расстилающуюся перед ним равнину. Обзор в сто восемьдесят градусов. Отраженный свет скрывал горизонт, плоскогорья растворялись в раскаленном воздухе. Никого. Он поглубже надвинул шляпу – модель «морские котики», специально для африканских равнин – и снова погрузился в свои мысли.

Эти две смерти, одна в Лубумбаши, другая во Флоренции, отметили гипотезу местных разборок и вели непосредственно к финансовому заговору. Мотив не вызывал никаких сомнений: захват власти в «Колтано». А ведь сама компания не представляла особого интереса. Только если кто-то пронюхал про новые месторождения...

Значит, ему сели на хвост. И как только он доберется до места назначения, ему вспорют брюхо, как остальным. Он выругался про себя и ускорил шаги. Это золотое дно не для чужаков. Никто не посмеет ущемить его детей. Рикошетом мысли вернулись к родному клану, оставленному в Париже без защиты. Нападут ли черномазые на его близких, чтобы вывернуть ему руки? Не сейчас...

Морван встряхнулся. Он и минуты не потратил на грусть. Они с Монтефиори не были друзьями в общепринятом смысле. Компаньонами, партнерами, иногда даже соперниками. Но место привязанности занимало уважение, а взаимные опасения взывали к сдержанности. Сорок лет в одной связке – это немало значит. Ему будет недоставать их *pasta con le sarde*^[35] во Флоренции. Кому теперь высказать, что у него на сердце? С кем помолчать в полном согласии? Зачем тратить слюну, когда оба прожили жизнь негодяев...

Новый туннель в зарослях, идеальный для засады. *Дурное предчувствие*. Он был далеко от своих земель (официальные рудники «Колтано» располагались на юге, между Колвези и Фунгуруме), он не знал местных шишек. Его единственным козырем было то, что он белый: любой чернокожий знает, что трогать мзунгу опасно. Лучший способ привлечь международный интерес. А когда ведешь войну, желательно, чтобы тебя оставили в покое.

Они углубились в просеку. Здесь витал тот же сладковатый запах сырого мяса, что и на месте преступления. В переплетении листы душок разложения убаюкивал чувства. Те же чары, та же наркотическая власть...

Он бросил взгляд назад: все шли за ним. Мишель прохаживался вдоль цепочки, раздавая приказы и удары хлыста. Солдаты с разряженными винтовками замыкали вереницу. Может, пора раздать им боеприпасы? Даже со своего места во главе Морван чувствовал их нервозность и беспокойство – чернокожие ненавидели лес.

Когда он повернулся, мау-мау стояли перед ним.

Бойцы разоружили их отряд без единого выстрела. Они тоже не горели желанием обнаружить свое присутствие. В этих местах бродили разные группы. Морван не шелохнулся – они не заметили ствол, засунутый сзади за пояс, но и речи не могло быть, чтобы им воспользоваться. Не говоря ни слова, мау-мау сделали знак следовать за ними и привели на лужайку, окруженную лианами и папоротниками. Четыре бойца окружали их, двое держали под прицелом сзади. От этих парней несло смертью. Несмотря на их верования, они были готовы умереть в любой момент. Один день существования – уже неплохой выигрыш.

Мау-мау в красном берете и с черепом обезьяны, повешенным на шею, подошел к нему – белый был, естественно, начальником.

– Нормалек, босс?

– Нормалек.

– И куда собрались?

– На мои земли.

Гигант расхохотался. Остальные и бровью не повели: они не знали французского. Морвану хватило нескольких секунд, чтобы разглядеть их. Большинство носило патронташи на манер мексиканских бандитов, у некоторых мачете был скотчем прикреплен к магазину винтовки. У мальчишки лента с патронами служила головной повязкой, у колосса на концах дредов болтались раковины каури. И все увешаны фетишами: куриные лапки, бубенчики, перья... Если приглядеться, то увидишь человеческие уши или высушенные руки, прикрепленные к поясам. Ничего общего в одежде, ни намек на форму. Единственное, что объединяло, – уставной «калашников».

Мау-мау были не просто опасны – они были безумны. Морван видел, как они окунали физиономии в известковый раствор, вопя, чтобы обеспечить себе защиту: *Мау мулеле! Мау мулеле!* Эти заклятия призваны были сделать их непобедимыми или невидимыми – день на день не приходился. В шестидесятых годах рассказывали, что они отрезали врагам ступни, а потом заставляли тех бежать: победителю сохраняли жизнь. Безумцы.

– Твои земли? – повторил чернокожий. – Ну и ну, курочка моя. Неслабо...

– Хочешь посмотреть бумаги? У меня концессия за подписью Кабилы.

– Здесь нет Кабилы. И бумаг тоже. Здесь только это.

Он передернул затвор своего АК-47 – Морван заметил, что на прикладе было выгравировано латинское выражение *Vae victus* («Горе побежденным»). Африканцы никогда не перестанут его удивлять.

– И зачем ты сюда явился?

– Хочу обосноваться.

У одного из бойцов на плече сидела обезьянка – комок меха, обряженный в футболку и с ножом на поясе, изображающим мачете. Талисман группы.

– Посреди леса, в такие-то времена?

– Я видал и похуже.

Гигант придвинулся ближе: он понял, что перед ним не представитель ООН и не заблудившийся журналист. И уж тем более не миссионер и не мученик из какой-нибудь неправительственной организации.

– Сначала посмотрим, что у тебя за груз, – заговорил он, указывая на вьюки и ящики, которые носильщики опустили на землю.

– Будь как дома.

– Я и есть дома.

Даже если допустить, что их оставят в живых, мау-мау заберут оружие и все остальное. Морвану останется только вернуться в Лубумбаши несолоно хлебавши. Но маловероятно, что хоть кто-то выживет. Пленников убивали: так и чище, и быстрее. Прирежут или придушат, но без шума.

Обыск начался. Морван в поисках выхода подмечал каждую деталь происходящего. Главарь и его заместитель склонились над коробками, трое других играли со своей макакой, не обращая особого внимания на все остальное, еще двое застыли у другого конца цепочки, держа на прицеле караван. Его носильщики и солдаты сошли с тропы, но по-прежнему держась в затылок друг другу. Разумеется, они рассчитывали ускользнуть в момент, когда начнется бойня, – одному или двоим наверняка удастся увернуться от пуль.

Морван спокойным шагом двинулся к троице и оглядел обезьяну в футболке. Заметив приближающегося белого, животное начало выделывать коленца. Бойцы хором захохотали. Трудно вообразить, что эти дебилы, заливающиеся детским смехом, те же, кто насиловал девочек и ел сваренное мясо младенцев.

– Он тоже мау-мау? – обратился он к ним на суахили.

Смех смолк. Выпученные глаза, выражающие самые разные чувства. Ненависть, недоверие, безумие. А еще, как масло в огонь, нервное возбуждение, порожденное то ли алкоголем, то ли наркотиком.

– Он ваш командир, верно?

Обезьяна продолжала свои выкрутасы.

– Точно, дядюшка! – прыснул наконец один из бойцов. – В самую точку. Это наш командир!

Другие тоже развеселились. Волна смеха превратилась во всеобщий гогот, сопровождавший прыжки обезьяны.

Взгляд через плечо: Красный Берет сосредоточенно рылся в одном из ящиков.

– И он настоящий мау-мау, а? – продолжил Морван.

– Самый лучший, босс! Самый лучший!

Беззаботные убийцы хлопали себя по ляжкам. Животное, возбужденное выкриками, вовсю кувыркалось в опавшей листве.

– Тогда где его «калаш»?

Вопрос застал их врасплох. Чей-то свист заставил Грегуара повернуть голову: командир подзывал его. Он не торопясь подошел – каждая выигранная секунда позволяла ему лучше продумать свой план.

– Чё там внутри?

Чернокожий пнул ногой один из ящиков – если Морвану не изменяла память, там лежало штук сорок полуавтоматических винтовок.

– Оборудование для разведки. Я геолог.

– Открой! – приказал африканец.

Морван бросил взгляд назад: один из повстанцев делал вид, что дает свою винтовку обезьяне, та пыталась ее схватить, мау-мау всякий раз отдергивал руку, вызывая новый взрыв смеха.

– Я не знаю, куда дел ключ.

Вранье было очевидным, и чернокожий даже не обратил на него внимания:

– Открой!

– Говорю же, я не знаю, где...

– Открывай, братец. Иначе я найду ключи на твоём трупе.

Он порылся в карманах. Бросил еще один взгляд на остальных: обезьяна только что схватила автомат. Морван был уверен, что эти недоумки не сообразили поставить его на предохранитель.

– Слово даю... – забормотал он, – я...

Его прервала автоматная очередь.

– Твою мать, что там такое... – заорал Красный Берет.

Обезьяна, не спуская пальца со спускового крючка, скосила троих мау-мау. Все бросились на землю, кроме командира, который застыл в потрясении. Пуля в голову: Морван выхватил свой ствол и снял его первым. Потом развернулся и вогнал следующую пулю в сердце одного из двух охранников, которые пытались в него прицелиться. Тридцать лет упражнений в стендовой стрельбе – в этом вся разница.

Он снова повернулся, готовый прикончить обезьяну, но та, перепуганная выстрелами, которые сама же и сделала, отбросила винтовку и побежала прятаться. К несчастью, ее лапы запутались в ремне «калашника» и избавиться от него она никак не могла. Настоящий номер в духе Чарли Чаплина.

Африканское безумие: только оно и было здесь нормой.

Один из чернокожих еще дергался. Морван метнулся и разнес ему череп. Осторожно двинулся к обезьяне, которая по-прежнему крутилась на месте, достал нож и умудрился перерезать ремень автомата. Зверек кинулся в сторону и спрятался на дереве, в нескольких метрах над своими остывающими хозяевами.

Воцарилась тишина.

На первый взгляд никто из членов его группы не пострадал. *Истинное чертово чудо.* Лежа на земле, они, казалось, были готовы закопаться с головой в опавшие листья.

Семь убитых – командный счет при поддержке шимпанзе.

Мишель поднялся. Его била такая дрожь, что говорить он не мог. Состояние Морвана было немногим лучше, но ему удалось отдать приказ:

– Соберите их оружие и припасы.

Война объявлена. Выстрелы оповестили об их присутствии других мародеров. Нужно раздать патроны своим солдатам. Ускорить продвижение. Добраться до рудников – до Кросса и его тренированных ребят – как можно быстрее. Не всякий раз им будет так везти.

Убирая оружие в кобуру, он указал на обезьяну, сидевшую на обвитом лианами дереве:

– Дайте ей пару кусочков сахара. Мы обязаны ей жизнью.

Он оказался в семейном поместье во Фьезоле, на холмах Флоренции, не испытывая при этом ни малейшего удовольствия. На самом деле он был уверен, что никогда больше и ногой сюда не ступит. Его разместили в спальне Д'Аннунцио – каждая комната носила имя одного из итальянских писателей, что было не лишено пикантности, учитывая, что хозяин дома, мир праху его, был неграмотным. Он поехал вместе с Софией и детьми, и всю дорогу его не покидало чувство глубокой внутренней неловкости. Что подумают Мила и Лоренцо? Что их родители снова вместе? Что смерть *поппо*^[36] положила конец всем ссорам и обидам?

Во время полета он всячески демонстрировал раскованность и хорошее настроение. Все то, чего он был лишен с момента, когда отказался от кокаина. Ломота во всем теле не отпускала, приступы дрожи тоже. Сидя рядом с Лоренцо, он помогал ему с раскрасками и сорвал раздражение на фломастерах.

Сейчас он был один. Наконец-то. За окном спальни – усыпанная золотой пылью и укутанная туманом мечта. Вдали – купола и колокольни Флоренции, красные крыши, розовые крыши, узкие улочки, переполненные шедеврами. Чуть ближе – откосы холма с россыпью безмятежных дворцов, уже начавших наливать солнцем: празднество света этим вечером заканчивалось во всей своей красе медовыми или золотыми сумерками – на выбор, в зависимости от настроения.

Он перевел глаза вниз, на парк: песчаные террасы, бассейны, чуть ли не переливающиеся через бортик, зеленеющие изгороди, столетние деревья... Зрелище дышало совершенством вне времени и возраста, квинтэссенцией Италии. Даже патрулирующие повсюду церберы, без сомнения вооруженные, были данью определенной местной традиции: мафия, интриги, жестокость.

Лоик знал только еще одного человека, способного окружить себя такого рода карикатурами: своего отца. Он не попытался связаться с ним, но Мэгги, конечно же, сообщила мужу. Старик наверняка потрясен. Лоик не испытал настоящего шока, узнав, что они были старинными друзьями и втихаря устроили свадьбу своих детей. Главари решили связать этим браком свои семьи, как поступали в старину монархи, чтобы объединить королевства. В первый момент ему кровь в голову ударила – он даже угрожал отцу пистолетом, – но потом он успокоился. В сущности, предки стремились упрочить свои состояния, то есть то наследство, которое оставят им, никчемным отпрыскам.

Он нацепил темные очки, чтобы рассмотреть парк во всех деталях. Никто бы и не догадался, что снаружи у каменной стены тучами роились папарацци – убийство Монтефиори стало сенсацией недели. Под кипарисами графиня раздавала приказания слугам, накрывавшим на стол, – в ноябре еще можно пообедать на воздухе. Высокая, изящная, затянутая в платье от «Прада», она походила на скульптуру Джакомоетти.

Приближаясь к ней, вы испытывали чувство, будто попали в исповедальню. От нее исходил сумрачный свет, и говорила она всегда тихим голосом.

Обе сестры Софии пребывали неподалеку, расхаживая вдоль бассейна. Разумеется, они организовывали похороны. Нервные дипломированные карьеристки, они жили, не выпуская айфонов из рук, и часами выстукивали послания своими ноготками с алым лаком. Они всегда терпеть не могли Лоика: слишком красив, слишком обаятелен, слишком наркоман. Но теперь, когда он свободен, возможно, они изменят свое мнение...

Самым странным было то, что никто не казался потрясенным или испуганным смертью Кондотьера. Или его жена и дочери были готовы к подобному проявлению жестокости? Может, они были в курсе кое-каких фактов? Эти вопросы вернули Лоика к мыслям о собственном отце. Трудно предположить, учитывая чисто африканский образ действий – извлечение сердца, каннибализм: в конце концов, были обнаружены обгрызенные фрагменты недостающего органа, – чтобы Старик не был связан с трагедией. В качестве потенциальной жертвы или же, напротив, – а почему бы и нет? – заказчика преступления.

Перед отъездом он позвонил Мэгги. В последние месяцы она проявляла куда большую осведомленность, чем можно ожидать от простой затюканной матери семейства, – возможно, даже была альтер эго своего супруга в его африканских делах. Она изображала полную растерянность и клялась, что Морван по телефону был относительно спокоен. Комедия продолжалась.

Со своей стороны, Лоик задумал иное: он решил провести собственное расследование убийства Монтефиори. Он был не в лучшей форме, чтобы проверить факты и установить времяпрепровождение Кондотьера в последние дни перед смертью, но он прекрасно говорил по-итальянски. Перерыть личные бумаги жестянщика. Установить список его встреч. Выявить конголезцев, отдыхающих во Флоренции, – быть того не может, чтобы итальянец или француз «нормального цвета», даже профессиональный убийца, взялся за циркулярную пилу. Такова была его программа на ближайшие дни.

– Помнишь, как ты в последний раз приезжал сюда?

София. И даже не постучала. Он не обернулся, но вспомнил тот ужин, когда он, в полной отключке, стал разглагольствовать о том, что чем женщина красивее, тем менее она приспособлена для работы, – чистая провокация, нацеленная на сестер Софии, которые продолжали дело отца. На другом конце стола София улыбалась.

– Еще бы я не помнил! В тот день я побил все свои рекорды.

Она встала рядом с ним лицом к окну и посмотрела на слуг, раскладывающих приборы под ветвями. Она переоделась. Легкое платье из шелкового муслина очень темного синего цвета, которое, казалось, шелестело при малейшем движении. Лоик залюбовался ее профилем. Ее лоб, идеальный нос выступали за вертикальную линию черных волос. Изумительно, но к нему это больше не имело отношения.

От их страсти в Нью-Йорке у него осталось единственное ощущение: как же быстро летит время. Когда они были вместе, секунды неслись, как дорожная разметка под колесами мчащегося автомобиля. Одно это чувство – может, не любовь – пьянило их, возбуждало до полной потери контроля. Оказавшись в кювете, пленниками покореженной крыши, они воспользовались временем, чтобы вдоволь возненавидеть друг друга.

– Сколько дней? – внезапно спросила она.

Лоик, укрывшись за темными стеклами очков, вздрогнул:

– О чем ты говоришь?

– Сколько уже дней, как ты бросил?

– Как ты узнала?

– Я вижу.

– Двадцать три дня.

Он ожидал, что она расхохочется, но она только спросила, не отводя глаз от террас:

– Тебе что-нибудь нужно?

– Только не твоя помощь.

Она молча улыбнулась. Прозвенел колокол – обычно так вызывают слуг, но у Монтефиори так сзывали к трапезе. *A tavola!*^[37]

Как выследить кого-то, когда за тобой самим следят?

Прежде чем приступить к шпионской миссии, Гаэль перерыла весь Интернет на предмет Каца. И обнаружила там самое странное из всего возможного: пустоту. Ни одного упоминания его имени. Она обзвонила сообщества психоаналитиков: ничего. Совет профессиональной ассоциации: отказались отвечать. Она провела поиск по медицинским факультетам: ни одного студента и тем более преподавателя с таким именем... После их совместного ужина он подвез ее, все еще ошеломленную сценой в ресторане, на такси до самых дверей. Что он искал в ее сумочке? Ключи? Документы? Что-то интимное? Сведения о ее личной жизни? Все ее псевдочувства к нему испарились в мгновение ока. Единственное, что осталось, – тоскливый комок в горле. И здоровая порция любопытства. Она хотела узнать, кто этот тип. Шарлатан? Один из тех психов, которые выдают себя за врачей и привинчивают бронзовую табличку у входа в дом? Шантажист? Детектив?

Никакой возможности вспомнить, где и как она его подцепила: провал в памяти наводил на мысль, что по пьянке или под наркотой. «Вот моя карточка». Впрочем, недвижимость у него была: это первое, что она перепроверила. В «Желтых страницах» значился «Эрик Кац, психиатр, психоаналитик». Почему нигде больше о нем не было ни единого упоминания?

Она задалась вопросом и о его семье. Жена, двое детей. А что на самом деле? Она не нашла никакого домашнего адреса. Никакого Эрика Каца в Иль-де-Франс. Квартира или дом на имя жены?

Этим утром она приняла решение. Он рылся в ее сумке? Она обыщет сверху донизу его кабинет. Проблема заключалась в двух сторожевых псах, которые неотступно ее сопровождали. И речи нет, чтобы торчать у его подъезда. Ее ангелы-хранители тут же доложат Старикку, и тот всполошится.

Пришлось придумать мизансцену: она устроится в ресторанчике напротив дома Каца, возьмет с собой ноутбук и изобразит охваченного вдохновением автора – из тех, что любят писать в кафе. На самом деле она подождет, пока объект не покинет свой кабинет. Ни один из ее громил в лицо Каца не знает: они только в курсе, что Гаэль уже приходила по этому адресу.

Наконец в половине седьмого Кац вышел из дому. Укутанный в плащ, который придавал ему вид шпиона в послевоенном Берлине, он прошел мимо ресторанчика, не заметив Гаэль. Она заплатила за кофе и перешла через дорогу. Вперед, на обыск. Не глянув на двоих сопровождающих, она набрала код и зашла в вестибюль. Поднимаясь по лестнице, она

вспоминала последние минуты их вечера. Кац продолжал гнуть свою линию: дружба, и только дружба. Он не сделал никаких попыток и обещал позвонить в самое ближайшее время... *Бесхитростен, как пукнувшая монашка*. Оказавшись на нужном этаже, она нажала на кнопку звонка. Тишина. Входная дверь не укреплена – больше года, исходя из двух посещений в неделю, она ждала своей очереди в крошечном холле, сидя напротив этого замка. Техника, которой она предполагала воспользоваться, чтобы открыть его, была проще простого: просунуть рентгенограмму между самой дверью и дверной коробкой и приподнимать ее, пока не щелкнет язычок. Она видела, как сделал слесарь однажды ночью, когда она забыла ключи. Простота этого способа ее поразила. Она проверила утром в Интернете. Оказалось, это классический метод и даже имеет свое название: байпас. Она приступила к манипуляции, просунув кусочек пластика в стык и пытаясь при этом слегка подергивать дверь. Безрезультатно. Она удвоила усилия с бóльшим ожесточением. По-прежнему ноль эффекта. Ей казалось, что шум слышен во всем доме. Сейчас кто-нибудь из соседей высунет нос, подумав, что квартиру грабят среди бела дня. Она...

– Что вы там делаете?

Гаэльхватило времени только на то, чтобы засунуть кусок рентгенограммы себе под пальто и обернуться: Эрик Кац стоял позади нее в своем подпоясанном плаще.

– Я... я пришла увидаться с вами, – пришлось импровизировать ей.

– Зачем?

– Впустите меня, и я объясню.

Психиатр с недоверчивым видом сделал шаг вперед, достал ключи и решился наконец отпереть дверь. Она еще долго могла бы играть в «человека, проходящего сквозь стены»: станина на самом деле была укреплена, а в замке три степени защиты.

Переступая порог, она подумала, что похожа на последнюю жену Синея Бороды – ту, которой захотелось зайти в запретную комнату.

В джунглях ужинают в шесть часов, как старики.

Сидя в грязи с включенным налобным фонариком, Морван принялся за свою *chikwange*, зеленоватый шар из маниоки, от которого несло дерьмом. Чтобы впихнуть в себя нечто подобное, нужны приправы: томатный соус, перец, специи, пальмовое масло, что угодно, лишь бы заглушить навозный привкус. Но ничего другого в меню не предвиделось: охотники вернулись с пустыми руками.

Раз уж они не сумели добраться до рудников засветло, самым разумным было расположиться на поляне и назначить часовых. Судя по схеме (он разложил на колене затасканную карту: его GPS испустила дух), они будут в поселении до полудня.

Он ухватил пальцами еще одну жменю – студенистое тесто и все тот же вкус, даже соус не спасал. Но несмотря ни на что, он гордился тем, что справился с мау-мау и выстоял в лесу. Под безжалостным солнцем, в болотистом месиве, куда они погружались почти по пояс, среди шипастых стеблей, сплетенных, как колючая проволока, он все-таки шел вперед.

Носильщики испарились: некоторых перепугал случай с мау-мау, еще один исчез вместе с ящиком – там были медикаменты. Но навскидку около восьмидесяти процентов оборудования экспедиция все еще сохранила. Вполне достойный процент для двух третей

пройденной дороги.

Морван бросил взгляд на Мишеля, свернувшегося калачиком у подножия гигантского дерева. Африканские чернокожие часто страдают хронической малярией, которая время от времени проявляется в виде приступов лихорадки.

– Это трясучка... трясучка... – стонал скорчившийся Сноп.

Придется подождать, пока это пройдет.

Морван размышлял над проблемой мау-мау: избежать еще одной встречи с ними было практически невозможно. Или с какими-нибудь другими бандитами. Выстрелы сработали как охотничий рог: все местные хищники-паразиты теперь устремятся за ними. Он не боялся ни тутси с другого берега реки, ни регулярной армии, которая не рискнет напасть на них, – разрешения за подписью Мумбанзы и пропуска от Кабонго поумерят их пыл. Остаются разношерстные группировки: руандийская милиция, кадогас, тутси-повстанцы...

Он не исключал и более целенаправленных ударов, исходящих от убийц Нсеко и Монтефиори. Но испытывал глубокое убеждение, что те подождут, пока не обнаружится точное расположение месторождений, прежде чем приступить к действию. Таким образом, он получил определенную отсрочку – до завтрашнего утра.

На самом деле от этих опасностей ему было ни жарко ни холодно. Всю жизнь он жил с головой на плахе. Противовесом разрешения на убийство было только право умереть. И закончить свои дни здесь, в этом алом аду, сожженным лихорадкой или насаженным на шампур повстанцами, которые умеют превращаться в леопардов, – это все-таки другой коленкор, нежели испустить дух в Бреа, рисуя акварели или собирая модельки кораблей внутри бутылки.

Его телефон зазвонил внутри герметичной коробки. Он был почти удивлен, что тот еще работает. Открыл футляр: сын.

– Ты где? – спросил он, не дав тому и слова вымолвить.

– В Кайомбо. Скоро опять в дорогу. Буду в Анкоро завтра.

– Неплохо.

Он задал вопрос исключительно для вида: «Иридиум» Эрвана был оборудован спутниковым маячком, который отслеживал его перемещения в реальном времени.

– Чем дальше я продвигаюсь, – бросил сынок, – тем больше узнаю. Ты и впрямь забыл мне кое-что рассказать.

– Не начинай.

– Да я только начал. Что это за история со схемами, которые убийца чертил на земле?

– Чушь. Фарабо был псих. Если хочешь цепляться за каждую деталь, то...

– Не думаю, что это просто деталь. Человек-гвоздь подавал знаки. Его жертвы были не просто минконди^[38], они были также средством передачи посланий.

– Посланий кому?

– Белым Строителям, их отцам. Эти люди совершили некий поступок, за который Фарабо мстил и...

– В очередной раз восхищаюсь тем, как ты умеешь языком молоть. И ты собираешься сорок лет спустя объяснять мне, что именно я упустил?

– Не думаю, что ты вообще что-либо упустил, – в этом вся проблема. Скорее, мне кажется...

Удар грома заставил содрогнуться землю и заглушил последние слова.

– Что-то произошло, – продолжил он, – я уверен. И ты прекрасно знаешь, что именно.

Почему эти семьи были прокляты?

– Погоди: кто рассказал тебе всю эту чепуху?

– Сначала мой гид, потом Муна, женщина, которая долгое время работала у Верхувенов.

Грегуар смутно помнил служаночку, дрессированную на европейский манер.

Полунегритянка-полубелая, послушная на все сто. Несмотря на его молитвы, не все жители Лонтано умерли. Скольких еще откапает его сын?

– Что натворили эти бельгийцы? – заорал Эрван, перекрывая помехи и грозовые раскаты.

– В конце девятнадцатого века именно они построили железную дорогу и...

– Расскажи, в чем они провинились.

Морван вздохнул. При таком повороте событий следовало иметь в виду одно правило: лучше бросить сыну кость, чтобы тому было что грызть.

– Тебе наверняка говорили, что это строительство было одним из самых кровавых в том веке, что рельсы укладывались поверх трупов рабочих, а заполнитель состоял из измельченных человеческих костей.

– Что-то в этом роде, да.

– Херня. Зато как раз в то время белые совершили убийство. Один колдун йомбе был против прокладки железной дороги. Строительство должно было пройти по его территории. Знахарь сел на пути и отказался двигаться с места. Он изрыгал проклятия и предсказывал всякие страсти рабочим: продвигаться дальше было невозможно. Бельгийцы заложили динамит на холме над ним и завалили его заживо. Остальное доделали бульдозеры.

– И в этом их первородный грех?

– Было, конечно, и немало других. Но похоронить заживо жреца-фетишиста в Нижнем Конго – не лучшая идея.

– Как раз про этих белых мне и говорили, что они верили в магию йомбе.

– Верно, но тут они решили, что сила на их стороне. У этих семей было весьма своеобразное представление об интеграции. Будь их власть, они бы ввели апартеид, как в ЮАР.

– Мне также рассказывали об инцесте.

Морван расхохотался:

– Я уверен, что ты видел фотографию «Саламандр». Правда бросается в глаза: у этих девиц одна кровь. Когда я познакомился с твоей матерью, у нее уже была увеличена щитовидка, а это наследственная болезнь, ее брат был сумасшедшим, а сестра умирала от рассеянного склероза. Такими и были Белые Строители: цепная реакция дурных генов, которые они передавали друг другу на протяжении поколений. Счастье еще, что я внес новую кровь в эту мочу!

Гром прогремел еще ближе. Он мог почувствовать, как земля дрожит под ногами. Его сын на том конце связи хранил молчание. Он даже не был уверен, что тот уловил все сказанное. *Не важно.*

– Белых Строителей в результате изгнали из Нижнего Конго в шестидесятых годах, – заговорил Эрван через несколько секунд. – Что произошло на самом деле?

Морван выругался, но об этом он, в сущности, мог и рассказать.

– Еще одно убийство. Одна из жен переспала с черным. Это привело их в неистовство. Они содрали с него кожу живьем и запихнули в камнедробилку.

– Кто именно это сделал?

– Так никогда и не дознались. Но все шансы у де Крефов.

– Ты хочешь сказать...

– У твоих дедов. После этого кто-то еще удивляется, что я порвал с родней жены.

Эрван не отреагировал, если только треск от помех не заглушил его голос.

– Дело дошло до ушей Мобуту, – продолжил Морван. – Тогда только что открыли месторождения в Северной Катанге, вот он и отправил виновных туда. Или так, или он силой выдворит их из страны. Белые Строители начали с нуля и построили Лонтано. Они были сволочами, но в них горел священный огонь. Лучших горнодобытчиков не было во всем Заире.

Еще несколько секунд, и раздался неожиданно громкий голос Эрвана:

– Какая связь между этими убийствами и теми чертежами, которые Человек-гвоздь оставлял рядом с расчлененными трупами?

Морван вздрогнул. Он никогда и не сомневался: рано или поздно сын найдет.

– Откуда мне знать? – уклонился он.

Эрван разразился неприятным смехом:

– Кончай свои фокусы, папа. Я терпел твои психозы, жестокость и одержимость больше сорока лет. Ты в жизни не бросал дела, пока не докапывался до каждой мелочи. Говори, сэкономишь мне время.

– Думай что хочешь. Ты завтра садишься на баржу?

Он не услышал ответа: треск разорвал небо.

– Побереги себя, – продолжил он. – Ходят слухи о поставках оружия. Если это правда, рванет именно там, куда ты собрался.

– Я должен продолжить расследование.

– Ты и впрямь дурней дурака.

Он с яростью нажал на кнопку, разъединяясь. Секунду спустя хлынул дождь. В его бурной ипостаси: прозрачная теплая бомбардировка. Он кинулся в свою крошечную палатку и влез туда на четвереньках. Палатку он прикрепил к дереву, чтобы ее не снесло ветром или грязью. Застегнул молнию двойного полотнища и шлепнулся задом на землю.

Было над чем посмеяться: престарелый мужик больше ста кило весом продолжает разыгрывать из себя героя при патронташе и ковбойской шляпе, забившись в тряпичный домик. Он вспомнил о *stragglers*, японских солдатах, которые продолжали сражаться на Филиппинах иногда и спустя тридцать лет после капитуляции Японии.

Через несколько секунд в памяти всплыли слова сына. В таком темпе правда обнаружится через день-два. Он достал свой «Иридиум»: пора призвать к порядку своего человека.

– Сальво? Морван.

– Ага, шеф.

– Говорить можешь?

– Так точно.

– Ты что творишь, твою мать?

– Мы двигаемся. Будем в Анкоро завтра утром.

– Ты что затеял? Я же тебе велел прогуляться с ним по лесу и вернуться!

– Шеф, я же профессионал и...

– Заткнись! Если ты на всех парах не вернешься в Лубум, клянусь, я надеру тебе задницу.

– Но...

Баньямуленге вел свою игру на африканский манер. Содрав бабки с Морвана, он теперь вытрясал их из Эрвана. Без сомнений, он использовал эту поездку и для других делишек...

– С какой стати ты поперся с ним к де Момперам? А теперь еще к Муне?

– Шеф, просто случай подвернулся, вот и...

– У меня такое впечатление, что ты не очень понял свое задание. Я тебя нанял, чтобы притормозить Эрвана, а не чтобы тащить его на закорках. Продолжай в том же духе, и, клянусь, я тебя заложу всем в Лубуме!

Сальво не ответил: он взвешивал за и против. Бабки в ближайшей перспективе, безработица в отдаленной.

Гроза не утихала. Двойное полотнище прогибалось под массой воды.

– Что там с повстанцами? – проорал Морван.

– Пока без проблем.

– А регулярная армия?

– Обычные блокпосты.

– А поставки оружия тутси?

– Только об этом и говорят.

– О чем именно?

– Ракетные установки, снаряды, пулеметы.

– Это Дух Мертвых всем заправляет?

– Он и его войска вроде спустились с Южного Киву и добрались до нас. Но может, это все вранье...

Кто продал такое снаряжение этим парням из FLNK, «диссидентам среди диссидентов»? Кто был заинтересован в том, чтобы подпитывать этот рассадник конфликтов?

– Завтра утром вернешься в Кабве!

– Мы уже почти в Анкоро!

– Ты французский понимаешь? Эрван не должен забраться еще выше.

– Да что я ему скажу?

– Выкрутишься.

– Ага, шеф.

Его убежище постоянно раскачивалось под дождем, как будто гигантская рука, сплетенная из лиан и корней, пыталась оторвать его от основания. Сквозь крышу, затопленную водой, Морван видел, как пальмы волнуются под ветром – со странной медлительностью, словно чудовищные водоросли в глубине грязевого моря.

– А главное, не отпускай его ни на шаг, ясно?

– Ага, шеф.

– Доложишь завтра вечером.

– А что с самолетом?

Кто заговорил о возвращении в Лубум, тот взялся послать самолет в джунгли.

– Держи меня в курсе, я разберусь.

Он с раздражением отсоединился. Это дело уже вышло из-под его контроля. Эрван будет

поступать только так, как сочтет нужным. Баньямуленге будет действовать только в собственных сиюсекундных интересах. Что до вооруженного конфликта, он представления не имел, что будет завтра...

– Босс?

Потоп стихал – так же внезапно, как и начался. Грегуар различил сквозь ткань палатки силуэт скорчившегося Мишеля – другие позади него уже разводили огонь с помощью бензина и древесного угля, и у каждого на голове красовался лист гигантского дерева для защиты от дождя.

– Тебе лучше? – поинтересовался Морван, когда в палатку всунулся Сноп с красными глазами кролика-альбиноса.

– Я принял свое лекарство.

– Нивахин?

Мишель показал ему косячок размером с кухонную воронку.

– Сам Бог тебя послал! – воскликнул Морван, протягивая руку.

30

На площади Иль-де-Сен, на пересечении бульвара Араго и улицы Сен-Жак, каждый вечер зимой собирается небольшая толпа, человек сто. С чего они собрались – непонятно: ни освещения, ни укрытия... Похоже на митинг, но без повода и плакатов.

Гаэль часто проезжала мимо – в такси, на велосипеде, а то и в папином седане. Это темное, застывшее сборище, похожее на очередь, с клубами поднимающегося над головами пара, всегда возбуждало ее любопытство. Сегодня она шла прямо к нему. Черная колючая ночь, тротуары, покрытые блестящей слюдой, посверкивающие под фонарями глаза. «Еда от сердца»^[39]. Она знала только название и смутно связывала его с какими-то пафосными выступлениями. Теперь причина этих выступлений окружала ее со всех сторон.

Раздавались талончики, протягивались руки с тарелками и кружками, и каждое движение словно пропиталось запахом еды и жира. Она ненавидела себя за то, что реагировала именно так, – мешанка, выросшая в шелку и презрении. «Такова моя природа...» – как сказал Скорпион в одной басне.

Гаэль обошла очередь и обнаружила ту, кого искала, за прилавком, с поварешкой в руке. Белобрысые волосы, брезентовая куртка, бесполоя фигура: она без труда могла сменить команду и оказаться на стороне обездоленных.

– Привет, – сказала Гаэль из-под капюшона с меховой опушкой.

– В очередь, как все, – бросила та, даже не глянув.

– Я дочь Грегуара Морвана, сестра Эрвана.

Девушка кинула на нее косой взгляд и вроде бы сразу узнала:

– Ты чего здесь делаешь?

– Мне надо с тобой поговорить.

Та не ответила, только огляделась по сторонам, явно отыскивая глазами двух церберов, призванных неотступно следовать за Гаэль. *Она полностью в курсе.*

– Подожди меня вон там. Мне осталось минут на десять.

Обращение на «ты» говорило само за себя: не настолько уж она была старше Гаэль, но держала ее за малолетку. А еще точнее – за папину дочку, которая чуть ли не ежедневно

доставала брата своими перетрахами, выходками и попытками самоубийства.

Гаэль повиновалась не моргнув глазом. Она отошла в сторонку и пристроилась выкурить сигарету рядом со скамейкой, где молча насыщались задохлики. Воздух, казалось, сейчас растрескается, как слишком тонкая корочка льда. Оба ее здоровяка топтались метрах в ста от них. Не поднимая капюшон, она стала прохаживаться, испытывая чувство странного успокоения.

Она только-только отошла от пережитого днем ужаса. Когда Кац застучал ее, она сослалась на внезапный приступ тревоги, чтобы как-то оправдать свой визит. Психиатр сделал вид, что проглотил это вранье, и настоятельно посоветовал обратиться к его коллеге. Отныне он ей больше не врач.

Эта история послужила Гаэль уроком. Если она желает продолжить свое расследование, ей понадобится помощь. И не абы какая: помощь настоящего полицейского, имеющего право вести негласный поиск и раскапывать чужие тайны. Легавых она насмотрелась: сама выросла среди них, жила бок о бок и научилась их понимать. Каждое Рождество в доме родителей оказывались один-два неприкаянных копа, в очередной раз не поладивших с женами или решивших подлизаться к начальству и теперь маявшихся от неловкости.

Она сразу подумала об Одри, пятом члене группы Эрвана. В тех редких случаях, когда брат заговаривал о своей команде, всегда всплывало ее имя: «Мой лучший парень – баба».

Она позвонила по номеру, который выдал ей Эрван «на крайний случай», и попала на некоего Кевина Морли. Тот и объяснил ей, где найти Одри Венявски: каждую среду она работает добровольцем в «Еде от сердца».

– Чего ты хочешь?

Девушка-полицейский стояла перед ней и скручивала себе сигаретку. Тон был агрессивным: она тратила на нее время своего перекура.

Гаэль заговорила, но та ее прервала:

– Я знаю, кто ты и чем занимаешься. – Потом, чуть смягчившись: – И знаю, что с тобой... случилось.

Нападение в больнице Сент-Анн, столкновение у Эрвана. Гаэль воспользовалась наметившейся брешью.

– Я потому и хотела с тобой повидаться... – сказала она, тоже переходя на «ты».

Рассказала о событиях последних дней. Внезапное появление Каца. Приглашение на ужин. Эпизод с сумочкой.

– Ну и что?

– Обычно психиатры такого не делают.

– Может, этот не такой, как все.

– Ты не понимаешь: эта область основана на очень строгих правилах. Не дело психотерапевта копаться в твоей жизни, он должен заставить тебя сделать это самой. Он не может вмешиваться. Даже приглашение уже выглядит диковато. А история с сумочкой может означать только одно: Кац что-то ищет.

Одри затянулась сигаретой, не переставая поглядывать на бомжей, которые разбрелись по всей площади, поглощая свои пайки. Иногда она бросала взгляд и на телохранителей, которые, казалось, были заинтригованы этими дамскими тайнами.

– За ужином вы о чем говорили?

– Обо всем и ни о чем.

Сыщица явно никогда не бывала на приеме у психоаналитика.

– Я виделась с ним дважды в неделю на протяжении целого года. Он уже знает абсолютно все о моей жизни.

– Он тебя кадрил?

– Он предложил мне свою дружбу. Что еще более странно.

Одри кивнула с искоркой восхищения в глазах – красота Гаэль не всегда раздражала других женщин, иногда она пробуждала молчаливое уважение, замешенное на смиренной покорности судьбе.

– Выкладывай, – бросила она через несколько секунд. – Говори, что у тебя на уме.

– Я хочу узнать, что именно он ищет. Почему он старается со мной сблизиться. – Она прикурила сигарету. – Я всю жизнь хожу по психиатрам. И всегда им не доверяла. Бесчувственные манипуляторы, извращенцы в вечном поиске чего-то эдакого. Может, Кац желает добавить меня в свою коллекцию.

– В таком случае он бы оставил тебя своей пациенткой, верно?

Одри попала в точку. Гаэль прошагала вокруг фонаря. Чавканье и ворчанье бездомных, казалось, стали громче.

– Возможно, он хотел понаблюдать за мной под другим углом...

– Что ты в действительности о нем знаешь?

– Ничего или почти ничего. Он практикует только в своем кабинете, на улице Николо. Никаких консультаций в больницах, никаких иных профессиональных обязательств.

– А про семейную жизнь?

– Вроде бы у него есть жена и двое детей, но я не смогла проверить.

– Еще какие-нибудь сведения имеются?

Гаэль объяснила, что ничего не нашла в Интернете – хотя верилось в это с трудом, – потом, после некоторых колебаний, рассказала и о своем неудавшемся взломе.

– Ты хоть понимаешь, чем рисковала?

– Ножом под ребра.

Одри захохотала над богатым воображением Гаэль, но тут же замолкла: слишком быстро она выкинула из головы предшествующие события.

– Даже не заходя так далеко, он мог просто подать жалобу.

– Он ничего не заметил. Я сослалась на внезапный приступ тревоги. Он посоветовал обратиться к другому психиатру и любезно подтолкнул к двери.

– Вы договорились о следующей встрече?

– Пока нет, но...

– Но?

– Я боюсь, что он за мной следит, наблюдает... Когда он снова появился, то был уже в курсе той истории в Сент-Анн. Рассказал, что ему позвонили из больницы. Я уверена, что он соврал: официально он просто не существует.

Одри скрутила новую сигаретку и уселась на скамейку, освобожденную предыдущими обитателями. *Добрый знак.*

– А эта парочка? – спросила она, указывая на громил напротив.

– Каторжникам приковывали пушечное ядро к ноге, у меня их два.

– Они же тебя охраняют, верно?

Гаэль пожала плечами. Она опасалась куда более извращенной угрозы. Психологического вторжения, заразы, с которой подобные телохранители ничего не могли

поделать.

- Ты так и не сказала, чего от меня хочешь.
- Чтобы ты разузнала о нем, с твоими возможностями.
- Всего-то...

Гаэль наклонилась к девице в брезентовой куртке: она была сыта по горло ее снисходительными выкрутасами.

– Я проверила, что могла. Говорю же, этот тип словно не существует. Он нигде не учился. Не связан ни с одной больницей. Не числится ни в одной ассоциации психоаналитиков.

- Но он есть в справочнике?
- В «Желтых страницах»^[40], как психиатр, но не в общем справочнике.
- Это ж нормально для профессионала?

Гаэль неохотно кивнула.

– Как ты с ним познакомилась?

Еще один отрицательный штрих в ее деле.

– Я уже не помню.

– Как это?

– Думаю, на какой-то вечеринке. Самое вероятное предположение. Я наверняка была под кайфом или на таблетках. У меня бывали моменты... скажем, неполной ясности сознания.

Одри прикурила свою самокрутку. Казалось, она колеблется, стоит ли ввязываться в эту странную историю. Ни слова ни об Эрване, ни о Падре: она знала, что те в Африке.

– После всего, что я пережила за последние месяцы, – продолжала настаивать Гаэль, – мне есть чего опасаться, верно?

– Дай мне его имя и адрес. Я позвоню, когда что-то узнаю.

– У тебя есть мой телефон? – спросила Гаэль, протягивая заготовленный листок.

– Как и у всех в группе, – бросила та, уже уходя, засунув руки в карманы.

Получи прямо в морду.

– Могу я задать тебе вопрос? – крикнула Гаэль.

Одри обернулась:

– Какой?

– Почему ты занимаешься... этим каждую среду?

Офицер судебной полиции Венявски бросила насмешливый взгляд на оборванцев, чьи тени терялись в испарениях печек и контейнеров.

– Я отсюда родом. И если бы не твой брат, здесь бы и оставалась.

После беседы с отцом они снова пустились в путь в направлении Анкоро. Расстояния и длительность больше не имели смысла. Путешествие, которое они должны были завершить где-то в середине дня, к вечеру по-прежнему продолжалось, и Сальво предсказывал еще часов пятнадцать дороги.

Эрван больше не реагировал. Двадцать часов в машине его доконали. Неровное колыхание на ухабах погрузило его в некую прострацию, из которой он относительно

выныривал только в те моменты, когда они проезжали очередной пост, – наличность, пополнение запасов и снова в путь... Сидя на заднем сиденье, он, как во сне, наблюдал за трудностями продвижения: алые лужи, листья, хлещущие по ветровому стеклу, булыжники, оказывающиеся под капотом, жирная грязь, в которой они буксовали...

Приходилось вылезать, подкладывать металлические листы под колеса, толкать, погружаясь в землю, похожую на разодранную плоть. А еще нужно было рубить, поднимать, раздвигать ветви, стволы, лианы... Когда дорога освобождалась и они трогались с места, при каждой встряске его сводила судорога, а о том, чтобы заснуть, конечно же, и речи не было.

В довершение картины кондиционер в машине вышел из строя. Они ехали с открытыми окнами, что служило приглашением на борт самых разных тварей. Комары, слепни, осы, непонятные разновидности, и все чудовищных размеров... Покрытый слоем репеллентов и крема от укусов, француз говорил себе, что одна из этих гадин наверняка его чем-нибудь уже заразила. Вцепившись в ручку двери, он представлял себе паразитов, которые размножаются в его крови, уничтожая красные кровяные тельца.

Теперь они катили в сумерках. Стекла пришлось поднять из-за ливня. Внутри трясло, как в ящике с инструментами. Дождь был таким яростным, будто сама ночь разбивалась об их «тойоту» на миллиарды частичек. Вдали проблескивали молнии, напоминая прожекторы с гигантской сторожевой вышки, проверяющие, хорошо ли сделана работа и понял ли мир, кто здесь главный.

Прокручивая в голове разговор с отцом, Эрван зажег лампочку, чтобы еще раз просмотреть фотографии «Саламандр». С их соломенными шляпами, цветами в волосах и мальчишескими фигурами, они походили на сборище муз семидесятых годов. Ему виделось, как на это изображение накладывалось другое: гроздь гвоздей, воткнутых в их тела, осколки зеркал, вонзенные в глазные яблоки, раны в брюшной полости – именно там, откуда убийца изъял их органы и куда поместил волосы и ногти будущей жертвы...

Эрван приехал сюда, чтобы выяснить личность убийцы Катрин Фонтана, но медсестра, возможно, была и вправду седьмой жертвой Человека-гвоздя. Зато Фарабо хранил секрет, о котором сыщик даже не подозревал. Мотив мести... В таком случае почему, начиная с Кати, цели переменились? Ни Колетт Блох, мать семейства, ни Ноортье Эльскамп, монахиня, не принадлежали к клану Белых Строителей. И почему Фарабо не убил Мэгги де Креф, дочь одного из самых влиятельных лиц в Лонтано? Трудно найти более мощный символ, чтобы задеть основателей шахтерского города.

А еще оставался рисунок на земле. Атомная структура какого-то минерала, в самом деле? Он был убежден: Человек-гвоздь посылал весточку хозяевам города. Чтобы его могли вычислить? Арестовать? Или просто чтобы напомнить им о давнем грехе? Мысль о мести не покидала Эрвана: он должен докопаться до мотивов Фарабо. Отец – он был уверен – знал правду, но это последний человек, который станет ему помогать. Какая связь между всеми действующими лицами трагедии?

Морван распевал, укрывшись под сеткой из пальмовых веток у подножия гигантского моаби. Он прикончил косячок – чудодейственное снадобье Снопа – и совершенно поплыл. В нескольких метрах от него потрескивал костер. Чернокожие натянули непромокаемый тент

из запасов ООН и расположились под ним всем скопом. Последние капли еще гулко падали по закоулкам сумерек. Вдали по-прежнему грохотал гром – ночь прочищала горло.

В луче налобного фонарика копошилась куча насекомых: пауки размером с краба, земляные черви, смахивающие на змей, быстрые неопределяемые тени... Этот горячечный бред представлялся праздником. Дождь в Африке никогда не бывает грустным: он пробуждает природу, питает землю, дает сигнал к началу парада.

Накануне он убил мальчишку. Этим утром – трех мужчин. У них были все шансы подвергнуться новому нападению до того, как они доберутся до рудников, да и сами рудники, возможно, в руках повстанцев. Что до Эрвана, он неумолимо приближается к истине. *Что еще добавить?* Морван спекся и сверху и снизу и посередине тоже уже доходил до готовности. Но в эту ночь, под действием конопли, ничто не имело значения.

Эти испарения напомнили ему о совсем иных. Сын нащупал ниточку через дилеров, но проскочил мимо. Эрван был прав: искать надо не там. Хотя он сам в свое время копал в этом направлении. Расспрашивая продавцов травки, он в конце концов нашел среди них друзей, особенно Джимми, главного наркодельца во всей области. Визиты к нему так ничего и не дали. Вплоть до одного вечера...

Апрель 1969 года.

Хибара Большого Джи была освещена всю ночь. Чтобы ускорить цветение своих насаждений, он был вынужден держать их на свету больше шестнадцати часов в день. В гетто его берлога напоминала гигантскую лампу из соляного кристалла в глубине свалки.

Морван никогда не подозревал чернокожего в убийствах: одуревший от испарений смолки, тот был немногим активнее своих укоренившихся растений.

– А «Саламандры», – спросил он у него в ту ночь, – что ты о них думаешь?

– От них воняет. Белые сучки, которые хотят подмазаться к черным, куда уж хуже...

– Зато неплохо для твоего бизнеса.

– Только потому я и пускаю их к себе...

– А Человек-гвоздь?

По происхождению Джимми был тутси. Двухметровый, с головой такой узкой, что казалось, будто она побывала в щипцах для орехов, с руками-ластами и глазами, которые будто вылезали прямо из висков.

– Это демон, босс... С ним никому не сладить.

На протяжении недель Грегуара пичкали такого рода суевериями, причем настолько искренне, что его собственные убеждения начали сдавать позиции.

– Ты ничего не слышал в Созо? Чего-нибудь конкретного?

– Папаша, там только об том и толкуют, да ведь хрень одна... Всякие истории про чертей, про то, как колдуны превращаются...

– А твои клиенты, белые?

– Кто теперь сюда сунется ночью... Весь этот базар – очень плохо для бизнесу. Только твоя курочка и...

Мэгги была единственной, кто еще отваживался появляться на другом берегу реки.

– Не говори так про нее...

Джимми курнул еще разок и снова засмеялся. Они сидели прямо на земле под разросшейся листвой, нагретой лампами.

– Извиняюсь, дядя...

– Кто продает ЛСД, кетамин?

– Говорил уже, я до этого не касаюсь, я...

Снаружи раздались странные звуки. Что-то вроде деревянного колокольчика.

– Это что?

– Охота началась.

– Какая охота?

Новая трель, словно исполненная на маримбе или вуд-блоке.

– Ты б лучше ушел, а то попадешь в облаву.

– Облава сегодня ночью? Прямо среди жилых домов?

– Это особая охота, босс. Охота на мзунгу.

Поговаривали, что шахтеры готовили карательную операцию против белых. Настал Большой Вечер?

– Но что за звук такой?

– Йомбе охотятся по старинке, с собаками, которые не лают. Поэтому им вешают на шею деревянный колокольчик, чтобы загонять дичь. – Африканец снова засмеялся, окутанный завитками дыма. – Только сегодня вечером колокольчик будет на шее у дичи...

Морван встал – голова у него кружилась. Перебор и с травкой, и со всякой чушью. Ни один европеец не рискнет забраться ночью в гетто. Он чуть не упал и схватился за пластиковую переборку. Лампочки мигали, листья шелестели. Он находился в гигантском легком, перенасыщенном галлюциногенными миазмами.

– Ты бы постарался найти того белого раньше йомбе! – крикнул Джимми ему в спину.

Морван осознал, что куропаткой в сегодняшней охоте вполне могла оказаться Мэгги.

После парилки в теплице ночь показалась ему почти прохладной. В квартале никого. Мелкий дождик. Красные улочки с лачугами, досками и крышками по бокам, такие же узкие, как штольни в шахте.

С пистолетом в руке он пошел вдоль палисадников и прямоугольных коробок с черными приступками. Буквально через несколько секунд заблудился. Оставалась единственная уверенность: он приближался к колокольчику, который тоже перемещался по лабиринту, издавая неровный, колеблющийся, судорожный звук. Образ Мэгги постоянно пульсировал у него в висках.

Он повернул налево. *Пок-пок-пок*. Потом направо, в грязь почти по щиколотки. *Пок-пок-пок*. Второй находился через несколько улиц. По мере продвижения он убеждал себя, что именно королева «Саламандр» ковыляет где-то неподалеку. *Что за дурища*. Он собирался окликнуть ее, когда раздались свистки и жуткий скрежет. Охотники терли друг о друга свои мачете. В результате он сам займет место дичи...

Внезапно деревянный перестук раздался еще ближе. Грегуар прыгнул в том направлении и обнаружил тень, скорчившуюся под каким-то плетнем. Он включил фонарь и рассмотрел добычу: худой высокий парень лет двадцати пяти, с длинными волосами, одетый на английский манер. Он задыхался со связанными за спиной руками, залитым дождем и кровью лицом и огромным колокольчиком вместо ожерелья.

В Лонтано он никогда его не видел.

– Как тебя зовут?

– Мишель... Мишель де Пернек.

Беглец принялся лихорадочно шептать какие-то слова. В полной панике он умолял увести его, спасти. Морван сначала обыскал парня: за подкладкой в куртке таблетки,

крошечные листочки бумаги, серые стерженьки, похожие на карандашные грифели. Амфетамины, кислота, кетамин... Он нашел торговца наркотиками, которого искал несколько недель. Дилера тех дам.

– Где ты достал это? – спросил он, прежде чем развязать его.

Тот опустил голову, не отвечая: он рыдал. Мачете скрежетали все ближе. Свистки разрывали размокшую ночь.

Морван взял его за горло:

– Где ты достал наркоту?

– Умоляю, развяжите меня!

– Отвечай.

– Я... я изготовил... Я психиатр.

– Где?

– В клинике Стенли. Просто чтобы свести концы с концами. Я действую через черных и...

Он развязал его и поставил на дрожащие ноги. Они помчались по улочкам Созо. Морван несколько раз выстрелил, чтобы поубавить пыл охотников. Ответных выстрелов не последовало: у тех было только холодное оружие.

Оказавшись за пределами досягаемости, на пироге, которую Морван использовал, чтобы плавать с одного берега на другой, он допросил подозреваемого. Медик пристроился в подпольной лаборатории, расположенной на подвальном этаже клиники для белых в Лонтано. Каждую неделю он приносил свой товар в Созо, несмотря на «происшествия», и брал щедрую маржу со своих анонимных перекупщиков.

Коп прикинул шансы, что психиатр и есть Человек-гвоздь. Нет: слишком бельгиец, слишком боязлив, недостаточно безумен.

– Как мне... как я смогу отблагодарить вас? – спросил де Пернек, очутившись на другом берегу.

– Будешь лечить меня частным порядком.

В тот момент мысль показалась ему здоровой – у Грегуара по-прежнему случались периоды парализующего беспокойства, жуткие галлюцинации, приступы неконтролируемой ярости.

На самом деле в ту ночь ему пришла в голову худшая идея в его жизни.

Мишель де Пернек. Истинный посланник ада.

– Ciascuno pensi ed operi a suo talento: e anche la morte non mancherà di fare a suo modo.

«Пусть каждый думает и действует на свой лад: смерть не преминет поступить так же». Лоик узнал цитату из Джакомо Леопарди, поэта из Реканати. Это высказывался один из директоров Монтефиори – иными словами, «полковник», – стоя за небольшой кафедрой рядом с фамильным склепом.

Оратор начал свою речь с этой цитаты, дабы подчеркнуть, что покойный всю свою жизнь был «свободным человеком» – читай: плевал на мораль, закон, гуманность и прочие ценности, которые могли бы ему помешать побеждать других, причем к «другим» относились все. Великий Джованни всегда считал себя выше закона. Лоик был знаком с

творчеством Леопарди. То, что этого исключительного по доброте и чувствительности поэта цитировали в подобном контексте, было потрясающей бессмыслицей – или же лицемерным присвоением интеллектуальной собственности. Но в конце концов, у края могилы какое значение могла иметь еще одна ложь?

Часовая служба в соборе Сан-Миньято аль Монте сильно притупила восприимчивость присутствующих. А потом пришлось сражаться с журналистами, чтобы добраться до машин. Тем же утром первые полосы ежедневных изданий выдавали самую противоречивую информацию и самые причудливые гипотезы относительно смерти Кондотьера. Ни семья, ни полиция не произнесли ни слова.

И по простой причине: никто ничего не знал.

Несмотря на свое состояние (у него распухло горло и заложило нос), Лоик оценил красоту сцены. Монтефиори построил на кладбище Аллори склеп из черного гользинского мрамора в стиле ренессанса, чьи чистые линии напоминали первые шедевры Брунеллески. Жестянщик всегда принимал себя за одного из Медичи. Он открывал собой усыпальницу: предки графини были захоронены в крипте флорентийского дворца, а прародители самого Монтефиори – где-то на заброшенных пустырях.

Зимнее солнце дало свое благословение церемонии. Утренние лучи напоминали золотистый елей, которым смазывают лоб больного «во имя Господа». Все были одеты в темное, что придавало торжественности и однородности собранию, изначально и того и другого лишенному. Рядом со старыми мафиози с их кричащей элегантностью, выставляющими напоказ своих дам лет на тридцать-сорок моложе, стояли совсем иные пары, аристократические, являющие собой куда более изысканное равновесие. Лоик особенно восхищался женами, которым перевалило за шестьдесят: они крепко держались, сумев стать незаменимыми или устрашающими, чтобы до конца пройти путь рука об руку со своими мужьями – крепкими орешками...

Речи продолжались. Картина своей пышностью напоминала групповые сцены из галереи Уффици, итальянские слова своей музыкальностью – «Симфонию» Габриели. Все вместе казалось ему истинным чудом, но он был необъективен: оглушенный снотворными, он провел накануне всю вторую половину дня у бассейна со своими детьми. Вроде обычная ситуация – и в то же время исключительная: он не был с ними дольше часа вот уже несколько месяцев, – но она переполнила его чувствами. Их жизненная сила перевешивала траурную атмосферу виллы – сестры то прилипали к телефону, то театрально рыдали, мать тенью бродила по саду, София, с ее надменностью, не знала, какую линию поведения выбрать перед лицом несчастья.

– *Cosa stai facendo?*^[41]

Лоик подскочил:

– Что?

София только что пихнула его локтем. Церемония заканчивалась. Следовало бросить розу внутрь склепа. Он взял свою и вошел в мавзолей. От черных стен исходило неожиданное тепло. Эта строгость стиля не подходила Кондотьеру. Он был достоин погребения на египетский лад – с убитыми рабами, сокровищами и фресками на стенах, повествующими о его исключительной судьбе.

Он бросил розу на гроб и подумал о собственном отце, где-то там, в Африке. Какие опасности ему угрожают? Может, убийцы решили вырвать сердце и у него?

Когда он вышел обратно на свет, София, держа детей за руки, разговаривала с

напомаженным блондином, совершенно не соответствующим обстановке. Лоик сразу понял: коп. София с напряженным лицом сделала ему знак подойти.

Неприятности начинаются...

– Позволь представить тебе Массимо Сабатини, *ispettore superiore*.

Лоик не мог вспомнить, чему соответствует это звание: капитану или майору. Во всяком случае, достаточно, чтобы вести уголовное расследование. Мужчина подтвердил, что дело Монтефиори поручено ему. Светлые волосы, сбрызнутые лаком, лет сорока, он отличался той бесцветностью, которая бывает иногда присуща итальянцам с севера страны, скорее смахивающим на немцев.

София препоручила Милу и Лоренцо одной из сестер и вернулась к ним:

– Месье Сабатини хотел бы с нами поговорить, это займет несколько минут.

– Со мной тоже? – спросил Лоик, разыгрывая удивление.

– Это ненадолго, – бросил полицейский, слегка поклонившись.

Все собравшиеся двинулись к выходу с кладбища. Над решеткой ограды трещали вспышки фотоаппаратов. *Ispettore* указал на тенистую дорожку, которая вела в обратном направлении. Семейство Монтефиори устроило обед для пятидесяти самых близких – Лоик не спешил к ним присоединиться.

Они шли в молчании. Аллеи напоминали улочки Помпеи. Время внезапно замерло благодаря лаве и пеплу. Ритуальные кресты, разделенные немалым расстоянием стелы, шелестящая под ветром листва... В совершенной лазури деревья казались синими, а гробницы посеребренными.

Пока что судебно-медицинские службы и похоронные конторы били все рекорды скорости: транспортировка тела, вскрытие и возвращение тела семье заняли меньше сорока восьми часов.

Наконец София спросила:

– Вы попали на какой-нибудь след, *ispettore*?

– Пока нет. Никаких свидетелей, ни единой улики, и мы представления не имеем, где ваш отец... скажем так, подвергся нападению. Место, где обнаружили тело, ни о чем не говорит: наши специалисты уверены, что его туда перевезли.

Сабатини казался робким и нерешительным. Маслянистые волосы наводили на мысль о первом холодном отжиме^[42], которому его подвергли.

– Сейчас, – продолжил он своим неуверенным голосом, – мы испытываем большие сложности с установлением его распорядка дня и...

– Мой отец был очень закрытым человеком.

– А вы сами не знаете, куда он мог направиться в то утро?

– Вот уже много лет я живу во Франции. Спросите лучше его супругу. Или моих сестер: они работали у него.

– Да? Отлично.

Сабатини кланялся, будто извиняясь, после каждой фразы. Оправа очков скрывала его светлые ресницы, лишая лицо всякой выразительности. Однако, пока они шли, Лоик почувствовал и что-то другое. Этот тип играл свою роль. Стратегия в духе Колумбо, чтобы

усыпить их бдительность.

– А у него в кабинете был ежедневник – электронный или на бумаге? Я хочу сказать, на вилле во Фьезоле? При нем мы ничего не нашли. Даже мобильного телефона.

– Мой отец никогда не использовал ни бумажные носители, ни компьютер, – пояснила София бесстрастным голосом. – Одна деталь, которую вы, конечно, не знаете: он так и не научился по-настоящему читать и писать. Но у него была исключительная память на цифры.

Графиня играла свою роль идеально: высокомерная, ледяная, неприступная.

– Вы в курсе, что у него было два телохранителя? – снова заговорил итальянец.

– Да, я их отлично знаю.

– Во вторник ваш отец освободил их на все утро.

– Иногда он предпочитал ходить на встречи один.

Это была игра кошки с мышкой, и София совершенно напрасно, в чем Лоик был теперь уверен, принимала себя за победительницу.

– Мне искренне жаль, мадам, но вы ошибаетесь.

Первый удар когтем.

– Мы уже проверили: они *впервые* не сопровождали его. На протяжении как минимум десяти лет Джованни Монтефиори никогда не передвигался без них.

Они дошли до конца аллеи. Не стовариваясь повернули направо. Лоик представил себе призраков, проказливые блуждающие огни, мелькающие между могил, пользуясь покоем и пространством.

– Вам знакома компания «Heemecht»?

Лоик подскочил. Теперь Сабатини обращался к ним обоим. Кошка играла не с одной, а с двумя мышками.

– Это одно из предприятий отца, – признала София.

– Одно из наиболее крупных, – подтвердил полицейский. – Предприятие по извлечению, рециркуляции и обогащению металлов. А также фрагтовая, транспортная и логистическая компания, как и мощная финансовая группа со штаб-квартирой в Люксембурге, которой принадлежат паевые доли во многих международных компаниях.

Ispettore перечислял эти факты нейтральным, но твердым тоном. Он немного опередил своих собеседников, чтобы иметь возможность окидывать взглядом обоих, продолжая шагать дальше.

– Возможно, вы этого не знали, но ваш отец уже несколько лет находился под пристальным вниманием Guardia di Finanza^[43] в связи с некоторыми... темными соглашениями между ним и империей Mediaset, а также из-за коррупционных связей с некоторыми депутатами от Тосканы и Ломбардии.

София остановилась. Она наконец поняла: мягкое вступление было всего лишь ловушкой. А сейчас их будут поджаривать на углях – и ее саму, и муженька-финансиста. Сабатини по-прежнему рассеянно улыбался, будто не осознавал всей убийственной жесткости информации, которой поделился.

– Он оказался бы под следствием в течение ближайших недель, – продолжил он. – Если бы обстоятельства убийства не были столь варварскими, в первую очередь возникла бы версия самоубийства.

София казалась ошеломленной. Лоик и полицейский замерли рядом с ней. Все было готово к дуэли на троих, посреди кладбища, в лучших традициях спагетти-вестерна.

– На самом деле полные отчеты о его компаниях, поездках и перемещениях по Италии

уже лежат на моем столе. Вопреки расхожим слухам полицейские службы эффективно сотрудничают и иногда могут быть весьма расторопны. Среди предприятий, акционером которых является «Heemecht», имеется «Колтано», вам это о чем-нибудь говорит?

– Смутно, – прошипела она сквозь зубы. – Повторяю, я не занимаюсь делами отца.

У нее и мысли не мелькнуло рассказать то, что ей в конце концов открылось: ради слияния своих африканских акций оба отца устроили брак детей.

– А вам? – спросил Сабатини, глядя на Лоика, словно приглашая его вступить в игру.

– Прекратите задавать вопросы, ответы на которые вы и так знаете, – ответил тот на своем самом изысканном итальянском.

– Джованни Монтефиори владел вместе с вашим отцом значительными долями в горнодобывающей компании в Конго. Полагаю, его убийство связано с этим фактом.

– Почему?

– Потому что Филипп Сезе Нсеко, тамошний директор «Колтано», был убит два месяца назад именно таким способом.

– Моего отца убили африканцы?

Фраза вырвалась у Софии, и в ее тоне было столько отвращения, что это вполне могло сойти за расизм. Машинально Лоик взял ее за руку, словно пытаясь остановить на этом скользком и скверном склоне.

– Итальянцы могут дать фору любой стране в том, что касается жестокости и варварства, – продолжил Сабатини, – но все наводит на мысль, что это убийство связано с Африкой и «Колтано». Возможно, речь идет о захвате власти... радикальном захвате власти внутри группы.

Нервным движением София выхватила сигарету из глубины сумочки.

– На сегодняшний день я единственная наследница его долей, – заявила она, выдохнув дым в сторону солнца. – Мне тоже может грозить опасность.

Полицейский отмел это предположение легким движением:

– Не бойтесь. Мотив не в этом. На самом деле у вашего отца осталось всего несколько акций «Колтано».

– Что вы такое говорите?

Поздновато было просвещать Софию, но Лоик прошептал:

– Он все продал за последние недели. Я тебе объясню...

– Мне тоже хотелось бы услышать объяснения...

Лоик отступил: Сабатини смотрел ему прямо в глаза.

– Причины этой операции довольно сложны, – попытался вывернуться он, – понадобятся часы, чтобы...

– Назначим встречу.

– Без проблем, – отозвался Лоик, скрывая тревогу, – вот мой телефон.

Сабатини с удовлетворением взял его визитку. Еще раз поклонившись, он указал им на другую тропинку. София курила так, словно ее тело работало на пару.

– Изидор Кабонго – знаете такого? – поинтересовался *ispettore*, как бы ни к кому не обращаясь.

– Нет, – рассеянно ответила София. – Кто это?

– «Господин Рудник» из Конго-Киншасы. Он много раз был министром горнодобывающей промышленности и геологии. Остался в роли эксперта при правительстве Жозефа Кабилы.

– Никогда о таком не слышала.

– А генерал Трезор Мумбанза?

– И о нем тоже.

Лоику были знакомы эти имена, но он никак не мог вспомнить в точности, какие именно отношения связывали их с Грегуаром.

– Полковник Лоран Бизинжи?

– Лучше объясните нам, кто это, ладно? – вмешался он.

– Люди, связанные с добычей и торговлей колтаном в Конго. Мне не хватает кое-каких деталей, но одно точно: Бизинжи, который является заместителем Мумбанзы, нового директора «Колтано», – военный преступник.

– Это он ваш подозреваемый? – спросил Лоик.

– Сначала нужно доказать, что он был в Италии в момент совершения преступления.

По ассоциации Лоик снова подумал о Морване:

– Может ли быть, что мой отец тоже в опасности?

– Во всяком случае, он неосторожен. Согласно моим источникам, он сейчас там.

– Именно.

– Вам известна цель его поездки?

– Нет. Мой отец разделял с Джованни склонность к секретам.

Сабатини снова улыбнулся, делая вид, что любит пейзажем: могилы, тисы, небо... Слово за слово он довел их до выхода. Лимузины, катафалк, грузовички с телевизионщиками исчезли.

– Я вас попрошу пока что не уезжать из Флоренции.

– Вы начинаете и впрямь действовать мне на нервы! – внезапно взорвалась София. – Вы говорите с нами как с обвиняемыми. У вас такой вид, словно вы забыли, что это мой отец был убит!

Лоик встал перед полицейским, загородив ему дорогу:

– Что вам на самом деле нужно?

– Записная книжка Джованни Монтефиори.

– Вам же сказали, что...

– Вы ошибаетесь. Согласно свидетельским показаниям, он записывал свои конфиденциальные встречи в блокнот, который хранил на вилле. Он изобрел примитивный алфавит, которым мог пользоваться только он сам, чтобы фонетически записывать имена и названия мест, где назначена встреча.

Лоик никогда о таком не слышал, но по выражению лица Софии понял, что коп сказал правду. Он подумал о своем отце, который тоже обожал коды, тайны и прочие сексотские штучки.

Старые обезьяны...

– Найдите эту записную книжку, *signora*, мы будем вам очень признательны. Несмотря на финансовые расследования, направленные против вашего отца, на данный момент мы не можем провести обыск во дворце во Фьезоле...

– А если мы ее не найдем?

Сабатини снова согнулся пополам – елейные манеры прошлого века.

– Смерть вашего отца не отменяет процедуру, объектом которой он был. Грозящее ему обвинение будет перенесено на вашу мать, которая принимала участие в делах супруга, и на ваших двух сестер, которым пришла в голову скверная мысль занять его место.

София прикурила новую сигарету. Яростно и беспомощно выдохнула клуб дыма.

– Возможно, в другие времена связи вашего отца обеспечили бы ему защиту, но те времена миновали, – продолжал настаивать полицейский. – Италия переменялась, *signora*. Во всяком случае, мне нравится так думать.

Наконец-то Сабатини сбросил маску: мелкий буржуа, который просто кончал от счастья, что стал поборником справедливости, – он был до невозможности доволен тем, что взял верх над аристократической флорентийской семьей, а вдобавок еще и над кланом выскочек эры Берлускони.

– Даю вам двадцать четыре часа.

Полицейский напоследок окинул их взглядом, потом развернулся и, не оборачиваясь, вышел с кладбища.

София не шевелилась, затягиваясь и кусая губы. Наконец они переглянулись, и совместные годы взаимопонимания и поддержки мигом воскресли. Они найдут записную книжку жестянщика, но уж точно не для того, чтобы отдать ее копу, промасленному, как бутерброд.

Анкоро. Цель начала казаться ему нереальной. Они ехали всю ночь, собирая все новое дерьмо на свою голову. В десять вечера шофер стал причитать: у него лихорадка, наверняка заражение. Сальво уволил его, выкинув пинком, и сам сел за руль. Часом позже внедорожник оказался в канаве. Как по волшебству из темноты вынырнули какие-то люди и помогли им снова пуститься в путь. В очередной раз Эрван полез в свой пояс... Несмотря на усталость и укусы, его словно заворожило: он чувствовал, как под ногами пульсирует алое сердце земли.

Сальво оказался хорошим водителем. Хотя дорога ограничивалась двумя лучами фар, освещавшими всплески грязи и листья, бьющиеся в ветровое стекло, он устремлялся в это месиво с полным спокойствием, принимая на себя тряску и толчки и претворяя их в оставшиеся за спиной километры.

Эрван устроился впереди, пристегнув ремень и вцепившись в ручку двери. Его болтало на сиденье, как мешок с картошкой. Иногда он погружался в полудрему, только подбородок бился о грудь да тело подскакивало на ухабах. Обычная перевозка трупа...

Когда он засыпал по-настоящему, ему снился один и тот же сон. Он жил в термитнике, в паре со своей королевой, огромной и прозрачной. Он заключал ее в объятия, прижимал, оплодотворял, чувствуя, как ее тело заполняется тысячами личинок, оживающих под его ласками. Внезапно его приходили освободить Белые Строители с дымящими факелами. Термиты пускались в бегство. Когда он со слезами на глазах выбирался из своего логовища, спасители ждали его в окружении тел с ободранной кожей, развешанных по деревьям...

На рассвете они оказались на равнине, плавающей в собственном соку. Огромное зеленое тело, развалившееся на простынях дождя. Все сверкало в лучах зари. Казалось, природа разрослась за ночь. Рождение мира, и только, под пунцовым небом, которое тоже едва покинуло мифологическую кузницу...

Сейчас был полдень, и они ехали через Анкоро. Здесь цвета отсутствовали: только ржавчина дней и серость реки. Болотистые трущобы, где человеческое сливалось с растительным, плоть с корой, пластик с илом.

Сальво поставил внедорожник в гараж – скорее, под навес, где за ним должны были присмотреть местные.

– А все-таки что у тебя за работа? – спросил Эрван, устремив глаза на чемодан, который баньямуленге всегда держал на расстоянии вытянутой руки.

– Импорт-экспорт, я ж говорил.

– С какими странами?

– Теми, которые дают нам всякие штуки.

– Не понял.

– Когда любезные развитые страны отправляют нам посылки, их же нужно распределить.

– Ты хочешь сказать, украсть и перепродать.

– В любом случае они исчезают. Лучше уж взять дело в свои руки. Я получаю оптом, а потом распределяю поштучно... Просроченные медикаменты, непарную обувь, сломанные машины.

– Не скромничай: есть еще и ООН, и неправительственные организации.

Сальво расхохотался:

– В удачные деньки! Мы муравьи, босс. А муравьи живут крохами...

– А этот чемодан?

Тот положил руку на чемодан, будто оберегая от взгляда Эрвана:

– Это не для протокола. – Он не дал времени выяснить подробнее и ввинтился в уличную толпу. – Дальше пойдем пешком.

Они с трудом прошли оставшуюся часть деревни, с носильщиками позади, преследуемые детьми, бродячими торговцами и смешками женщин, наблюдающих за ними с порога своих лачуг. По мере приближения к воде дома все больше напоминали постройки из отбросов. Запах тухлой рыбы пропитал все вокруг.

Настоящим зрелищем была река. Бурные с оранжевым отливом волны, казалось, омывали древние металлы, еще тлеющие угли из незапамятных времен. От этого пейзажа на губах оставался железистый привкус. Противоположный берег был едва различим – зеленоватая лента, затерянная в жаркой дымке.

По щиколотку в воде они пробрались сквозь путаницу тростника и корней и вышли на берег. Невероятная суэта. Путешественники, обвешанные багажом с головы до пят, с тяжелыми узлами под мышками, шагали вслепую. Примостившиеся между уходящими в воду корнями лавчонки предлагали самые причудливые товары. Бочонки, тюки и лодки плескались возле берега. Каждый забирался по колено в мутную воду, но никто не замедлял шага. Лишь бы не опоздать к отплытию.

Эрвану потребовалось несколько секунд, чтобы осознать, что именно он видит поверх камыша: две сцепленные между собой баржи образовали нечто вроде понтона метров двухсот длиной, без тени какого-либо оборудования или устройств, просто заполненного пассажирами. С этого расстояния его можно было принять за свалку на уровне воды. Или же за плавучую деревню с тысячами обитателей, которые уже как-то обустроивались ввиду грядущего переезда. На борту этой гигантской гладильной доски белой краской было намалевано: ВЕНТИМИЛЬЯ^[44].

– Повезло, они здесь! – Сальво прокладывал путь через толпу ударами палки – как ударами мачете в джунглях. – Поторапливайся, шеф. Надо занять нашу каюту первого класса!

Эрван ускорил шаг – или, точнее, поплыл быстрее: они барахтались по пояс в воде,

пристроив сумки на голову. Он не мог оторвать глаз от кишачего людьми настила. Мужчины с обнаженными торсами, казалось, играли мускулами под солнцем. Прачки трудились вовсю, согнувшись в три погибели над своими тазами. Дети удили рыбу, привязав леску к руке. Козы, свиньи, зонты и зонтики – всё в одной куче. Дымящиеся жаровни, развешанное на веревках сохнущее белье, музыкальная группа в разгар репетиции...

Перекинутая доска, чтобы подняться на борт. Эрван работал локтями, пытаюсь не отстать от Сальво. Рядом толкли маниоку, переругивались, закрепляли ящики под пластиковыми тентами. Старались пристроиться между огромными сумками, подыскивали себе местечко – с полным безразличием к палящему солнцу.

Сальво безостановочно орал и приглядывал за носильщиками. Они добрались до второй баржи. Все происходит сзади, пояснил Желтая Майка. «Вентимилью» толкают, а не буксируют.

– Толкают чем?

– Ну и вопрос: толкателем, чем же еще! Три тыщи лошадиных сил, четыре винта! Мотор от штурмового танка, который сперли у армейских!

Эрван увидел наконец самоходную установку. Каюта первого класса располагалась прямо на настиле. Носильщики сдали багаж: им вовсе не хотелось, чтобы их увезли за компанию. Эрван расплатился и увидел, как они растворились в свалке, пускаясь в обратный путь.

Он огляделся. Буксир-толкач представлял собой приземистую лодку, нос которой был прикреплен к первой барже металлическими тросами, зафиксированными лебедкой. На возвышении – рулевая рубка, установленная так, чтобы капитану открывался максимальный обзор. Внизу, в трюме, гудели моторы. Между ними располагалась каюта первого класса: кусок листового железа, раскаленного добела, в вонючего дизельного топлива. Совершенно неочевидно, что они отхватили лучшее место: вибрации машинного зала поднимались снизу, а плевки капитана летели сверху. Единственный положительный момент – тент, натянутый у них над головой.

[Купить полную версию книги](#)

---

notes

Бубу – мужская длинная широкая туникообразная рубаха у народов Западной Африки.
(Здесь и далее примеч. перев.)

«ФАМАС» (фр. FAMAS) – французская штурмовая винтовка.

«*Фицкарральдо*» – фильм немецкого режиссера Вернера Херцога (1982). Сюжет – невероятное путешествие по джунглям Амазонки, которое предпринял главный герой, чтобы построить оперный театр. Фильм основан на реальных событиях.

Мау-мау – участники восстания в Кении в 1950-х гг.

Баньямуленге – конголезские тутси, населяющие плато озера Киву.

«Апокалипсис сегодня» (англ. «Apocalypse Now») – фильм американского режиссера Фрэнсиса Форда Копполы по роману Джозефа Конрада. Действие происходит в джунглях Камбоджи.

Анри Дезире Ландрю (1869–1922) – французский серийный убийца по прозвищу Синяя Борода из Гамбе.

Пили-пили – один из самых жгучих соусов; в остальном мире носит название «хабанера».

Штази – Министерство госбезопасности ГДР.

ГПТ – госпитализация по просьбе третьего лица.

ФАЗ (*фр.* FAZ – Forces armées zaïroises) – заирские вооруженные силы.

Южное Киву (фр. Sud-Kivu) – провинция на востоке Демократической Республики Конго.

Лубумбаши был основан бельгийцами в 1910 г. как поселение при медном руднике; в этом районе издревле добывали медь, причем медные крестики с X в. служили деньгами, по ценности не уступающими слоновой кости. Выплавка меди была прерогативой мужской секты, называемой «пожиратели меди».

Ка́бве (англ. Kabwe) – город в Центральной Замбии.

Синхронистичность (синхроничность) – по Юнгу, постоянно действующий в природе творческий принцип, упорядочивающий события «нефизическим» (непричинным) путем, только на основании их смысла.

Трансфер – термин в психиатрии: бессознательный перенос ранее пережитых (особенно в детстве) чувств и отношений, проявившихся к одному лицу, совсем на другое лицо.

Ссылка на роман «Клелия» французской писательницы XVII в. Мадлен де Скюдери, где любовное чувство облекается в форму аллегорической топографии.

В самый последний момент (*лат.*).

Папа умер (*ит.*).

Синья (Signa) – город в Италии, в регионе Тоскана, в провинции Флоренция.

Латерит – богатая железом и алюминием поверхностная формация в жарких и влажных тропических областях, образованная в результате выветривания горных пород. Обычно красного цвета.

Мир и любовь (*англ.*) – один из самых знаменитых лозунгов хиппи шестидесятых.

Нганга – колдун, целитель (в Конго).

Палава-ле-Фло (фр. Palavas-les-Flots) – небольшой городок на юге Франции, на побережье Средиземного моря; предоставляет возможность «бюджетного» отдыха.

Наси-горэнг – наиболее известное блюдо индонезийской кухни, подобие плова.

«Бледнее бледного» (*англ.*). Культовая песня шестидесятых группы «Procol Harum».

Иоганн Пахельбель (нем. Johann Pachelbel; 1653–1706) – немецкий композитор и органист. Творчество Пахельбеля – одна из вершин южнонемецкой органной музыки периода барокко.

Оргán Хámмонда (англ. Hammond organ) – электрический орган, который был спроектирован и построен Лоуренсом Хаммондом в апреле 1935 г.

Лонтано (*ит.* Lontano) – далеко.

Мзунгу (суахили mzungu) – европейцы, белые.

Эндогамия – норма, предписывающая заключение брака в пределах определенной социальной или этнической группы.

«Пять Джексонов» (англ. The Jackson 5) – американская группа, состоявшая из братьев Джексонов: Джеки, Тито, Джермейн, Марлон и младший – Майкл.

Ан-Го (англ. Un-Go) – герой японского мультсериала (2011).

Сидячая забастовка, сидячая демонстрация (*англ., фр.*).

Спагетти с сардинами (*ит.*).

Дедушка (*ит.*).

За стол (*ит.*).

Минконди – множественное число от «нконди» – статуэтка-фетиш, «охотник на духов».

«Еда от сердца» (фр. «Resto du coeur») – социальная программа, созданная во Франции в 1985 г. по инициативе актера Колюша: передвижные и стационарные пункты раздачи еды малоимущим. В программе работают только волонтеры.

«Желтые страницы» – справочник специалистов, распределенных по роду занятий, в отличие от «Белых страниц», алфавитного перечня частных лиц.

Ты чем занят? (*ит.*)

Первый холодный отжим – процесс, применяемый при изготовлении оливкового масла.

Налоговая полиция (*ит.*).

Вентимилья (ит. Vintimille) – город на средиземноморском побережье Италии.